

Российская академия наук
Институт археологии
Russian academy of Sciences
Institute of archaeology

Russian academy of Sciences
Institute of archaeology

Leonid A. Belyaev, Maria B. Mednikova

LOOKING FOR ROMANOV'S THE BOYARS:

**interdisciplinary research of the funerary vault
of the 16th -17th c. in the church of the Our Lady
of the Sign in the New Monastery
of the Savior in Moscow**

Edited by
Nikolai A. Makarov

Vol. 1

Moscow, 2018

Российская академия наук
Институт археологии

Л. А. Беляев, М. Б. Медникова

В ПОИСКАХ БОЯР РОМАНОВЫХ:

**междисциплинарное исследование
усыпальницы XVI–XVIII вв.
в Знаменской церкви
Новоспасского монастыря в Москве**

Ответственный редактор
академик Н. А. Макаров

Вып. 1

Москва 2018

УДК 902/904
ББК 63.4
Б44

Издание подготовлено в рамках проекта РФФИ № 16-01-00081 ОГН.
Утверждено к печати Ученым Советом ИА РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук, академик *А. П. Бужилова*
кандидат исторических наук *Ю. М. Эскин*

Беляев Л. А., Медникова М. Б.

В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве / В 2-х вып. / Отв. ред. Н. А. Макаров / Ин-т археологии РАН. – М.: Club Print, 2018. Вып. 1. – 208 с.

ISBN 978-5-94375-266-7

Новоспасский монастырь в XVI в. стал усыпальницей боярского рода Захарьиных-Юрьевых-Романовых. Многочисленные внуки Романа Юрьевича Захарьина, дети Никиты Романовича, образовали в последней трети XVI в. клан «Никитичей», после смерти царя Федора Ивановича вступивший в борьбу за царский престол. Борис Годунов подверг их жестокой опале, но после вступления на престол Лжедмитрия останки умерших перевезли из мест ссылки в родовой монастырь, позже построив поминальный храм Знамения, в конце XVIII в. целиком перестроенный. В нем почитали особую Палатку Никитичей. На ее участке экспедиция Института археологии РАН в 2014 г. изучила каменные саркофаги, надгробия, вещи и костные останки. Анализ письменных источников и сохранившиеся надписи указали на погребения членов семьи князей Черкасских (близких родственников бояр Романовых) и родоначальницы этой ветви, княгини М. Н. Черкасской (Романовой). Междисциплинарное исследование позволило решить вопросы идентификации и сделать заключение об образе и качестве жизни представителей боярских семей, стоявших в XVI – начале XVII в. у истоков династии Романовых.

Since the 16th c. the New Monastery of the Savior became the burial ground of the Romanov boyar family. The numerous descendants of Roman Zacharyin established the powerful clan of «Nikitichi» (the children of Nikita) at the end of the 16th c. After the death of the Tzar Feodor they were disgraced, imprisoned and exiled. But after the accession of False Dmitry the 1st their remains were transferred from the Northern Russia to their ancestral monastery of the Savior. The special chapel was erected over the tombs, fully reconstructed in the late 18th c. In 2014 the excavations of the Institute of archaeology RAS (under the supervision of Leonid Belyaev) discovered the stone sarcophagi, tomb stones, artifacts and human remains. The epigraphy and the written sources indicated burials of the Princely family of Cherkasy, the close relatives of the Romanovs, including the founder of this brunch Princess Marfa Romanova. The multidisciplinary study allowed to identify remains and to research life style and life quality of the representatives of the aristocratic families of the 16th and 17th cc.

УДК 902/904

ББК 63.4

Ключевые слова: каменные саркофаги, эпиграфика, Новоспасский монастырь, XVI–XVII вв., биоархеология, палеоантропологический источник, идентификация останков, палеопатология, морфология, реконструкция лица по черепу, изотопный анализ диеты, радиология, микроскопия, рентгенофлуоресцентный анализ, качество жизни населения по данным антропологического источника, палеогенетика

Key words: sarcophagi, epigraphic, the New Monastery of the Savior, 16th–17th cc., bioarchaeology, palaeoanthropological sources, identification of remains, palaeopathology, morphology, reconstruction of appearance, isotopic analyses of diet, radiology, microscopy, RFA, life quality of people based on anthropological data, palaeogenetics

ISBN 978-5-94375-266-7

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7

© Беляев Л. А.
© Медникова М. Б.
© Коллектив авторов

Оглавление

Введение: династическая археология на марше <i>Л. А. Беляев, М. Б. Медникова</i>	7
Раздел I. История и археология	
Ранние Романовы и их погребальная традиция: XVII век <i>Л. А. Беляев, С. Ю. Шокарев</i> Историко-генеалогический очерк – Усыпальница в Знаменской церкви: письменные источники и эпитафика	12
Натурные исследования «Палатки Романовых» в церкви Образа Богородицы «Знамение» московского Новоспасского монастыря <i>Л. А. Беляев, И. И. Елкина</i> Стратиграфия и планиметрия – Белокаменные конструкции и лапидарная эпиграфика – Инвентарь погребальных сооружений – Одежда и другие текстильные изделия – Предварительные выводы	38
Раздел II Антропология, биоархеология, генетика	
<i>М. Б. Медникова</i> История повседневности в фокусе биоархеологического исследования. Новые подходы и методы в изучении останков исторических лиц по данным антропологии	55
<i>М. Б. Медникова, А. В. Рассказова</i> Предварительные результаты антропологического исследования, выполненного при вскрытии саркофагов Знаменской церкви в 2014 году	67
<i>М. Б. Медникова, А. В. Рассказова, А. А. Тарасова</i> Комплексный анализ женских останков под плитой № 1	70
<i>М. Б. Медникова, А. В. Рассказова, А. А. Тарасова</i> Комплексный анализ останков подростка в саркофаге № 3	81

<i>М. Б. Медникова, А. В. Рассказова, А. А. Тарасова</i> Комплексный анализ останков мужчин, захороненных в склепе под плитой № 1	86
<i>А. С. Пилипенко, Р. О. Трапезов, С. В. Черданцев</i> Итоги палеогенетического исследования образцов зубной и костной ткани погребенных в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве	99
Заключение <i>Л. А. Беляев, М. Б. Медникова</i>	109
Приложения к разделу I	
Приложение 1 <i>Долгих Е. В.</i> Бокал из погребения в склепе № 1. Экспертное заключение	115
Приложение 2 <i>Елкина И. И.</i> Текстиль из погребений в Палатке Никитичей	118
Приложение 3 <i>Осипов Д. О.</i> Обувь из коллективного перезахоронения в склепе № 1. Предварительное заключение	129
Библиография	132
Сведения об авторах	144
Альбом иллюстраций	145

Введение: **династическая археология на марше**

Л. А. Беляев, М. Б. Медникова (ИА РАН)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.7-11>

Наша книга представляет результаты контекстуального изучения погребений в так называемой Палатке Никитичей, части большого некрополя бояр Романовых. Это ключевой памятник для изучения генеалогии и самой жизни представителей этого рода в XVI–XVII вв. Открытые захоронения принадлежат историческим персонажам, в числе которых ближайшие родственники первого царя династии Романовых. Но, как оказалось, их строгая идентификация отнюдь не легкое дело.

Первая задача публикуемой работы – полное введение в научный оборот материалов натуральных археологических исследований 2014–2015 гг. на территории Новоспасского ставропигиального мужского монастыря в Москве и последовавших за ними историографических и аналитических работ (2016–2018 гг.) с комплексной интерпретацией полученных данных. Инструментами при этом послужат традиционные данные археологических раскопок; привычные приемы анализа собранных при этом находок; материаловедческая экспертиза с применением рентгенофлуоресцентного анализа, новых методов неdestructивной микроскопии; антропологические исследования, включающие современные радиологические и микроскопические исследования; изотопные анализы питания и прижизненной мобильности людей, упокоившихся под сводами Знаменской церкви. Отдельно было выполнено генетическое исследование, результаты которого позволяют оценить возможное родство покойных по материнской линии.

Дополнительные цели исследования можно сформулировать как совершенствование методических подходов в области изучения статусных некрополей, особенно – в индивидуальной атрибуции и в той сфере, которую можно условно назвать «династической археологией»

Московской Руси и Российской Империи»¹. Ее сложение уже достаточно очевидно, но до сих пор не постулировано как особое пограничное направление, затрагивающее специальные (генеалогию, эпиграфику, просопографию и многие другие), а также естественнонаучные дисциплины и, конечно, общую историю России.

Изучение исторического некрополя, идентификация погребенных, восстановление обстоятельств их жизни на уровне и макро, и микро (с ее вниманием к деталям быта) истории, на базе археологии и с привлечением всего шлейфа дисциплин, составляющего основу ее современной методологии, получило широкое развитие в российской науке только в последние 20–30 лет. Однако за это время проведены серьезные полевые работы, например, исследованы усыпальницы князей Пожарских в Суздале (Беляев, 2015а) и семьи Ермоловых в Орле (Энговатова, Медникова, Радюш, Пилипенко, Шведчикова, Решетова, Васильева, 2014. С. 313–320). Опубликованы методические разработки (Беляев, 2011). Идентифицированы многие погребения и проведены первые опыты виртуального восстановления утраченных кладбищ, таких как кладбище Данилова монастыря (Беляев, 2012) и Духовной Академии в Троице-Сергиевой лавре (Энговатова и др., 2016), идут активные работы по изучению и реконструкции кладбища в московском Новодевичьем монастыре. Предложены новые понятия, такие как «археологическая личность» (*Средневековая личность*, 2016; Беляев, 2017. С. 82–90) и «биоархеология» (см. очерк о ней во II разделе), которые позволяют оперировать собираемыми материалами осознанно. По тематике формируются секции конференций (*Археология и общество*, 2015; *Археология сакральных мест России*, 2016; *Building Bridges*, 2017).

Тем не менее, как единое новое направление, ни археология позднего кладбища (приходского и монастырского), ни династическая археология в России до сих пор не оформлены, хотя латентно осознаются многими историками и археологами (интересным явлением стало, например, издание материалов некрополя Воскресенского монастыря в Кремле, жанр которого трудно определить иначе чем «каталог захоронений»: *Некрополь русских великих княгинь*, тт. 1–4, 2009, 2015, 2018,

¹ Династическая археология хорошо известна в Европе – достаточно указать на такую работу, как “Археология средневековой английской монархии”: Джона Стиани (Stean, 1999). В России зарождением «династической археологии» можно назвать исследование Г.Ф. Миллером погребений Архангельского собора и того же Новоспасского монастыря, которые в силу особенностей развития русской науки долго не получали достойного развития.

2019). Нам представляется, что исследования в зоне Знаменской церкви Новоспасского монастыря окажутся важным звеном в складывающейся сети этого нового направления.

В свою очередь, интерес к событиям династической истории и к ее восприятию современниками очевиден (см., напр., материалы сборника *Родословные древа русских царей*, 2018), к тому же он постоянно и уверенно возрастает в последние десятилетия, временами выходя за рамки собственно науки, как это случилось с идентификацией останков расстрелянной царской семьи. Так что династическая археология актуальна для использования в политической и общественно-культурной жизни (включая сюда церковную), и материалы нашего исследования органично войдут в ее сферу.

Представляемая работа выполнена совместно, силами сотрудников Отдела археологии Московской Руси и Отдела теории и методики Института археологии Российской академии наук, с привлечением ряда специалистов из других подразделений (Отдел сохранения археологического наследия) и научных организаций. Полевые работы под руководством Л. А. Беляева проходили по открытым листам, в контакте с московским городским фондом по содействию в сохранении и развигии исторических, культурных и духовных ценностей «Царская дорога», на территории Новоспасского ставропигиального мужского монастыря, с разрешения его властей. Аналитические и интерпретационные работы прошли в 2016–2018 гг. при поддержке РФФИ (грант № 16-01-00081 ОГН, рук. М. Б. Медникова).

В работе приняли участие, в качестве соавторов и экспертов: С. Ю. Шокарев (кандидат исторических наук, РГГУ), Д. О. Осипов (доктор исторических наук, ГИМ), А. В. Лазукин (Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей); А. В. Рассказова (Институт этнологии и антропологии РАН), А. А. Тарасова (ИА РАН), Е. В. Долгих (доцент кафедры истории искусств РГГУ); в организации работ деятельно участвовала С. Б. Григорян (ИА РАН).

Палеогенетические исследования образцов зубной и костной ткани погребенных были выполнены под руководством А. С. Пилипенко при участии Р. О. Трапезова и С. В. Черданцева (Институт цитологии и генетики СО РАН; Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет).

Экспертные работы с применением высокотехнологичного оборудования (РФА, радиологическая и флуоресцентная, электронная микроскопия, микротомография) были выполнены в ООО «Системы

микроскопии и анализа», Москва. Авторы приносят особую благодарность за неоценимую помощь в проведении этих анализов Татьяне Геннадьевне Дмитриевой, Виктору Павловичу Загвоздину и Павлу Роальдовичу Казанскому. Изотопный анализ диеты был выполнен в группе изотопных исследований ИИМК РАН (Санкт-Петербург) под руководством Ганны Ивановны Зайцевой. Мы крайне признательны Асе Викторовне Энговатовой (Институт археологии РАН), предоставившей нам необходимые для интерпретации полученных данных сравнительные материалы. Изучение мобильности (определение соотношения изотопов стронция, метод масс-спектрометрии) производилось на базе ВСЕГЕИ РАН. Мы благодарны за помощь в проведении этих исследований Евгению Сергеевичу Богомолу.

В ходе работ получаемые материалы постоянно докладывались на конференциях и освещались в публикациях, см.: *Беляев*, 2018. С. 704–727; *Беляев, Елкина, Рассказова, Медникова*, 2017. С. 90–105; *Беляев, Елкина*, 2016. С. 131–150; *Беляев, Елкина, Лазукин, Медникова, Рассказова*, 2016. С. 76–79; *Беляев, Елкина, Лазукин*, 2015. С. 71–75; *Елкина, Беляев*, 2016. С. 92–98; *Елкина, Беляев, Лазукин, Медникова, Рассказова*, 2016. С. 148–150; *Медникова, Елкина, Тарасова, Беляев*, 2016. С. 144–149; *Медникова, Беляев, Елкина, Тарасова, Загвоздин*, 2016б. С. 182–200; *Belyaev, Elkina*, 2017. P. 469; *Elkina*, 2015. P. 523.

Работы не могли быть осуществлены без разрешения и поддержки наместника Новоспасского монастыря, епископа Воскресенского Саввы (ныне управляет Тверской митрополией); сотрудника монастыря, руководителя историко-археологического музея Новоспасского монастыря, историка, директора Сергиевского мемориального фонда Дениса Борисовича Солодовникова, членов фонда «Царская дорога» Ольги Васильевны Черниковой и Елены Викторовны Сикачевой, а также поддержки со стороны прихожан монастыря. Все они открыли нам возможность познакомиться с незаурядным памятником московской старины.

Особая благодарность – коллегам-рецензентам, взявшими на себя труд изучить рукопись и сделать ценные замечания, академику Александре Петровне Бужиловой и известному специалисту по истории Московской Руси Юрию Моисеевичу Эскину.

* * *

Публикация включит два выпуска, первый из которых содержит основную часть материала, полученного при работах в Палатке Никитичей Знаменской церкви. В нем будут предложены новые данные о пол-

ных драматизма эпизодах борьбы, которая шла вокруг царского трона с конца 1590-х до конца 1610-х годов, и особенно – в историю некрополя боярской ветви Романовых и родственных им семей вплоть до 1650-х годов. Результаты традиционных археологических исследований (фиксирующие и интерпретирующие архитектурный контекст, особенности планиграфии и стратиграфии захоронений, типологию сопровождающего их инвентаря) дополняют результаты тонкого инструментального анализа собранных при этом находок и останков погребенных людей.

Второй выпуск готовится к изданию в 2019 году и будет посвящен работам вокруг Знаменского храма (в основном к югу, вдоль западного фасада Спасо-Преображенского собора). В его состав войдут (1) материалы некрополя XVIII–XIX вв., (2) архитектурно-археологические и просто архитектурные контексты, открывшиеся при раскопках. В тот же выпуск будут включены дополнения и новые материалы, получаемые по ходу продолжающегося исследования, а также указатель к обоим выпускам.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Ранние Романовы и их погребальная традиция: XVII век

Л. А. Беляев (ИА РАН)

С. Ю. Шокарев (РГГУ)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.12-37>

15 января 1795 года в Новоспасском монастыре произошло обычное для православной Москвы событие: освятили новый храм, построенный известным архитектором Е. С. Назаровым (см. *Морозов*, 1982). Храм заменил собой обветшавшую церковь «давнего строения», разобранную в 1791 г. и насчитывавшую «чуть ли не 200 лет», то есть, видимо, построенную в первой половине XVII века (Рис. 1). Новый храм унаследовал старое посвящение празднику Знамения Богородице, что указывало на связь с Романовыми, для которых особое почитание образа было родовой традицией¹. Новую церковь строил на собственные средства граф Николай Петрович Шереметев как усыпальницу для своей семьи. Но в восточной части, за алтарем, сохранялась особая палатка, где почитали память очень дальних родичей – сыновей князя Никиты Романовича Захарьина-Юрьева. Эта «Палатка Никитичей» (современное название) в XVIII–XIX вв. вошла в круг наиболее почитаемых государственных святынь, ведь обе ветви Романовых, боярская и царская, обязаны своим родовым прозвищем Роману Юрьевичу, к которому восходят генетически (Рис. 2).

¹ Образ Знамения празднуют 27 ноября, в один день со святым Романом Сладкопевцем, что, видимо, указывает на причину и возможное время сложения традиции. Знаменские храмы известны на обоих дворах Романовых, Старом на Варварке и Новом, Никиты Ивановича Романова (не позже 1625 г.) на Воздвиженке; на «старых дворах» родственных Романовым бояр Черкасских и Одоевских (последняя действовала, как минимум, уже в третьей четверти XVII в.). – см. *Лаврентьев*, 1997. С. 30–36.

Захоронение представителей семьи Романовых в Новоспасском монастыре² не требует объяснений: Захарьины воспринимали его как семейный, «свой» с первой четверти XVI в.³ В подклете его собора Преображения Господня привычно хоронили потомков боярина Федора Кошки: Захарьиных, Яковлевых, Юрьевых (семьи внутри рода различались по отчеству) и, наконец, Романовых. Знаменский храм, по сути дела, пристройка к собору, продолжение его некрополя. Но почему Никитичей не почтили погребением в том же самом подклете, почему их похоронили вне главного храма монастыря? В чем причина постройки первого Знаменского храма и специального внимания к нему? Для того, чтобы это понять, нужно хотя бы кратко рассмотреть роль семьи Никиты Романовича в становлении династии Романовых и особые исторические обстоятельства, предшествовавшие погребению его сыновей и их родни.

Историю формирования новой династической линии в Московском царстве в последней трети XVI – первых десятилетиях XVII века можно представить, при некотором упрощении, как длительную борьбу двух мощных, хотя и не самых родовитых, боярских кланов: Романовых и Годуновых. Как известно, первые в конце концов вышли победителями. Но был момент, когда они были чрезвычайно близки к полной гибели. Именно с этим моментом и с его преодолением связана история погребений в Знаменской церкви. Мы начнем с краткого обзора истории семьи Романовых в XVI в., а затем скажем об их некрополе в Новоспасском монастыре и, особенно, в Знаменской церкви.

² Монастырь «Спаса на Новом» в самом названии содержит объяснение времени появления за р. Яузой, вблизи Крутиц. Это перенесенный сюда из Кремля после пожара 1488 г. мужской монастырь Спаса на Бору. При этом он сохранил высокий статус вплоть до конца XVII в. – его архимандриты занимали в лестнице настоятелей второе, третье или четвертое места и постоянно принимали участие в придворной жизни. Его каменный Преображенский собор был заложен весной 1491 г. (ПСРЛ. Т. 8. С. 221), но в XVI–XVII вв. не раз перестраивался. С архитектурной точки зрения, собор и история некрополя в его подклете изучены пока недостаточно. Последняя полная справка о монастыре и его соборе: *Давиденко, Беляев, Пятнов*, 2018. С. 704–727.

³ Что, конечно, не исключало погребения некоторых семей и в других монастырях, например, в Новодевичьем были погребены трое Захарьиных: жена Юрия Захаревича, Ирина (+ 1533 г.); их сын Григорий (+ 1556 г.), родич Ивана Грозного по Анастасии Романовне; его вдова Ульяна/Евпраксия (+ 1563 г.). В Вознесенском кремлевском монастыре: Ульяна/Анастасия Федоровна, жена Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, а также ее дочь Анна/Анастасия, первая жена Грозного.

Историко-генеалогический очерк

О прямом родоначальнике Романовых известно немного⁴: это Роман Захарьин, который в поколенной росписи носит фамилию Захарьина-Юрьева (как сын Юрия Захарьевича, чтобы отличаться от детей своего брата Якова Захарьевича, соответственно, Яковлевых-Захарьиных). Его смерть отмечена в важном источнике конца XVII века, Новоспасском помяннике⁵: «Лета 7051 года февраля в 16 день преставися раб Божий Роман Юрьевич Захарьич»⁶. В правление молодого Ивана Васильевича он – воевода и⁷ окольныйничий⁸; происхождение его супруги Ульяны Федоровны неизвестно – зато известно, что она принимала в Москве Св. Геннадия Костромского, который благословил ее детей: Даниила, Никиту и Анастасию (это имя и примет Ульяна перед смертью, при постриге; в Новоспасском помяннике ее нет, она погребена в соборе кремлевского Вознесенского монастыря – усыпальнице московских государынь, неподалеку от дочери, см.: *Некрополь русских великих княгинь и цариц*, 2018. Т. 3. Ч. 2. С. 196–229).

Детей Романа Юрьевича называли Захарьины-Юрьевы, а его внуков – Романовы. Старший сын, Даниил Романович, стал известным военачальником середины XVI века и унаследовал от отца родовое владение в Москве на Дмитровке; все его дети погребены в Новоспасском монастыре.

Второй сын Романа, Никита Романович Захарьин-Юрьев (схимник Нифонт; родился в начале 1520-гг., умер 23.04. 1586 г., см.: *Хозяйственные книги Чудова монастыря*, 1996. С. 52), стал родоначальником династии. Он получил в наследство двор в Зарядье на Варварке, который достался его отцу, видимо, после брака с Ховриной – Варварка была традиционным гнездом Ховриных и других семей, связанных с зарубежной торговлей.

⁴ Мы пользовались следующими основными исследованиями и составленными родословными Романовых-Юрьевых-Захарьиных: *Студенкин*, 1878 (по 1665 год); *Сборник материалов*, 1896. Ч. 2. С. 88–91; *Веселовский*, 1963.

⁵ Новоспасский помянник – род генеалогического сочинения: список представителей рода Захарьиных-Кошкиных, династии Романовых и их ближайших родственников с датами их церковного поминовения, включающий 70 имен. Составлен в 1687 г.

⁶ Надгробная надпись указывает 12 февраля, в 1 час ночи с субботы на воскресенье на память св. Мелетия – вероятно, это точнее.

⁷ В 1532 г. – на Бачманове, затем у Николы на Осетре; в 1537 г. – в Нижнем Новгороде (*РК 1475–1598*. С. 80, 81, 92).

⁸ С. Б. Веселовский сомневался в том, что Р. Ю. Захарьин был окольныйничим (*Веселовский*, 1963. С. 153).

Никита Романович погребен в Новоспасском вместе с двумя женами: первой, Варварой (1552) и второй, Евдокией (01.04.1581), дочерью князя А.Б. Горбатого-Шуйского, а также с дочерью Юлианией (27.08.1565). Попытка датировать смерть первой жены Никиты, Варвары Ховриной, 1555 годом и тем самым подтвердить предположение, что Федор Никитич рожден именно Евдокией Горбатовой-Шуйской, оказалась ошибкой чтения надписей на надгробной плите и крышке саркофага (подробнее об этом: *Беляев*, 2015. С. 146–150) (Рис. 3).

Именно при Никите Романовиче, в правление царей Ивана IV и Федора Ивановича, род, и ранее занимавший первые позиции, особенно выдвинулся. Английский посол Д. Боус (хорошо знавший московский двор благодаря долгим переговорам о торговых привилегиях для Англии), опишет Никиту Романовича как одного из главных советников царя, сообщив даже, что после смерти Грозного вся власть в государстве, несмотря на влияние Бориса Годунова, перешла в его руки (*Известия англичан о России XVI в.*, 1884. С. 104). Как известно, именно его имя называют все источники, говорящие о назначении Грозным «регентского совета» из бояр при малолетних царевичах Федоре и Дмитрии. Грозный вполне доверял Никите Романовичу, и он сохранил влияние при дворе до самой смерти. Годунову он представлялся опасным соперником. Или сам видел себя таковым: «Летопись о мятежах» прямо говорит, что Борис Федорович смог стать царем только после (и благодаря) смерти Никиты Романовича, как бы заместив его. Видимо, недаром память о Никите Романовиче сохранил фольклор, и она жила в народных песнях.

Документально биография Никиты Романовича выглядит успешной: в 1555 г. он окольный, в 1563 г. боярин, в 1566 г. – дворецкий (по смерти брата Даниила). Начал службу царским рындой в 1547 г. Голова и стольник в царских походах на Коломну и Тулу и в Серпухов в 1555 г. и 1556 г. В зимнем ливонском походе 1559 г. он – второй воевода в передовом полку, затем в крымском походе – окольный при государе; в новом ливонском походе 1560 г. – второй воевода в сторожевом полку и в большом полку в отдельном походе «наперед больших воевод». В 1565 г. второй воевода полка правой руки на Кашире, в апреле 1569 года назначен вторым воеводой в правой руке на Серпухове, в 1570 г. оставлен в Москве против крымского хана, а позже отправлен ставить город на Нещедре. В 1572 г. он – третий воевода в передовом полку в походе царя в Новгород, затем в походе на Пайду – второй воевода того же полка. Вместе с королем Магнусом отправлен на взятие Каркуса; зимой 1574 г. был воеводой в походе под Кольвань (Таллин) и «в кольванские пригородки». В том же году,

во время нового ливонского похода он взял Пернов (Пернау) и распорядился в нем (сравнительно милостиво отпустив жителей). С 1574 г. Никита Романович руководил охраной юго-восточных рубежей и внес значительный вклад в строительство засечной черты и в передовую станичную службу по татарским шляхтам, требовал для своих людей более высоких поместных и хлебных окладов, установил связь между службой в городах и на сторожах, между расположением постов и татарских дорог. При нем вся сторожевая линия неуклонно двигалась на юг: в 1575 г., охватывая новые шляхи в глубине степи до р. Сосны и устья р. Воронеж, получая включившиеся в нее новые города и отстроенные старые. В 1576 г. Никита был назначен вторым воеводой в правой руке в Серпухов, но вскоре переведен в Москву. Последними его походами стали ливонские 1577 и 1578 гг., и поход в Псков в 1579 г. (см.: *PK 1475–1598 гг.*, 1966. С. 111, 113, 151, 158, 176, 181, 184, 185, 216–218, 220, 222, 226, 229, 230, 233, 242, 243, 245, 248, 249, 252, 255, 258, 262, 277, 278, 292, 295).

В XVI веке Романовы породнились со старейшими княжескими родами, более знатными, чем они сами. Важной ступенью на этом пути стала женитьба Ивана IV Васильевича на Анастасии Романовне, дочери Романа Юрьевича. Романовы стали близко к трону: после казанского похода, в 1553 г., когда Иоанн хотел взять клятву с бояр служить его сыну Дмитрию, те прямо говорили, что не хотят служить Романовым. Старший Адашев, Федор Григорьевич, говорил царю: «Тебе, государю, и сыну твоему, царевичу князю Дмитрию, крест целуем, а Захарьиным, Даниле с братиею, нам не служить; сын твой еще в пленках, а владеть нами будут Захарьины, Данила с братьею...» (*ПСРЛ*. Т. 13. М., 2000. С. 524).

В завещании Грозный закрепил за Никитой Юрьевичем и его матерью в вотчину целые волости и села («а что я пожаловал Романову жену Юрьевича и ея сына Никиту волостями и селами и сын мой Иван в ту вотчину у них и у детей их не вступается»), и в руках Романовых сосредоточились огромные земельные владения. У Никиты Романовича в трех уездах (Московский, Коломенский и Кашинский) было в 1570-х и 1580-х годах 3166 четвертей пашни (*ДДГ*, 1950. С. 443).

Кроме Романовых, ни одна из старых московских боярских фамилий не удерживала за собой видного места столь устойчиво, «так неуклонно не присутствовала при деле государственного созидания, совершаемого Москвой, как фамилия Романовых-Юрьевых» (*Соловьев*. Кн. IV. 1989. С. 184).

В 1580-х и до конца 1590-х гг. семьи Романовых и Годуновых держались при дворе вместе; между ними, как почти всегда при московском

дворе, были некоторые родственные связи – так, Ирина Никитична Романова стала женой Ивана Ивановича Годунова (троюродного племянника Бориса, верно служившего московским государям и после смерти царя Бориса и гибели его детей). Смерть в 1586 г. Никиты Романова⁹ не прервала этого союза. Считается, что Никита завещал Годунову заботы о своей семье. И действительно, его сыновья, приходившиеся двоюродными братьями царю Фёдору Иоанновичу, продолжали успешную карьеру. Еще при жизни Никиты Романова старший сын Фёдор получил боярство, а второй, Александр, стал кравчим. Всех братьев Никитичей (считая с младшими, занимавшими пока не столь высокие посты) при дворе было пятеро (Павлов, 1992. С. 35, 42). С учетом браков их сестер с представителями старых княжеских родов (Черкасскими, Шестуновыми, Сицкими¹⁰) Никитичи Романовы образовали обширный клан¹¹. Он обладал огромными материальными средствами, опытом административной деятельности на государственном уровне и огромным боевым опытом, а также многими десятками (по крайней мере) военных слуг – можно сказать, небольшой армией.

Конечно, любимая жена царя Феодора, Ирина Годунова, обеспечила царскому шурину не менее прочную связь с тронем, чем царские двоюродные братья, так что Борис Годунов обладал совершенно особыми возможностями и был фактическим правителем страны. После избрания на царство он стал, казалось, недосягаем для соперников. И все же не оглядываться на многочисленную и сплоченную родством группу недавних союзников было бы неосторожно. Во всяком случае, многие в тогдашней Москве думали именно так. Позже это отразится в текстах: Годунов «не любяще рода сих Никитичев... гоняше яко Исав Иякова и Саул Давида и яко святых Бориса и Глеба» (*Сказание Авраамия Палицына*, 1955. С. 238).

⁹ *Кормовая книга*, 1903. С. 111 – в последние два года жизни Никита Романович тяжело болел.

¹⁰ Марфа Никитична Романова была замужем за боярином князем Борисом Камбулатовичем Черкасским, Фетинья Даниловна (дочь Д. Р. Юрьева) – за князем Федором Дмитриевичем Шестуновым, Анна Романовна Юрьева – за князем Василием Андреевичем Сицким, Евфимия Никитична Романова – за князем Иваном Васильевичем Сицким (*Сборник материалов*. Ч. 2. С. 69–91).

¹¹ Никита Романович имел не менее 12-ти детей, но от Варвары Ивановны Ховриной – только старшего сына, Федора Никитича (большинство историков придерживалось этой точки зрения). Считается, что остальных родила ему вторая жена, Евдокия Александровна Горбатова-Шуйская: Ефимию (княгиню Сицкую), Анну (Троеурову), Марфу (Черкасскую), Льва, Михаила, Александра, Василия-Никифора, Ивана (Кашу), Ульяну, Ирину и Анастасию (Лыкову-Оболенскую).

Довольно скоро после смерти царя Феодора Иоанновича (7/17. 01.1598) и венчания на царство Бориса Годунова (1/11.09.1598), вслед за ограничением в правах представителей родовитого боярства (запрет жениться князьям Мстиславскому и В.И. Шуйскому) пришли первые опалы (Богдан Бельский, 1600 г.), причем холопов начали поощрять доносить на своих господ. В этой атмосфере, подогретой ранними слухами о спасении царевича Дмитрия, последовал настоящий разгром клана Романовых.

До нас дошла часть (конечно, далеко не все) подробности «дела Романовых», иногда документальные (РГАДА, фонд «Розыскные дела». Ф. 146. Публикации см.: *Дело о ссылке Романовых*, 1997; *Акты исторические*, 1841; С. 34–52 и 64–66), иногда в более позднем пристрастном пересказе (*ПСРЛ*. Т. 14. М., 1965. С. 71). О следствии существует обширная литература, разбирать которую в данном исследовании полностью нет необходимости. Вкратце оно выглядит так. Дворовый человек Александра Никитича Романова, его казначей Второй Бартенев, пришел тайно к дворецкому Семену Годунову, объявил о готовности исполнить царскую волю над своим господином и донес до властей свои подозрения в «ведовстве», сообщив, что на дворе Романовых хранятся «коренья» (*Там же*, с. 72). Это было государственное преступление, «умысел на государьское здоровье», поскольку хранение ядов («кореньев и трав») само по себе считали доказательством умысла (см. детальный очерк: *Лаврентьев*, 1997, и его ссылки на: *Тельберг*, 1912. С. 255; *Новомбергский*, 1906. С. XXIV–XXV, XXIX–XXX; *Он же*, 1907. С. 48).

Стоящий на стороне Романовых и против Годунова «Новый летописец» объясняет, что улики попросту подкинули: по приказу царя сам Семен «наклат» в мешки разных кореньев и велел Бартеңеву положить их в кладовую Александра Никитича. Далее последовал официальный донос Бартеңева о том, что у его господина есть отравное зелье. Окольный Салтыков был послан с обыском, нашел мешки и привез их, по правилам ведения следствия того времени, на двор патриарха в Кремль, где Борис Годунов «то коренье повеле выкласти», а великое множество народа послужило понятыми. Необходима была экспертиза кореньев царскими медикам, но за этим дело не стало, поскольку Аптекарский приказ возглавлял боярин Семен Никитич Годунов, который также руководил и тайным сыском (*Новый летописец*. Т. 14. 1965. С. 52–54; *Змеев*, 1896. С. 178).

Тех Романовых, кого арестовали сразу (в их составе источники расходятся, но Александра, во всяком случае, арестовали не мешкая),

пришлось брать с боем. Октябрьской ночью 1600 г. вокруг их двора на Варварке шло настоящее сражение: польские послы записали, что в штурме участвовало несколько сотен стрельцов, стрельбу слышали по всему городу, усадьба горела, а ее защитники были захвачены или убиты (Скрынников, 1978. С. 119).

Все эти подробности имеют непосредственное отношение к нашему сюжету, поскольку они определяют ближайшую судьбу Никитичей, в том числе, посмертную. Согласно законодательству того времени, виновный в столь тяжком преступлении невольно тянул за собой сородичей и дворню, в них видели невольных соучастников преступления – ведь они могли знать о его подготовке и обвинялись, в лучшем случае, в недонесении. Так что под следствие попали все братья Никитичи во главе с Феодором, их родственники со стороны сестер и жен, домочадцы и другие люди.

Несмотря на изначальную ясность (или на хорошую подготовленность) дела, следствие по нему заняло девять месяцев, с октября 1600 г. по июнь 1601 года. Ведь нужно было обосновать репрессии, взвесить вину каждого из Никитичей и их окружения, установить, могли ли они, действительно, знать об измене. Как показал А. В. Лаврентьев на основе анализа истории Старого Государева двора, Александр Никитич жил с младшими братьями «вместе», на Варварке, что и решало дело. Все же, судя по Новому летописцу, добиться признаний от челяди и родичей оказалось нелегко: Федора Никитича с братьями и племянниками, а также князя Ивана Борисовича Черкасского, пытали; с их людьми (мужчинами и женщинами) пытались вступить в сделку и получить показания против господ. Добиться этого не смогли, и к моменту завершения следствия некоторые подследственные, в том числе из Романовых, еще не были арестованы – по крайней мере, самого младшего из них, Василия, спешно взяли именно с их двора.

Таким образом, Романовы разделили участь тех знатных семей, которых, при их же молчаливом согласии, судили более десятилетие назад, еще в царствование Федора Иоанновича (видимо, по той же схеме, за умысел извести государя): в 1586 г. в Белозерском монастыре был насильственно пострижен в схиму «и по малых летех ту и преставися» боярин князь И. Ф. Мстиславский. В 1587 г. та же участь постигла князя И. П. Шуйского (возможно, в монастыре убитого), а четверых младших Шуйских, живших с ним в одном дворе, сослали.

Старшего в роде семья Романовых потеряла, казалось, навсегда – его постригли под именем Филарета в Антониевом Сийском монастыре. Его

жену, Ксению Шестову, в постриге Марфу, сослали в один из Заонежских погостов. Даже ее мать отправили в монастырь (Никольский Чебоксарский). Остальные Никитичи, без пострижения, были сосланы в дальние городки: Александр в Усолье-Луду на Белом море, Михаил в Ныробскую волость в Перми, Иван в Пельым, Василий в Яренск. Одновременно с пятью братьями, но несколько ближе, на Белоозеро, сослали их сестер Анастасию и Марфу; мужа последней, князя Бориса Черкасского; а также их племянников, детей Федора/Филарета Никитича: пятилетнего Михаила и его маленькую сестру; наконец, жену Александра Никитича. Сын Бориса Черкасского, князь Иван, попал в Малмыж на Вятке, князь Иван Сицкой – в Кожезерский монастырь. По разным городам были разосланы другие Сицкие и Шестуновы, а также Репнины.

В ряде подробностей и сравнительно достоверно нам известна история постижения Федора/Филарета и его супруги Ксении/Марфы Шестовой; мытарства Василия и Ивана Никитичей; часть истории князя Ивана Черкасского, а также членов семьи, сосланных на Белоозеро. Ссылка была, по сути дела, бессрочной, «до государева указа». Но имеющиеся документы позволяют думать, что Годунов не стремился к умерщвлению младших членов семьи, он последовательно слал указания не держать их в кандалах, по возможности хорошо кормить и содержать – хотя и не ослабляя строгости надзора. Впрочем, состояние заключенных быстро подошло к роковой черте: младший брат, Василий, в Пельyme прожил недолго и вскоре умер; затем скончались (подозревали, что их убили) Александр и Михаил. С трудом выживал, казалось бы, более слабый Иван – его уже со следующего года заключения понемногу передвигали все ближе к центру страны: 28.03.1602 г. последовал указ перевести Ивана из Пельыма в Уфу, уже в мае он был освобожден и «пожалован... отпущен на службу в Нижний Новгород», а затем «взят к Москве». Почти одновременно началось освобождение князя Ивана Черкасского указом 28.05.1602 г. о переводе в Нижний Новгород «на службу», куда он прибыл 1.07.1602 г. раньше Ивана Романова, который постоянно болел дорогой – приходилось задерживаться, и его привезли только 25 июля. В сентябре (17.09. 1602) последовал указ доставить Ивана Романова и Ивана Черкасского из Нижнего в Москву. Правда, их остановили во Владимире в ожидании разъяснений по указу, но между 1 и 17 ноября они уже «приехали за полосмадесять верст до Москвы, стали в Покровской слободке, за пять верст до Киржацкого яму». Затем их, кажется, отправили в Юрьев-Польской, где уже собиралась остальная семья.

Дело в том, что 17 августа, на Белоозере заболела Марфа Черкасская, муж которой, князь Борис, умер в январе или апреле того же года (см. ниже) от той же болезни – «камчюга» (подагра, артрит, воспаления с осложнениями в абдоминальной области). В результате овдовевшая княгиня Марфа и вдова А. Н. Романова, Ульяна, с детьми, а также дети Федора/Филарета и Ксении/Марфы, получили предписание оставить Белоозеро и переехать в район Юрьева-Польского, в вотчину Федора. Это вызвало такую радость, что в отписке от 5–17 сентября Марфа заявила, что почти выздоровела и может ехать: «Так жадна де я царской милости, ехати готова хоти уже, а болезни моей гораздо легчи перед старым, ехати мне мочно».

Таким образом, к началу 1603 года многочисленный двумя годами ранее род Романовых стоял на краю полной гибели: смерть трех Никитичей, постриг старшего брата, немощи еще неженатого и не имевшего пока потомства Ивана, казалось, убрали их с политической сцены навсегда.

Однако общая ситуация уже резко менялась, на этот раз в ущерб Годуновым. Еще не был полностью преодолен чудовищный голод 1601–1603 годов, как на горизонте замаячил (Лже)Дмитрий. Его личность не раз сопоставляли со служившими Романовым слугами из Галича Мерьского, в числе которых были Отрепьевы и, в частности, Григорий¹². Борис Годунов, отразив самозванца в зимней кампании (октябрь 1604– январь 1605 гг.), прожил не долго: 13 апреля 1605 г. его не стало, а юный сын Федор не удержал власть и на пару месяцев, уже 10 июня он был убит клеветами (Лже)Дмитрия.

Вступив на трон, (Лже)Дмитрий I, разумеется, обратил внимание на преследования, которым при Годунове подверглись Романовы – ведь они считались его родичами по браку Ивана Грозного с Анастасией Романовной, и пострадали от коварно узурпировавшего трон Бориса Годунова. Федор/Филарет был сразу возвращен из Антониева Сийского монастыря и возведен на престол Ростовский митрополии. Ивана Никитича тоже не обошли вниманием – в день помазания на царство

¹² Отметим, что Отрепьевы – достаточно известная фамилия. Так, среди надгробий древнего кладбища в Высоко-Петровском монастыре есть камень умершей в 1570 году Акулины, жены Ивана Атрепьева (типичная московская огласовка перевела О в А). Прочтена в 1980-х гг. надпись-граффито на боковой стороне камня. Недавно (2018 г.) удалось прочесть и на лицевой стороне, где она вырезана вполне традиционной вязью середины – второй половины XVI века. См. граффито: *Беляев, 1996. С. 323, рис. 1; с. 325–326 (ВПМ № 13).*

(Лже)Дмитрия I ему было пожаловано боярство, он вошел в число приближенных советников царя и в будущем, несмотря на довольно своеобразные представления о политике, его служба была вполне успешной до самой смерти в 1640 г. Дальнейшее развитие боковой (боярской) ветви рода Романовых могло быть благополучным¹³, но ее пресекла в 1654 г. сравнительно ранняя смерть бездетного сына Ивана, Никиты.

Усыпальница в Знаменской церкви: письменные источники и эпитафика

Все эти подробности важны для нашей темы потому, что некрополь Никитичей связан именно с Иваном Никитичем и Марфой Никитичной, а также с их уцелевшими после репрессий свойственниками по бракам.

Среди благодеяний, оказанных Романовым (Лже)Дмитрием I, была довольно необычная грамота от 31 декабря 1606 г.: «В Пельнь Олексею Ивановичу Зюзину да голове Максиму Ивановичу Родилову. Как к вам ся наша грамота придет, а боярина нашего Ивана Никитича Романова люди в Пельнь приедут, и вы б Васильево тело Романова велели, выкопав, отдать боярина нашего Ивана Никитича Романова людем, хто к вам с сею нашею грамотою приедет, и отпустили их к нам к Москве». Причем на обороте пометка о том, что на Пельм грамота доставлена 4 марта 1606 г., и, вероятно, в марте того же 1606 г. тело Василия Романова привезли в Москву (СГГД, 1819. С. 251). Традиционно считается (см. напр.: *Донской*, 2011), что примерно в то же время в Москву перевезли и тела других братьев. Однако документы не сообщают, что стало с останками Александра и Михаила, а также с телом князя Бориса Черкасского и многих сородичей Романовых, умерших в ссылке. История их жизни, смерти и погребения в письменных источниках на этом в основном кончается.

В дело вступают источники эпиграфические, которые требуют дополнительного разбора. Сколько можно судить по списанным с плит в Знаменской церкви текстам, в ней были погребены именно те, о переносе чьих тел в документах не говорится. Перечень погребенных не особенно длинный, и собственно Романовых среди них совсем немного.

¹³ Жена Ивана Никитича, Ульяна Федоровна Литвинова-Мосальская (ум.1650), родила ему восьмерых детей (первый в 1609 г., последний в 1625 г.), но они умирали во младенчестве кроме Никиты (ум. 1654) и Марфы, вышедшей замуж за Алексея Ивановича Воротынского (1610–1642).

Откуда вообще взялись эти списки? Они восходят к поминальным сводкам Новоспасского монастыря: Новоспасскому помяннику и Кормовой книге, которые, разумеется, как прямые и точные указания на погребение тел в монастыре использоваться не могут, но оказывают влияние на составление списков погребенных в более поздних очерках монастыря.

Краткий очерк источников по некрополю в подклете Преображенского собора подготовлен к изданию в «Православной энциклопедии» (Беляев, 2018а. С. 723–725), и мы приводим его здесь с незначительными изменениями. Первое известие о существовании усыпальницы относится к 1615/16 г., когда по указу великой старицы Марфы (Романовой) было сделано 46 покровов на гробы «царских родителей», что позволяет судить о количестве погребений (Снегирёв, 1843. С. 45; Дмитриев, 1909. С. 58). Описание усыпальницы при строительстве нового собора в 1640-х гг. привел Павел Алеппский; в частности, он пишет и о погребении самой великой старицы Марфы. В 1687 г. был составлен т. н. Новоспасский помянник – список из 70 имен представителей рода Захарьиных-Кошкиных, династии Романовых и их ближайших родственников. В конце XVIII в. Г. Ф. Миллер включил его в свой архив, отметив: «Списано из книг Академической библиотеки» (РГАДА. Ф. 199. Портфели Г. Ф. Миллера. Оп. 2. Портф. 413. № 11. Лл. 38–43). Другая редакция помянника содержалась в кормовой книге Новоспасского монастыря; перечень имен из нее был опубликован в 1903 г. (Кормовая книга, 1903. С. I–V), а текст в целом – в 1909 г. И. Д. Дмитриевым (Дмитриев. 1909. Прил. С. 8–12). В «Портфелях Г. Ф. Миллера» 1770-х гг. сохранились списки погребенных в усыпальнице, составленные по надписям с надгробий (РГАДА. Ф. 199. Портфели Миллера. Оп. 2. № 413. Ч. I. № 18. Л. 50–53об.), но в описи Преображенского собора 1763 г. обе усыпальницы даже не упомянуты. Всего Миллер переписал 17 надписей в подклете (в основном тех, где упомянуты Романовы) и 6 – в Знаменской церкви. В 1780–1790-х гг. надписи были переписаны еще раз и трижды опубликованы двумя разными авторами (см.: Максимович, 1792; Ювеналий (Воейков), 1802, 1803). В «Путеводителе по московским древностям» Л. М. Максимовича перечислены 69 погребений в Преображенском соборе и Знаменской церкви. А в описаниях монастыря и Знаменского храма Ювеналия (Воейкова) учтены и ранее пропущенные, относящиеся к XVIII–XIX вв., всего 56 надписей в соборе и Покровской церкви и 41 в Знаменской церкви; из них к XVI–XVII вв. относятся соответственно 28 и 17. Позже все

крупные работы о монастыре включали список погребенных царских родственников (Адриан, 1821. С. 48–51; Иванчин-Писарев, 1841. С. 17–21, 33–43; Снегирёв, 1843, 1863); в 1846 г. был отдельно описан некрополь Знаменской церкви (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 797 (1846 г.); РГАДА. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 1465. Лл. 17–22об (1846 г.)).

Ювеналий (Воейков) сообщает важную информацию о тех обстоятельствах, при котором им составлялся список погребенных. Он пишет: «Под старинною прежде бывшею Знамения Пресвятыя Богородицы церковью погребены были и на гробницах их имелись надписи, кои при разобрании оной почти все рассыпались ... почему и отысканы списки с реченных надписей, списанные при архимандрите Павле и соблюдены некоторым любителем древностей, а иные выписаны из вкладной книги (курсивы наши – ЛБ) означенного монастыря тем же любителем древностей...» (Ювеналий (Воейков), 1803. С. 12). Возникает предположение – не был ли тем самым «некоторым любителем древностей» Г. Ф. Миллер? На первый взгляд, это возможно, поскольку тексты Ювеналия (Воейкова) в книге 1803 г. обнаруживают текстуальное сходство именно со списками Г. Ф. Миллера (особенно, это заметно в передаче эпитафии В. Н. Романова – о чем далее).

Обычно в списки включали надписи захоронений, как в подклете Преображенского собора, так и в Знаменской церкви, что приводило к путанице. Описания с XVII в. по начало XX в., учитывали в подклете собора от 17 до 29 надписей XVI–XVII вв., включив в них указания на погребение 33 лиц. В Знаменской церкви аналогичным образом учитывалось до 9 гробниц Романовых. Некоторые имена ошибочно попали в оба списка. Сводная таблица упоминаний составлена А. Г. Авдеевым (*Усыпальница дома Романовых*, 2005. С. 23–24; ср.: Пасхалова, Станюкович, 1997).

Традиционно считается наиболее достоверным список из «Портфелей» Г. Ф. Миллера, предположительно, составленный *de visu* в 1770-х гг. (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 413. № 18. Лл. 50–53об). На достоверность списка как будто указывает заголовок: «В ставропигиальном Новоспасском монастыре под соборной Преображения Гдня и Знамения Пресвятыя Богородицы церкви в надгробных таблицах написано о преставлении и погребении высокородных фамилии Романовых нижеследующим образом». Рассмотрим текстологически эпитафии Романовых и их родственников, пострадавших от Годунова, в разных источниках.

Список Г.Ф. Миллера	Максимович, 1792 г.	Ювеналий, 1802	Ювеналий, 1803	Новоспасский помянник по списку Г.-Ф. Миллера	Новоспасский помянник по списку И.Д. Дмитриева
«Лета 390. февруариа въ 61 день на память святаго апостола Онисима, преставися рабъ Божии Василии Никитичъ Романовъ, коего молитвенное имя Никифоръ, в зачтении от Царя Бориса, въ Сибирскомъ городе Пельме» (С. 226)	«Лета 7109 (1601) Феврала въ 15 день, преставися рабъ Божий Василий Никитичъ Романовъ, коего молитвенное имя Никифоръ, в зачтении от Царя Бориса, въ Сибирскомъ городе Пельме» (С. 226)	«Лета 7109 (1601) Феурала въ 15 день, на память Святаго Апостола Онисима, преставися рабъ Божий Василий Никитичъ Романовъ» (С. 44)	«Лета 7109. (1601.) феврала в день 15, на память Святаго Апостола Онисима преставися рабъ Божий Василий Никитичъ Романовъ въ зачтении отъ царя Бориса Годунова в Сибирскомъ городе на линии отъ Царя Бориса Годунова въ Нырцу удавленъ» (С. 12)	«Лета 390. ¹⁰ февруариа въ 61 ^{ле} преставися рабъ Бжий Василии Никитичъ Романовъ молитвенное имя ему Никифоръ въ зачтении от цря Бориса въ сибирскомъ городе на Пельме» (Л. 40об; публ.: Усыпальница дома Романовых... С. 222)	«Лета 7109 (1601) февруариа въ 15 день преставися рабъ Бжии Василии Никитичъ Романовъ, молитвенное имя ему Никифоръ, въ зачтении отъ царя Бориса въ Сибирскомъ городе на Пельме» (С. 121)
—	«Лета 7109 (1601) Апреля въ 2 день, преставися раба Божия княгиня Евфимия, жена Князя Ивана Васильевича Ситскаго, во инокиняхъ Евдокия» (С. 226, 227)	—	«Лета ... Ев.... Ситскаго ... въ зачтении» (С. 14).	«Лета 390. ¹⁰ априлия в 2 ^{ле} преставись раба Бжия княгиня Евфимия болярина князя Иоанна Васильевича Ситцкого во инокиняхъ Евдокия, умориль въ зачтении по велению цря Бориса Михалко Внуковъ,	«Лета 7109 (1601) апреля в 8 день преставися раба Божия княгиня Евфимия, болярина князя Иоанна Васильевича Ситцкого, во инокиняхъ Евдокия; умориль въ зачтении по велению царя Бориса Михалко Внуковъ;

Список Г.Ф. Миллера	Максимович, 1792 г.	Ювеналий, 1802	Ювеналий, 1803	Новоспасский помянник по списку Г.-Ф. Миллера	Новоспасский помянник по списку И.Д. Дмитриева
				а погребена была Соловецкого монастыря в вотчине в Сумскомъ остроге, и повелениемъ Великаго Государя Цря и Великаго князя Михаила Феодоровича всей России принесены многостральные мощи ея в мнтръ къ Спасу на Новое и погребены 19го году марта в 11^{омъ} под церковью Пресвятыя Бцы честнаго Ея Знаменія» (Л. 40об, 41; Публ.: Усыпальница Романовых... С. 222)	а погребена была Соловецкаго монастыря в вотчине в Сумскомъ остроге, и повелениемъ Великаго Государя Царя и Великаго князя Михаила Феодоровича всея России принесены многостральные мощи ея в монастырь къ Спасу на Новое и погребены во 125 году марта в 28 день под церковью Пресвятыя Богородицы честнаго Ея Знаменія» (С. 121)
	«Лета 7109 (1601) Ап-реля в 22 день, на память Огца нашего Мемнона Чудотворца, преставися рабъ Божий Князь Борисъ Камбулатовичъ Черкасский на Беле озере» (С. 227)	«Лета 7109 (1601) Ап-реля в 29 день, на память Преподобнаго Мемнона Чудотворца, преставися рабъ Божий Князь Камбулатовичъ Черкасской» (с. 44)	«Лета 7109. (1601.) Ап-реля в 29 день, на память Преподобнаго Мемнона Чудотворца, преставися рабъ Божий Князь	«Лета 7109 (1601) апрелия в 25 день преставися бояринъ князь Борисъ Камбулатовичъ Черкасский на Беле Езере вь заточении отъ царя Бориса» (С. 121)	«Лета 7109 (1601) апрелия в 25 день преставися бояринъ князь Борисъ Камбулатовичъ Черкасский на Беле Езере вь заточении отъ царя Бориса» (С. 121)

<p>Список Г.Ф. Миллера</p>	<p>Максимович, 1792 г.</p>	<p>Ювеналий, 1802</p>	<p>Ювеналий, 1803</p>	<p>Новоспасский помянник по списку Г.-Ф. Миллера</p>	<p>Новоспасский помянник по списку И.Д. Дмитриева</p>
<p>«Лета 7114 марта в 11 день на память преподобнаго Феофана Исповедника, погребень рабъ Божий Александръ Никитичъ Романовъ, а преставися в заочении отъ царя Кирилова мнря въ вотчине на Луде» (л. 51об; публ: Усыпальница Романовых... С. 21)</p>	<p>«Лета 7114 (1606) Марта во 12 день, на память Преподобнаго Феофана Исповедника, погребень рабъ Божий Александръ Никитичъ Романовъ, а преставился въ заочении отъ Царя Бориса Кирилова монастыря въ отчине на Луде» (С. 227)</p>	<p>«Лета 7114 (1606) Марта въ 12 день, на память Преподобнаго Феофана Исповедника, погребень рабъ Божий Александръ Никитичъ Романовъ» (С. 44)</p>	<p>Борисъ Камбулатовичъ Черкаской на Белёозере в заочении отъ Царя Бориса Годунова въ темнице тамъ и скончался» (с. 12) «Лета 7114 (1606) Марта въ 12 день, на память Преподобнаго Феофана Исповедника, погребень рабъ Божий Александръ Никитичъ Романовъ, а преставися въ заочении отъ Царя Бориса Кирилова монастыря въ вотчине на Луде. И тамъ по указу Царя Бориса удавлен» (С. 13)</p>	<p>от цря Бориса» (л. 41; публ.: Усыпальница дома Романовых. С. 222)</p>	<p>«Лета 7114 (1606) марта въ 15 день погребень рабъ Бозий боляринъ Александръ Никитичъ Романовъ, а преставися въ заочении отъ царя Бориса Кириллова монастыря въ вотчине на Луде» (С. 122)</p>

Список Г. Ф. Миллера	Максимович, 1792 г.	Ювеналий, 1802	Ювеналий, 1803	Новоспасский помянник по списку Г.-Ф. Миллера	Новоспасский помянник по списку И.Д. Дмитриева
«Лета 7114 марта в III день на память стля Кирилла Иерусалимского погребень рабъ Бжйи Михайль Никитичь Романовъ, а преставися в заточении отъ царя Бориса в Перми у Николая Чудотворца» (Л. 51об—52; публ.: Усыпальница Романовых... С. 21)	«Лета 7114 (1606) Марта въ 18 день, на память Святителя Кирилла Иерусалимского, погребень рабъ Божий Михайль Никитичь Михайль Околыничий Романовъ, а преставися в заточении Никитичь Романовъ, а преставися в заточении отъ Царя Бориса въ Пермю Чудотворца» (Л. 51об—52; публ.: Усыпальница Романовых... С. 21)	«Лета 7114 (1606) Марта въ 18 день на память Кврилла Иерусалимского, погребень рабъ Божий Михайль Никитичь Романовъ (С. 44)	«Лета 7114 (1606) Марта въ 18 день, на память Кирилла Иерусалимского погребень рабъ Божий Михайль Никитичь Романовъ, отъ Царя Бориса въ Перми заключень въ темницу, а вскоре удувлень» (С. 13)	«Лета 7114 марта въ III ^{де} погребень рабъ Бжйи околыничей Михайль Никитичь Романовъ, преставися въ заточении отъ цря Бориса въ Перми у Николая Чудотворца в Ньрпу на погосте» (Л. 41; Публикация: Усыпальница Романовых... С. 223)	«Лета 7114 (1606) марта въ 18 день погребень рабъ Божий околыничий Михайль Никитичь Романовъ, а преставися въ заточении отъ Царя Бориса въ Перми, у Николы Чудотворца въ Ньрпу на погосте» (С. 122)
—	«Лета 7116 (1608) Марта въ 23 день погребень рабъ Божий князь Иванъ Васильевичъ Ситской, которому во крещении имя Софроний, а во иноцехъ Сергий» (С. 227, 228).			«Лета 7116 марта въ III ^{де} погребен рабъ Бжйи князь Иоаннъ Васильевичъ Ситскои а въ крещении имя его Софронии, въ иноцехъ Сергии, а преставися въ заточении отъ цря Бориса в Каожеезерскомъ монастыре» (Л. 41—41об; Публикация: Усыпальница Романовых... С. 223).	«Лета 7116 (1608) марта в 23 день погребень рабъ Божий Иоанн Васильевичъ Ситский, а въ крещении ему имя Софроний, во иноцехъ Сергий, а преставися въ заточении отъ царя Бориса въ Кожеозерскомъ монастыре» (С. 122)

Как можно видеть, различные списки (если считать таковыми и тексты помянников) содержат многочисленные, значимые и не очень, различия в передаче текстов и их содержания. Ни один из списков при этом не похож на дословную передачу текстов, все в той или иной степени содержат позднейшие дополнения.

Присутствуют во всех источниках и, пожалуй, содержат наименьшее число расхождений эпитафии трех братьев Никитичей. Правда, и здесь есть серьезные различия: в описании Новоспасского монастыря Ювеналия (Воейкова) 1802 года смерть ни одного из погребенных, в том числе и братьев Никитичей, не конкретизирована; в Новоспасском помяннике (по списку И. Д. Дмитриева) погребение А. Н. Романова приходится на 15, а не 18 марта. Смерть В. Н. Романова «в сибирском граде на линии въ Нырпу на погосте» указана в списке надгробий Г. Ф. Миллера, откуда этот факт перешел в описание Знаменской церкви Ювеналия (Воейкова), добавившего к нему уточнение «удавлен». Ювеналий, в книге 1802 г. опустивший все драматические подробности кончины Никитичей, как бы в противовес этому в книге 1803 г. добавил, следуя за «Новым летописцем», про каждого из братьев: «удавлен».

Путаница присутствует и в передаче других надписей. В 1802 г. Ювеналий не заметил надгробия княгини Евфимии Сицкой, но в издании 1803 г. «нашел» обломок с надписью «в заточении». Десятью годами ранее Л. М. Максимович публикует сведение о погребении княгини без всякого указания на смерть в заточении и перенос «мощей» и с другой датой (2 апреля), чем помянники (8 апреля). Дата смерти князя Б. К. Черкасского вообще представлена тремя разными вариантами – 22, 25 и 29 апреля.

Какой же из изводов надгробных надписей в наибольшей степени отражает реальные события?

Начнем с Василия Никитича Романова. Документально известно, что он скончался 15 февраля (*Дело о ссылке Романовых*, 1998. С. 423, 424). На этот день действительно приходится память апостола Онисима (апостол от семидесяти, епископ Византийский в 54–68 гг.). Однако умер В. Н. Романов в 7110 (1602) г., а не в 7109 (1601) г., и не в «Нырпу», под которым, безусловно, имеется в виду Ныроб, место заключения и кончины М. Н. Романова, а в Пельме. Если исключить ошибку в дате, то точнее оказываются публикация Л. М. Максимовича и Новоспасские помянники. Нельзя не отметить странное «на линии», появляющееся в списке Г. Ф. Миллера. А. Г. Авдеев объясняет это тем, что были неверно прочитаны слова «на житии», но и это – весьма

своеобразная формула для эпитафий того времени (*Усыпальница дома Романовых*, 2005. С. 21).

Сообщение о переносе праха княгини Евфимии Сицкой уникально. В монастыре ее поминали 8 апреля и 11 июля (*Кормовая книга*, 1903. С. 23), что объяснимо: 8 апреля – дата ее кончины по версии Новоспасских помянников, а 11 июля – это именины, память великомучницы Евфимии.

О судьбе князя Б.К. Черкасского из дела о ссылке Романовых известно, что он умер на Белоозере до 17 августа 1602 г. от «камчуга» (*Дело о ссылке Романовых*, 1998. С. 429). Поэтому, его смерть в один из апрельских дней 1602 г. вполне вероятна. Однако и здесь есть общая ошибка на год – указан 1601-й г. К тому же, память князя Б.К. Черкасского в Новоспасском монастыре отмечали 10 января, в день не связанный со святым Борисом, и, вероятно, являвшийся днем его смерти (*Кормовая книга*, 1903. С. 7).

Перенесение праха Александра Никитича Романова из села Усолъе-Луда на берегу Белого моря, куда он был сослан, и где его, согласно Новому летописцу, удавил пристав Л. Лодыженский (*ПСРЛ*. Т. 14. С. 53, 54) при (Лже)Дмитрии I вполне допустимо (о чем далее). Однако обращает на себя внимание фактическая ошибка, повторяющаяся во всех вариантах изложения эпитафии: Луда (Лудское Усолъе) была вотчиной Соловецкого, а не Кириллова монастыря (*Савич*, 1927. С. 118, 119). Это был крупный, известный в тех краях центр соледобычи, где стояла церковь Рождества Богородицы, при которой и мог быть временно погребен А.Н. Романов. На 12 марта, действительно, приходится память Феофана исповедника Сигрианского.

Михаил Никитич Романов умер в Пермском крае, на погосте Нырб, где находилась церковь во имя Николая Чудотворца. Там до 1928 г. хранились его вериги (ныне – в Чердынском краеведческом музее им. А.С. Пушкина), существовала часовня над местом его временного захоронения и сохранялась память о знатном узнике. В *Кормовой книге* память М.Н. Романова отмечалась 20 сентября. 16 сентября 1607 г. его брат, Иван Никитич, дал вклад по душе Михаила – «тридцать пять чюгъ ностафильныхъ, за сорокъ за три рубли; да двадцать одна шапка нагольныхъ ханенныхъ за три рубли за тринадцать алтынъ за две деньги» (*Кормовая книга*, 1903. С. 2; *Леонид (Кавелин)*, 1883. С. 27). 20 сентября – день памяти мученика и исповедника Михаила князя Черниговского и боярина его Феодора (причислены к лику святых в 1547 г.), следовательно, на этот день приходились именины М.Н. Романова.

Память князя И. В. Сицкого в монастыре отмечалась 11 марта, в день преподобного Софрония затворника Печорского, во имя которого он был крещен (*Кормовая книга*, 1903. С. 16). Это косвенно может свидетельствовать, что в монастыре не были известны даты смерти М. Н. Романова и князя И. В. Сицкого.

Обращает на себя внимание, что все четыре случая перезахоронения тел (княгиня Е. Н. Сицкая, А. Н. Романов, М. Н. Романов и князь И. В. Сицкий) приходятся на март (28, 12, 18 и 23 соответственно). Как уже говорилось выше, перезахоронение Василия Никитича также, вероятно, произошло в марте 1606 г. Эта обусловленность может быть связана с погодными условиями – тела перевозили по зимнему пути, а хоронили с первой оттепелью. Известно, что когда в 1632 г. боярин Ф. И. Шереметев временно похоронил сына Алексея в Афанасьевском монастыре в Кремле, на подворье Кирилло-Белозерского монастыря, то написал игумену: «а по первому зимнему пути привезу ево къ вамъ въ Кириловъ монастырь» (*Барсуков*, 1883. Кн. 3. С. 138).

Таким образом, получается, что *все* источники, передающие надписи, не точны. Это может объясняться тем, что тексты не были списаны с надгробий (или списаны невнимательно), либо тем, что надписи на надгробиях были вырезаны существенно позже описываемых событий, когда часть деталей уже забыли, дополнив тексты какими-то подробностями. В пользу более позднего времени изготовления эпитафий может свидетельствовать уникальность их формуляра, ставшая предметом специального рассмотрения в работе Г. Г. Донского (*Донской*, 2011. С. 335–361). По мнению Г. Г. Донского, при перезахоронении братьев Никитичей в Новоспасском монастыре весной 1606 г. был создан своеобразный «антигодуновский мемориал» под открытым небом. При этом автор опирается на тексты эпитафий братьев Никитичей, переданные Г. Ф. Миллером (с очевидной ошибкой в месте смерти В. Н. Романова), но игнорирует другие надгробия с антигодуновской риторикой – князя Б. К. Черкасского, княгини Е. Н. Сицкой и князя И. В. Сицкого. Эти перезахоронения совершались уже после (Лже)Дмитрия I, и, возможно, поэтому Г. Г. Донской не упоминает о них, уделив основное внимание пропаганде против царя Бориса во времена самозванца («каждый грамотный человек мог прочесть надписи, сделанные, по всей видимости, если не по прямому указу Самозванца, то при содействии его московских сторонников» – *Донской*, 2011, С. 341).

Вся эта антигодуновская пропаганда зафиксирована, как уже сказано, в 1680-х годах, когда явно была уже неактуальной. Насколько она

могла быть востребована в более ранний период и когда именно? Насколько вообще типичны такие краткие филиппики для надгробных надписей Московии?

На второй вопрос ответить не сложно: изучаемые формулы не только не типичны, но просто неизвестны.

В отношении первой группы вопросов ответов может быть несколько. Думать, что надписи нарезаны уже в правление (Лже)Дмитрия I, допустимо, но сомнений возникает слишком много. Гораздо более вероятно их появление после избрания Михаила Романова на царство, когда станет важным не столько упрекнуть уже низвергнутого Годунова, сколько подчеркнуть идею мученичества близких родственников молодого царя. Известный смысл сохраняли такие тексты и позднее: можно допустить, что перед нами акция последнего из Никитичей, Ивана, выстроенная как своего рода реакция на возвышение старшего брата Федора/Филарета и племянника, царя Михаила. Положение Ивана, единственного из Никитичей, избежавшего и пострижения, и гибели, и в силу этого ставшего старшим мужчиной в роду, было несколько двойственным. Недаром он, верно служа престолу в поздний период жизни, во времена Смуты не оказал особой поддержки племяннику как претенденту на престол – но при этом, до возвращения из Польши Филарета, входил в своего рода регентский семейный совет при царе Михаиле наряду с Иваном Борисовичем Черкасским и Федором Ивановичем Шереметевым. Михаил представлял старшую династическую линию, но был существенно младше дяди по возрасту и по старому «лествичному» счету мог быть объектом претензий.

Время написания текстов можно распространить до 1640-х годов, хотя нельзя исключить и того, что эти «исторические сочинения» созданы после смерти Ивана, по заказу его вдовы и сына Никиты, умершего в 1654 году. Они содержат, в сущности, ту же самую информацию, что «Новый летописец», который создавался по заказу Романовых в первой трети XVII века. Текст его, разумеется, мог использоваться и после завершения сочинения, в связи с которым, несомненно, должны рассматриваться эпитафии Никитичам. Последнюю гипотетическую дату надгробий, 1640-е – начало 1650-х годов, поддерживает сама общность стиля. Все тексты говорят, в сущности, об одном и том же и выстроены по трафарету. Они не типичны для XVI и начала XVII века, но со второй половины столетия эпитафии, объясняющие обстоятельства смерти, становятся многочисленнее (хороший пример – плита мурзы Хорасмира, Ивана Мирославича, в Рязанском Солотчинском

монастыре, см.: *Гераськин, Нагорнов*, 2008. № 2. С. 84–89). Достоверные факты вторичного изготовления надгробий и нарезок надписей сразу для нескольких покойных в последние годы были не раз получены благодаря археологическим раскопкам в Высоко-Петровском и других монастырях (см.: *Беляев*, 2018б. С. 2–7). Такие переоформления, причем сразу для нескольких родственников, известны и вне Москвы.

Отметим при этом, что эпитафия Марфы Никитичны Черкасской, побывавшей в ссылке на том же Белоозере, указаний на заточение не содержит, также как надписи жены Ивана Никитича, Ульяны Федоровны, дочери князя Федора Ивановича Литвинова-Мосальского. Скажем, забегая вперед, что ни одна из надписей, найденных при раскопках, не содержала обличительных пассажей – все они строго, не отклоняясь в стороны, следуют современному им формуляру, это надписи своей эпохи. Чего нельзя сказать о плитах с «обличительными» текстами.

Подтверждается ли сам факт переноса останков? Можно ли думать, что останки репрессированных, о переносе которых источники напрямую не говорят, были погребены где-то в других местах? Или, напротив, следует считать несомненной их перевозку в Новоспасский монастырь?

То, что указ (Лже)Дмитрия I Ивану Никитичу говорит о перевозе тела, прежде всего, Василия, по-своему логично: Иван и Василий некоторое время находились в ссылке вместе, и Василий, сравнительно молодой, старался духовно поддержать больного старшего брата. Они вместе, закованные в кандалы сидели по разным углам в одной избе, ставшей для них тюрьмой. Иван участвовал и в похоронах младшего брата. Так что, безусловно, у Ивана были основания просить о перезахоронении тела именно Василия, а не всех Никитичей вообще. Поручить поиск останков и перевозку именно ему тоже имело смысл: он лучше всех знал, где недавняя могила, и в обстановке сибирского фронта это было совсем не лишним.

А что с гипотезой о перевозе останков Александра и Михаила? Она опирается на тексты, в разное время переписанные с памятных камней на некрополе Новоспасского монастыря, и, отчасти, на туманную фразу Арсения Елассонского: «Этот царь Димитрий вызвал всех опальных, сосланных в ссылку и заключенных в темницы царем Борисом: царицу Марию, называемую Марфою монахиною, супругу царя Ивана, возвратил из заточения и, как мать свою, почтил великою честью, и братьев ее и весь род ее весьма почтил; сыновей Никиты Романовича, четырех братьев, которые находились в ссылке и были заключены в темницу

Борисом, двоюродных братьев царя Феодора, вызвал из изгнания и весьма почтил...» (*Арсений Елассонский*, 1998. С. 180). Уже ясно, однако, что вызвать из ссылки всех четырех братьев было невозможно – трое из них были мертвы, и речь в лучшем случае должна была идти о перевозе тел для вторичного погребения. Во многих надписях Знаменской церкви речь тоже идет именно о погребении, то есть о повторном захоронении после переноса – в пространным и явно позднем тексте Евфимии Сицкой так прямо и написано.

Факты переноса останков в Московской Руси с целью похоронить всех на родовом кладбище хорошо известны. Достаточно упомянуть перенос останков двух князей Воротынских из Кашина во Владимирскую церковь Кирилло-Белозерского монастыря. Там этот факт также подчеркнут соответствующей надписью, но она совершенно уникальна – это своего рода летопись на специально оформленном камне, где сведены воедино записи о смерти и погребении пяти членов рода. Центром служит последняя по времени запись о перенесении, датированная 1606 годом, из чего легко заключить, что и вся доска нарезана не ранее этой даты.

Центральная надпись гласит: «Пронесены ис Кашина в Кириловъ монастырь княз[ъ] Михаила и сын его княз[ъ] Логинъ лета 7114 [1606] генваря в 21 д[е]н[ъ]». Слева (от зрителя) друг под другом указаны погребения Владимира и Александра Ивановичей Воротынских, соответственно, 1553 и 1564 годов: «Престави благоверны[й] княз[ъ] Владимиръ Ивановичъ Воратынской лета 7062 [1553] сентября в 27 де[нь]» и «Престави благоверны[й] княз[ъ] Александръ Иванович Боратынской, во иноцех Арсеней лета 7072 [1564] февраля в 6 д[е]н[ъ]».

Справа – Михаила Ивановича и Лонгина Михайловича: «Преставися благоверны[й] княз[ъ] Михаила Ивановичъ Воротынской лета 7081 [1573] июня в 12 д[е]н[ъ] погребен бысть во граде в Кашине» и «Преставися благоверный князь Логинъ Михайлович Воротынской 7092 [1584] июля в 27 д[е]н[ъ]».

Судя по оформлению и включению в него богатого растительного орнамента, доска может отстоять от 1606 года довольно существенно, но когда именно она исполнена, неясно. В XVII в. погребения Воротынских в этой церкви пойдут своим чередом, хотя и не будут особенно многочисленными.

Но так поступали, конечно, не всегда. Допустимо было бы думать, что тела Александра и Михаила в 1606 году не перевозили. На это намекает и необычность конструкций надписей на их памятных досках, отличающихся от надписи Ивана Никитича. Фиксируется в первую

очередь факт погребения Александра и Михаила Никитичей, и то, что они «преставися в заточении» – но не само событие смерти, которое произошло в отдалении и по времени, и по месту. Вполне возможно, что их останки были перенесены существенно позднее, как и останки княгини Евфимии Сицкой, о которых свидетельствует прямое упоминание о ее перезахоронении в 1617 г. Учитывая глубоко почтительное отношение Михаила Романова к своим родственникам, легко предложить еще одну дату оформления надписей, укладывающуюся в период его правления, возможно, около 1617 года.

На протяжении XVII–XVIII вв. Знаменская церковь пополнялась новыми погребениями, как в самом храме, так и рядом с ним, что стало причиной строительства двух палаток («северной» и «южной»), примкнувших к его стенам (*Ювеналий*, 1803. С. X). Они также зафиксированы Г. Ф. Миллером и другими авторами списков. Часть имен, вероятно, была выписана из поминальных документов (в этом случае называется только имя, но не дается сведений о смерти) и лишь часть списана с надгробий. В составе рода Сицких поминали князей Федора Алексеевича и Андрея Васильевича (инока Авраамия), а в числе погребенных числились Феодосия Дмитриевна (инока Фекла, посестрия (постриженная жена) боярина Даниила Юрьевича, 22.05.1618); Евдокия Дмитриевна, жена князя Алексея Юрьевича Сицкаго (04.12.1632); сам Алексей Юрьевич (05.07.1644; он «положен ... под церковью Знамения Пресвятыя Богородицы»); Юрий Андреевич (3.08.1644); схимница Феодосия, посестрия князя Юрия Андреевича (26.08.1672).

Из Черкасских среди погребенных названы Ирина, дочь князя Бориса Камбулатовича, супруга Федора Ивановича Шереметева, и их сын Федор Федорович, умершие почти одновременно (1 и 2 марта 1616 г.). С середины века появляются Черкасские из других ветвей рода: князь Федор Сунчалеевич Черкасский (21.07.1632); Анна Яковлевна (21.07.1649), дочь князя Якова Куденетовича; Иван Яковлевич (28.09.1658), сын князя Якова Куденетовича; князь Яков Куденетович (8.07.1666; «преставися и погребен под церковью Знамения ... у Спаса на Новом»); Михаил Петрович Черкасской (24.04.1672; девятнадцати лет). Далее хронология прерывается до начала XVIII в., и остальные плиты, с 1701 по 1789 год, принадлежат почти исключительно Черкасским (более 15 погребений).

Таким образом, с середины XVII века можно говорить о Знаменском некрополе как кладбище нескольких семей Черкасских, в меньшей степени – Сицких (их последнее погребение относится к 1672 г.), а на ранней и средней стадии – самих Романовых, среди которых

главное место занимает семья Ивана Никитича (он сам, жена и сын), а также три его брата и двое сестер (последнее «Романовское» погребение, таким образом, относится к 1654 году).

Уже поверхностный анализ указывает, что перед нами – ветвь, отделившаяся от некрополя Романовых при особых обстоятельствах. Ведь их коренное кладбище в подклете Преображенского собора продолжало пополняться, и никаких признаков его перегруженности (о чем иногда можно прочесть) не фиксируется. После Смутного времени его привели в порядок (1615–1616 гг.), украсили гробницы покровами и продолжили погребения: в 1624 г. – Ульяна Семеновна Погожая (вторая жена Александра Никитича, схимница Иулия); в 1625 г. – Иван Иванович Романов, младенец, сын И. Н. Романова; в 1631 г. – великая старица Марфа, Ксения Ивановна Шестова, жена Федора (Филарета) Никитича; в 1639 – Ирина Никитична, жена И. И. Годунова; в 1679 г. – царевна Ирина Михайловна. Оглянувшись назад, в 1580-е – 1590-е годы, мы увидим сходную картину: в соборном подклете хоронят двух детей Никиты Романова и родственников по бракам. В 1597 г. – первую жену Александра Никитича, Евдокию Ивановну Голицыну; в 1596 г. – Фетинью Даниловну Романову, жену князя Ф. Д. Шестунова; в 1595 г. – Ивана-Льва Никитича; в 1591 г. – Стефаниду Васильевну Сицкую; в 1585 г. – Анну Никитичну, жену князя Ф. И. Троекурова.

Думать, что подклет пострадал в эпоху Смуты и в нем трудно было хоронить, оснований тоже нет: уже в 1611 году в нем похоронили княгиню Катывеву-Ростовскую, Татьяну Федоровну Романову. Таким образом, не видно технических причин начинать новую линию погребений вне соборного подклета, вынеся ее «в сторонку» от общего кладбища Романовых.

Эти причины нужно искать в просопографии и политике, которые всегда (а особенно в Средние века) тесно связаны. Выше уже говорилось о гипотезе Г. Г. Донского, предположившего создание «антигодуновской инсталляции» на открытом кладбище во времена (Лже)Дмитрия I. Однако появление «обличительных» надписей может и, скорее всего, должно быть отнесено к более позднему времени. Допустимо думать, что создание особого мемориала братьев Никитичей начал Иван Никитич, а продолжил его сын Никита Иванович, состоявшие в непростых отношениях с царственными родичами – Михаилом Федоровичем и «великим государем» патриархом Филаретом Никитичем (Козляков, 2018. С. 18–19). Следует отметить прямое указание на распоряжение царя Михаила Федоровича перенести прах княгини Е. Н. Сицкой и туманное свидетельство Ювеналия (Воейкова) о вкладах того же государя

«за погребение» князя И. В. Сицкого (со ссылкой на вкладную книгу монастыря, см.: *Ювеналий*, 1803. С. 14–15). Принять последнее свидетельство невозможно, поскольку, согласно текстам с надгробия, князь И. В. Сицкий был погребен в 1608 г. Вероятно, имеется в виду царский вклад 1644-го года «для терпения Боярина Князь Иоанна Васильевича Сицкого», а также по душам князя А. Ю. Сицкого и его «родителей» (*Леонид (Кавелин)*, 1883. С. 30).

К сожалению, в выдержках из вкладной книги монастыря, которые приводят Ювеналий (Воейков) и архимандрит Леонид (Кавелин) нет никаких указаний на вклады царя, патриарха или И. Н. Романова на строительство Знаменской церкви, хотя вклады Михаила Федоровича, Филарета и «государыни великой старицы инокини» Марфы подробно расписаны, начиная с 1614 г. (*Ювеналий (Воейков)*. 1802; *Леонид (Кавелин)*, 1883. С. 8–27).

Таким образом, приходится констатировать, что ни эпитафии, ни другие письменные источники не дают ответа на вопрос: почему братьев Никитичей и их родню похоронили отдельно, вне соборного подклета, а также когда и кем была создана особая церковь-усыпальница. Можно лишь сузить интервал поиска времени строительства. Согласно вкладной книге, 8 июля 1666 г. скончался князь Яков Куденетович Черкасский, и был «погребен в Дому Всемилостиваго Спаса подъ церковью Знамения Пресвятой Богородицы» (*Леонид (Кавелин)*. 1883. С. 31). Следовательно, храм достоверно был построен ранее 1666 г. Менее определенно, но вкладная книга указывает и на другую, более раннюю дату: 16 августа 1624 г. «принесли на гробъ князь Феодора Алексеевича Сицкого образ Пресвятыя Богородицы Казанския въ киоте, окладъ серебрянъ золочень чеканной» (*Леонид (Кавелин)*. С. 28). Поскольку князь Ф. А. Сицкий предположительно числится среди погребенных в Знаменской церкви (*Ювеналий*. 1803. С. 15), то можно считать, что уже к 1624 г. храм был построен – икону «на гробъ» должны были установить только в усыпальнице, но не на открытом кладбище. Наконец, самая ранняя дата содержится в списках с эпитафии княгини Е. Н. Сицкой. Это – 1617 г., когда ее «мощи» по царскому повелению были «погребены ... под церковью Пресвятыя Богородицы честнаго Ея Знамения». Правда, достоверность и время составления самой надписи, ее надежность как источника – вопрос открытый.

Представленная картина содержит достаточно оснований для того, чтобы обратиться к материалам археологических работ в усыпальнице Знаменского храма. Они дают новые материалы для ее истории.

Натурные исследования «Палатки Романовых» в церкви Образа Богородицы «Знамение» московского Новоспасского монастыря

Л. А. Беляев, И. И. Елкина (ИА РАН)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.38-54>

Рассмотрев письменные источники и собранные предшественниками тексты эпитафий, мы видим, что для решения возникающих вопросов важно привлечь данные натурных, прежде всего археологических, источников.

Необходимо отметить, что некрополь бояр Романовых в Новоспасском монастыре стал предметом натурных обследований уже с XVIII века и даже ранее. Они, конечно, не сразу приобрели научный характер: памятниками изучения эпиграфики (да еще и комплексного, с привлечением письменных документов) можно считать уже Новоспасские помянники и даже, отчасти, Кормовую книгу. Первые научные обследования, как уже говорилось, связаны с именами Г. Ф. Миллера и его последователей, настоятелей монастыря, которые, в частности, озаботились тем, чтобы получить дополнительные результаты в момент полной перестройки Знаменской церкви в 1790-х годах. В XIX в. можно отметить и ряд вторжений в некрополь Спасо-Преображенского собора, которые были связаны с переоформлениями и ремонтами, требовавшими той или иной формы фиксации. Научных данных по ним почти нет, но сами ремонты должны быть учтены хотя бы потому, что оказывали существенное влияние на состояние «источника» – надгробий, склепов, саркофагов и самих погребений. Их обзор дан в отчете о проведенных в 1990-х годах раскопках в подклете Спасо-Преображенского собора (Усыпальница дома Романовых. 2005). Несомненно, необходим дальнейший сбор этих документов, но к нашим работам в Знаменской церкви они вряд ли имеют отношение, и в задачу исследований 2010-х годов он не входил.

Сами раскопки 1990-х гг. в подклете Преображенского собора, при всей неоднородности применявшихся методик и неоднозначности многих выводов, принесли новые интересные материалы, которые в настоящее время привлекаются и апробируются при исследованиях некрополей XV–XVII вв. (включая и данное исследование) *ad hoc*, их критический разбор в данной книге был бы избыточным (Рис. 4).

Обратимся непосредственно к изложению материалов натурального изучения «Палатки Никитичей». Оно началось в 2013 году, когда группа Отдела археологии Московской Руси ИА РАН получила предложение провести работу по научному обследованию и фиксации раскритий в восточной палатке Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве (Крестьянская площадь, 10) (Рис. 5). Ее некрополь, в отличие от подклета стоящего в непосредственной близости от нее к востоку Спасо-Преображенского собора (где располагается известная усыпальница бояр Романовых), археологически никогда не изучался.

Как выяснилось при первичном обследовании, в 2000-х гг. по инициативе общины монастыря в храме были вскрыты каменные полы. Существенно ниже полов (от уровня пола Знаменской церкви около 1 м), под слоем балласта, содержавшего значительное количество строительного мусора, открылся мало потревоженный участок некрополя XVII века (Рис. 6).

В 2013–2014 гг. отряд Московской экспедиции ИА РАН под рук. Л. А. Беляева провел окончательную расчистку, графическую и фото фиксацию (условно: раскоп 4, 2014 г.). В 2014 г. были проведены дополнительные исследования вне церквей, к югу и северо-востоку от палатки, с целью расширить представления о топографии некрополя и выйти на возможное продолжение кладбища XVII века. Но оказалось, что участки здесь полностью переработаны в XVIII–XIX вв. и не содержат объектов, которые можно было бы связать с ранним некрополем.¹ Поэтому, с целью идентификации погребений, перед завершением работ в «палатке Никитичей» белокаменные сооружения были открыты (25.12.2014) при участии антропологов М. Б. Медниковой и А. А. Рассказовой, в присутствии представителей властей монастыря и его общины, с соответствующей графической, фото и кино фиксацией.

¹ Южный раскоп в «итальянском дворике» обнаружил участок кладбища XVIII в. с неоднократными захоронениями в семейных склепах, а также остатки архитектурных сооружений, связанных со Спасо-Преображенским собором (галерей-переходов XVII–XIX вв.?), а северный – грунтовой могильник XIX в. Материалы этих раскопок будут опубликованы во втором выпуске монографии «По следам бояр Романовых».

Рассмотрим полученные материалы в следующем порядке: белокаменные погребальные конструкции и их надписи – сопровождавшие погребенных предметы – одежда и обувь погребенных – антропологические материалы.

Стратиграфия и планиметрия

«Палатка Никитичей» – замкнутое пространство сложного плана, образовавшееся между южной апсидой Знаменского храма и западной стеной Преображенского собора, под лестничным переходом (Рис. 7 и 8). Исследуемый участок палатки делится на три части, причем широкую центральную с севера и юго-запада дополняют небольшие узкие участки. Центральный участок слегка трапециевидный в плане, ориентирован длинной стороной с запада на восток (4,5×2,7 м). Западный край образуют южная и часть центральной апсиды Знаменского храма, южную и восточную стены – белокаменные основания перехода, а северную – кирпичная перегородка арочного перехода, заложная стеной в один кирпич на известковом растворе. В ней пробит специальный проход, через который можно попасть в небольшое северное помещение (в плане оно тоже трапециевидное и вытянуто с севера на юг (3,2×2,7/1,2 м, таким образом, северный участок имеет на уровне основания площадь всего 7 м²). Юго-западный участок еще меньше (2,0×2,2/1,2 м, площадь 2,5–3,0 м²), это пазуха между южной апсидой и основанием каменного перехода собора.

В основании восточной стены центрального участка лежат массивные белокаменные блоки фундамента, скрепленные известковым раствором (верхний уровень на отметке -112/-120 см). Еще до начала раскопок, при ремонтно-строительных работах, по всей палатке был вскрыт пол и выбран грунт (прокопку остановили примерно на 10–15 см выше уровня материка). Требовалось: обмерить и описать погребальные сооружения и архитектуру, произвести дочистку и фиксацию остатков слоя, просмотреть отвалы и, при необходимости, вскрыть погребения.

Осмотр показал, что все погребения образуют компактную группу и сосредоточены на небольшой (около 12 м²) центральной площадке – единственной почти не затронутой поздней строительной деятельностью (Рис. 9). Здесь сохранились четыре тесно поставленных белокаменных саркофага антропоморфной формы и надгробная плита, накрывающая ящичный склеп, составленный из массивных белокаменных блоков. Все объекты ориентированы на литургический восток с небольшим отклонением к югу,

и стоят очень тесно друг к другу. Вдоль всей восточной стены сохранились остатки подиума шириной не менее 0,5 м, построенного с использованием *spolia*, в том числе – фрагментов плит середины XVI в. (над этой кладкой до 1920-х гг. помещался подиум с плитами в память братьев Никитичей, хорошо видимыми на фотографиях палатки конца XIX – начала XX вв.). Здесь же зафиксирована уцелевшая полоса стратифицированного слоя (других его сохранных участков в Палатке нет) (Рис. 10).

До появления некрополя с белокаменными саркофагами здесь, к западу от Спасо-Преображенского собора, уже существовало кладбище (XVI в.?). Оно представлено одним погребением (№ 5) в могильной яме, впущенной в материк (фиксируемая глубина 0,5 м, ширина более 0,6 м) (Рис. 11 и 12). Могила частично перекрыта с запада саркофагом № 4, а восточной частью уходит в борт участка. Ее заполнение – серая супесь с включениями мелкой гальки, редкой крошки белого камня и кирпичной крошкой; встречен обломок чернолощеной плитки; прослежена полоска древесного тлена от гроба. Состояние костей хорошее: череп, нижняя челюсть, парные плечевые, кости предплечья, ребра, тазовые кости, кости кисти, рукоятка грудины; разрушенные позвонки всех отделов. Костяк находится в вытянутом положении на спине, череп закинут назад, глазницы обращены вверх, нижняя челюсть лежит прямо, руки несильно согнуты в локтях и кистями уложены на низ живота. Это останки взрослого мужчины (*maturus* 1 – 40–49 лет).

Просмотр имевшегося на участке отвала дал некоторые находки: в нем представлена строительная керамика (фрагменты черепицы чернолощеной кровельной и килевидной формы из красножгущейся глины, конца XV – середины XVI в., см.: *Хворостова*, 2002. С. 206) и бытовая керамика (распространенные типы горшков XV–XVIII вв.). Довольно много кованых граненых гвоздей с гранеными шляпками, массивных костылей, частей железных связей; встречен фрагмент слюды. (Рис. 13 а-в). О присутствии в слоях разрушенных архитектурных сооружений и погребений говорили тесаный белокаменный блок с профилировкой (Рис. 13г) и фрагмент изголовья саркофага (Рис. 14), а также камни с надписями (см. далее).

Белокаменные конструкции и лапидарная эпиграфика

Центральную часть помещения, существенно ниже уровня пола занимали четыре тесно поставленных белокаменных антропоморфных саркофага и большая надгробная плита (см. Рис. 6, 8, 9 и 14). Саркофаги антропоморфные, разного размера: один принадлежал

юноше-подростку, три – детям (Рис. 15 и 16). Все саркофаги стояли *in situ*, были ориентированы по линии запад-восток изголовьем на запад, их крышки находились почти в одном уровне (самая высокая имела отметку – 96 см). Южнее их, на кладке из белокаменных блоков, примерно в том же уровне, лежала массивная надгробная плита, западную часть которой перекрывал плотный завал строительного мусора.

Все саркофаги по форме ничем не выделяются из общей массы московских белокаменных гробов в форме человеческого тела и вполне отвечают общей предполагаемой дате погребений: первая половина XVII в. (см.: *Беляев*, 2018. С. 219–232, там же литература).

Для удобства описания саркофаги пронумерованы.

Саркофаг № 1 – самый южный в ряду, и его ось немного повернута к югу. Он небольшой (75×39/33,5 см; толщина крышки 6 см, высота без крышки – 25 см), плечики прямые, оглавие слегка приплюснутое. Крышка крепилась к саркофагу известковым раствором, уже нарушенным к моменту осмотра. Текста и декора нет (Рис. 17).

Саркофаг № 2 стоит вплотную к северо-западу от саркофага № 1. Размер 97×41/32 см, толщина крышки 10 см, высота без крышки 38 см. Левое плечо крышки отбито и замазано известью, вероятно, при строительстве новой церкви в 1790-х гг. (Рис. 18).

Саркофаг № 3 расположен северо-восточнее саркофага № 2, его ось немного повернута к югу. Он массивнее (210×74/64 см, длина без изголовья 179 см, толщина крышки 20 см, высота без крышки – 48 см). Декора и текста нет (Рис. 19, 20, 21 и 22).

Саркофаг № 4 стоит к югу от саркофага № 3 и ориентирован в одну линию с саркофагом № 2, соприкасаясь с ним изголовьем (Рис. 23 и 24). Размер 118×50/35,5 см, длина без изголовья 104 см, толщина крышки 14 см, высота без крышки 29 см. На крышке сохранились следы орнамента «елочка»: на левой грани по всей длине, на правой (северной) он частично стесан (сохранился участок длиной около 20 см, в изножии). Видимо, весь маленький саркофаг вытесали из крупной монолитной заготовки надгробия – после снятия крышки на плоскости правого бортика обнаружился след стесанного жгутового орнамента, а в верхней части изголовья – очертания розетки. Такие случаи очень характерны для детских саркофагов XVII века, поскольку крупные плиты вполне соразмерны блоку, необходимому для вытески детского саркофага. На крышке саркофага имелась надпись (см. далее).

Возле южной стены палатки, южнее саркофага № 1, лежала крупная (180×70/58×32 см) надгробная плита слегка трапециевидной формы

(Рис. 25). Ее поверхность имеет уклон к северо-востоку: отметка изголовья -96/-100 см, изножья -104/-108 см, то есть она выше крышек саркофагов не менее, чем на 10–15 см (их отметки: саркофаг № 1 – 113 см; саркофаг № 2 – 105 см; саркофаг № 3 – 114 см; саркофаг № 2 – 107 см).

При работах выяснилось, что плитой накрыт склеп, собранный из крупных белокаменных блоков (блок в торце 70×31×21 см; боковые 66×15×? 65×14×? см), на основании из таких же блоков, причем с обмазкой изнутри (сохранилась фрагментарно). С северной стороны часть блоков вынута (при устройстве соседнего детского погребения?), и плита «съехала» с основания к северу, опираясь только на блоки с восточной и западной стороны. Склеп поврежден и в ногах, где полностью отсутствует торцевая (западная) стенка; в западной части нарушен также слой внутренней обмазки стен и пола. Это доказывает, что склеп первоначальный и поврежден при позднейших работах, вероятно, связанных с возведением в 1790-х годах нового Знаменского храма, фундамент которого накрывает западный край (изголовье) всей конструкции (Рис. 26, 27 и 28).

Белокаменные склепы чрезвычайно редки (ни одного подобно-го нет, в частности, в обширном подклете Спасо-Преображенского собора), хотя в целом известны русской погребальной традиции. Во всяком случае, есть поздние их примеры (склеп архиепископа Феоноста, 1800 г., в Даниловом монастыре). Допустимо думать, что в начале XVII в. такой склеп мог появиться как замена цельного белокаменного гроба, доставка которого в период Смуты, особенно в ее тяжелейшие 1610–1611 годы, могла быть затруднена военными действиями вокруг столицы.²

Все это, хотя не дает абсолютной уверенности в том, что надгробная плита, служащая крышкой склепа, входила в изначальную конструкцию, все же позволяет исходить именно из этого допущения.

У плиты, накрывавшей склеп, декорированы лицевая и боковые грани: их орнамент виден в изножье и на правой боковой грани, остальные грани не видны (Рис. 29). Тип бокового декора: каннелюры (ширина интервала примерно равная ширине каннелюры), сверху

² Вспомним, что для Михаила Скопина-Шуйского в 1610 г. искали сначала деревянную колоду подходящего размера и не смогли найти, да и привезенный взамен нее каменный гроб оказался мал. Если воспринимать этот рассказ «Повести о преставлении и погребении...» как реальное описание, а не гиперболический панегирик величию полководца, то можно говорить об ограниченности ассортимента, или, как вариант, о толковании реального, но странного факта через аргумент «от здравого смысла». Как установлено, реальный князь Михаил был нормального роста.

и снизу от них – полосы косой частой насечки и линия противопоставленных равносторонних треугольников). Общая композиция лицевой грани антропоморфная устойчивая, орнамент резной жгутовой (ширина жгута 5 см, диаметр верхней розетки 22 см, центральной – 20,5 см), обрамлен изнутри и снаружи графьей, образующей полосу шириной 10 см.

На лицевой грани имеется врезанная надпись вязью в 9 строк (Рис. 30). Канавки мачт трехгранные, строки средне-вытянутых пропорций (высота 7,0 см, промежуток между строками 3,5 см). Надпись сообщает о преставлении Марфы Никитичны, жены князя Бориса Кенбулатовича Черкасского, 28.01. 7119 (~ 5508 = 1611 г.; справочники приводят дату «1610» – типичная абберрация при переводе древнерусского года). В полном виде надпись гласит:

ЛЕТА ЗРӨИ ГОДУ
ФЕВРАЛЯ В КИ (28) ДЕНЬ НА ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНОГО
ОТЦА НАШЕГО ВАСИ
ЛИЯ ИСПОВЕДНИКА ПРЕСТАВИ
СЯ РАБА БОЖИЯ БОЯРИ
НА КНЯЗЯ БОРИСА
КЕНБУ
ЛАТОВИЧА ЧЕРКАССКОГО
КНЯГИНЯ МАРФА НИКИ
ТИЧНА

Вторая врезная надпись (Рис. 31), на крышке детского саркофага № 4 (вязь в 7 строк, канавки трехгранные; пропорции букв средне-вытянутые; высота строки 6 см, промежуток 4 см), отмечает смерть маленькой дочери Якова Куденетовича Черкасского, Евдокии, 7.11.7149 (~ 5509 = 1640) года:

ЛЕТА ЗРМӨ
ГОДУ МЕСЯЦА НОЯБРЯ ВЪ КЗ ДЕНЬ
ПРЕСТАВИСЯ РАБА БОЖИЯ
МЛАДЕНЕЦ КНЕЖНА ЕВДОКЕЯ
ДЩЕРЬ КНЯЗЯ ИАКОВА
КУДЕНЕТОВИЧА
ЧЕРКАСКАГО

В тексте обращает на себя внимание отсутствие указаний на принятие пострига перед смертью.

Кроме сооружений *in situ*, в заполнении (строительный мусор) при работах были обнаружены перемещенные архитектурные детали XVII–XVIII вв. и части надгробных сооружений, на которых хорошо читаются две надписи. Это верхняя часть крышки саркофага князя Алексея Юрьевича Сицкого (1644 г.) и надгробный камень («таблица») младенца И. Я. Черкасского (Рис. 32). На крышке саркофага сохранилось 6 строк:

ЛЕТ[А]
ЗРНВго (7152-5508 = 1644) ЮЛЯ
В Е(5) ДЕНЬ НА ПАМЯТЬ ПРЕ
ПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АФОНАСИЯ АФОНСКАГО
ПРЕСТАВИС[я] РАБ БОЖИЙ БО
[ярин князь] АЛЕКСЕЙ...

Утраченная часть текста восстанавливается по Кормовой книге монастыря: «Лета 7152. Июля в 5 день, на память Преподобного Отца нашего Афанасия Афонского, преставися раб Божий Благоверный Князь Боярин Алексей Юрьевич Сицкой и положен в монастырь Спаса Всемилоостивого на Новом, под церковью Знамения Пресвятыя Богородицы». Следует отметить, что в описи надгробий Ювеналия отмечен фрагмент плиты, принадлежавшей, возможно, жене другого Сицкого, князя Ивана Васильевича, сестре Марфы Романовой, Е (в)фимии³ Никитичне, которая была пострижена под именем Евдокии и умерла в 1602 г. в Сумском остроге.

Последнее из надписных сооружений – собравшаяся целиком (3 фрагмента) шестигранная доска от надгробницы с «фронтоном» (Рис. 33). Она сообщает о смерти 28.11. 1658 г. еще одного ребенка Я. К. Черкасского, младенца, уважительно названного «Иван Яковлевич». Текст нарезан изысканной вязью середины XVII в., в бороздках букв исключительно хорошо (фактически, полностью) сохранились следы прокраски красным и черным. Надпись в 7 строк:

³ Правильно было бы Евфимия, но она в текстах эпитафий плотно именуется Ефимией, и такое написание принято в современной генеалогической литературе о Романовых. – Прим. С. Ю. Шокарева.

ЛЕТА ЗРѢЗ го (7167 – 5509 = 1658)
 СЕНТЯБРЯ В КН (28) ДЕНЬ НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
 ОТЦА НАШЕГО ХАРИТОНИЯ ИСПОВЕД
 НИКА ПРЕСТАВИСЯ РАБ БОЖИЙ
 БОЯРИНА КНЯЗЬ ЯКОВА КУДЕНЕТОВИЧА ЧЕРКАСКОГО СЫН
 МЛАДЕНЕЦ КНЯЗЬ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ

Из менее информативных фрагментов можно отметить фрагменты настенной доски с остатками обронной надписи (5 строк?) и барочного орнамента конца XVII – начала XVIII в. В надписи упомянут стольник Андрей Михайлович, умерший на один из Богородичных праздников. В списке Ювеналия (Воейкова), есть запись: «1701 года Ноября въ 21 день въ 5 часу, дни преставися рабъ Божий Князь Андрей Михайловичъ Черкасской, жития его было 33 года, 3 месяца и 3 дни». (Ювеналий (Воейков), 1803. С. 23). Рис. 34

Это позволяет восстановить надпись только до известной степени, поскольку тексты совпадают не полностью: у Ювеналия нет упоминания о двенадцатом празднике в день смерти (21 ноября – Введение Богородицы во Храм) и о стольническом чине; часть слов на доске не читается (хотя буквы видны хорошо).

1701 года (но)Я[Б]РЯ
А ПРЕ[СВЯ]ТЯ .. ЛЕ ДНЕЙ
 [прест]АВ[ис]Я РАБ БОЖИЙ СТОЛ[ник] (Князь) [Ан]
 ДРЕЙ МИХАЙЛОВ[ич] (Черкасской, жития)
 ЕГО БЫ(ло 33 года, 3 месяца и 3 дни)

Инвентарь погребальных сооружений

Из погребений сопутствующий инвентарь содержался только в двух – в большом саркофаге № 3 и в белокаменном склепе под плитой, в трех других саркофагах (детских № 1, 2 и 4) только останки и следы одежды.

В саркофаге № 1 – погребение ребенка (младенец, 5–7 мес.) (Рис. 35). Останки очень плохо сохранились (уцелело несколько мелких костных фрагментов в области таза и ног; костный тлен на участке 50×28 см). Погребальный инвентарь отсутствует. В краниальной части скелета – остатки текстиля.

В саркофаге № 2 – погребение ребенка (до 2-х лет) (Рис. 36). Зафиксированы только мелкие кости и фрагменты костного тлена (тлен

с раствором, проникшим в саркофаг при повреждении в северо-восточного угла, распространён на участке 50×30 см).

В саркофаге № 4 – погребение девочки полутора-двух лет (Рис. 37а, б). Сохранилось несколько костных фрагментов скелета и костный тлен на площади 60×25 см, волосы светло-русого цвета. Остатки текстиля.

Саркофаг № 3 Кратко описав эти погребения, обратимся к саркофагу № 3. Он был вскрыт раньше других, 23.12.2014 г. (Рис. 38, 39 и 40). В нем обнаружены останки молодого мужчины 13–15 лет, в целом хорошо сохранившиеся (см. раздел II). Погребальный инвентарь включал (1) традиционную елейницу (находка № 6 (п/о 23) у левого плеча, с севера от черепа), которой служил стеклянный штофик и (2) печать, когда-то скреплявшую грамоту с текстом разрешительной молитвы (бумажная часть не сохранилась; о таких грамотах см.: Булычёв, 2009. С. 327–356; Беллев, 2012. С. 30). и 42.

Печать из саркофага Знаменской церкви. (Рис. 41). Печать красного сургуча на основе киновари (см. график)⁴, округлой формы. Сохранилась плохо, но можно различить изображение благославляющей десницы с двоеперстным знаменем и следы круговой надписи, в которой видны две-три нечитаемые буквы. Малое число аналогов и состояние оттиска не позволяют уточнить дату: печати патриархов в XVII веке несли однотипные изображения. Но печать, несомненно, укладывается в рамки первой половины – второй четверти столетия. Это редчайшая находка. Подобные печати нам известны только в саркофагах первой половины XVII в. из собора Вознесенского монастыря в Кремле, где погребения имеют надписи с точными датами. Как и наш экземпляр, это сургучные печати на основе киновари, причем на шнурках. Хорошо сохранившаяся печать фиксируется в захоронении Марии Долгорукой (1625 г.), мелкие кусочки – в захоронении Екатерины Шуйской (1626 г.), известны и следы печати на текстиле одежды (благодарим за это сообщение Т. Д. Панову; ожидаемая публикация: *Некрополь...* Т. 4., 2019. Погребения XVII – начала XVIII в.).

Саркофаг и сам по себе позволяет связать дату погребения именно с первой половиной XVII в.: наиболее поздние антропоморфные каменные гробы на кладбищах Московского государства относятся к 1650-м годам,

⁴ Рентгенофлуоресцентный анализ печати выявил повышенные сигналы фосфора, свинца и ртути. Высокая концентрация ртути свидетельствует об использовании киновари, т.е. о том, что печать изготовлена из красного сургуча высшего сорта. Попытки распознать текст или хотя бы его часть на печати, в том числе путем лазерного сканирования поверхности, не дали результата.

а пик их распространения приходится на вторую половину XVI – первую треть XVII в. Это подтверждают материалы крупных соборов-усыпальниц Вознесенского монастыря в Кремле, Новодевичьего и Новоспасского монастырей, а также других кладбищ: *Беляев*, 2015б. С. 365–374; *Беляев*, 2018. С. 219–232; см. тж.: *Некрополь...* 2009; 2015; 2018; 2019 (в печати).

Штоф полупрозрачного зеленоватого стекла, четырехгранный относится к кругу «аптечного стекла» (высота 11 см, ширина грани 4.5 см) (Рис. 42а). Его появление в погребении могло бы сделать дату погребения существенно моложе. Дело в том, что в слоях Москвы подобные сосуды обычно датируют не ранее начала XVIII в., что, по-видимому, отвечает началу их массового распространения в России в конце XVII–XVIII в. Однако контекст погребения № 3 доказывает, что отдельные экземпляры граненых пузырьков могли попадать в Россию и раньше. Обращение к коллекциям европейских музеев обнаруживает очень близкие формы аптечного стекла с вполне устраивающими нас датами. В собрании Музея Бойманса ван Бёнингена (Роттердам) для подобных штофов указывают интервалы 1500–1700 гг. (номера хранения: 1062 и 1080 KN&V), 1600–1700 гг. (F-5076 и F 5108 KN&V), и даже более узкий, точно отвечающий нашей находке: 1600–1650 гг. (963 a-b KN&V) (Рис. 42б). Таким образом, дата в пределах первой половины-середины XVII в. для штофа допустима, особенно принимая во внимание высокое социальное положение покойного, очевидное как по расположению погребения в некрополе княжеской знати, так и по дорогому и престижному каменному гробу. До середины XVII в. стеклянных штофов местного производства не существовало, но ничто не мешало использовать для елea аптечный или парфюмерный пузырек европейского происхождения – в Москве их было, видимо, достаточно, начиная с 1600–1610-х гг. Достаточно много подобных изделий и в слоях Киева XVII–XVIII вв. (авторы публикаций не делят их по хронологии: *Починок, Чекановский*, 2015. С. 294–299, цветная таблица на рис. 1). Укажем также на появление аптечного граненого сосуда в погребении Нового Иерусалима, которое, пусть не без некоторых сомнений, можно отнести к 1665 году (*Беляев*, 2016. Рис. 14а). Следует отметить также, что состояние поверхности стекла, гладкой, очень хорошо сохранившейся и практически не тронутой коррозией, резко отличает предмет от знакомых нам русских изделий XVIII в. В целом для них характерна своеобразная и очень устойчивая патина: исследователи Нового времени в Санкт-Петербурге даже используют этот признак как хроно-технологический индикатор (сообщение Е.Р. Михайловой, СПб). В качестве «частного

определения» отметим, что появление такой находки с довольно точной датой позволит обратиться к пересмотру всей массы подобных штофов, в Москве довольно многочисленных.

Таким образом, погребение в саркофаге № 3 в археологическом контексте может быть с достаточной уверенностью отнесен к XVII в., вероятнее всего – ко второй четверти столетия. Анализ текстильных изделий из погребения этому не противоречит и до известной степени поддерживает такую суженную датировку. Подробнее см. в приложении № 2.

Погребения в склепе В белокаменном склепе под плитой Марфы Романовой/Черкасской, вопреки ожиданиям, обнаружилось не одно, а несколько погребений: под плиту были хаотично сложены человеческие кости вперемешку с остатками текстиля и фрагментами древесины гроба (гробов) (Рис. 43). Антропологической экспертизой установлено, что в склепе сосредоточены останки (о них см. ниже, раздел III) четырех мужчин и одной женщины. Это, несомненно, перезахоронение костяков, попавших в зону строительства (Рис. 44).

Мы предполагаем, что основное (первоначальное) погребение при этом частично сохранилось *in situ* на полу склепа, а сам он был накрыт плитой, лежавшей изначально выше (на том же месте?). Кости ног находились в естественном сочленении, как, видимо, и череп с головным убором-волосником (несомненным свидетельством женского погребения). Захоронение было совершено в деревянном гробу, от которого на момент изучения прослеживалась только часть боковой стенки с южной стороны (Рис. 45).

К погребению относилась сопровождавшая его находка – у левого плеча погребенной, примерно посередине длины склепа, стоял небольшой стеклянный бокал в виде рюмки на высокой ножке (находка № 7 (п/о 25) (Рис. 46). Это изделие из очень тонкого прозрачного стекла, заметно неровной формовки, с широким раструбом в виде перевернутого конуса и на еще более широкой слабо конической подставке, с многочисленными перехватами на среднего размера ножке. Такой стиль («венцианский фасон») сформировался к концу XVI века и вошел в распространение в XVII столетии и получил значительное распространение (упомянем здесь сосуд из Вознесенского монастыря в Киеве, к сожалению, не имеющий точной даты, см.: *Починок, Чекановский, 2015. С. 294–299, цветной рис. XII*). Мы привлекли для экспертизы бокала известного специалиста по стеклу Е. В. Долгих, согласно которой предмет датируется первой половиной XVII в. и, таким образом, может принадлежать погребению 1611 года. Подробнее см. в приложении № 1.

Одежда и другие текстильные изделия

Во всех погребениях сохранились, хотя и в разной степени, остатки текстильных изделий. В склепе среди многочисленных разрозненных текстильных фрагментов определены остатки двух мужских рубаш (декоративные отделки, выполненные в технике золотной вышивки); фрагменты женской одежды, сшитой из шелковой камки; остатки женского головного убора (волосник); 2 погребальных венчика; фрагменты шелкового (камка) погребального покрывала с крупным растительным орнаментом. Этот текстиль относится к XVI–XVII вв. Но есть текстильные фрагменты и более позднего времени: остатки изделия из бархата и шелка репсовой структуры. (подробнее см. в приложении № 2).

Обувь. В склепе, кроме бокала и текстильных изделий, сохранился редкий образец обуви, части высоких кожаных сапог (см. в приложении № 3).

Предварительные выводы

Сопоставив данные анализа письменных и археологических источников, приходим к выводу, что в изученное пространство попала часть некрополя, связанного с Знаменской церковью XVII века. Нам было не до конца понятно, внутренняя это часть кладбища, наружная или что-то промежуточное – например, пространство под галереей, лестницей переходов или иной конструкцией, соединявшей, возможно, оба храма. Такие погребения для старомосковской монастырской традиции более чем характерны, их примеры можно приводить десятками. После анализа плана 1751 года⁵ (ГНИМА им. А.В. Щусева. План Новоспасского монастыря и окружающей местности 1751 г. Р1-11117 и Р1-11119) стало ясно, что, действительно, между Знаменской церковью XVII–XVIII вв. и западным фасадом собора (возможно, под галереей) оставалось пространство, вполне достаточное для размещения обследованного здесь кладбища с саркофагами.⁶ (Рис. 47а, б).

⁵ Благодарим Д.Б. Солодовникова за предоставление в наше распоряжение этого плана.

⁶ Мы располагали не вполне четкими фотографиями (выполнены в 1992 г. А. Шароуховым) с двух копий плана, и пока лишены возможности проанализировать эти документы во всех деталях. Но большой просвет между храмами совершенно очевиден. Имеющаяся на первой из копий надпись определяет это здание как колокольню – возможно, колокольня действительно входила в комплекс построек. Во втором выпуске книги мы дадим детальный анализ архитектурно-археологической ситуации.

Более того: при строительстве 1790-х гг. будущее пространство Палатки уже принималось во внимание и рассматривалось как отдельный объем: на плане монастыря 1804 г. (Рис. 48) Знаменский храм показан очень условно, в виде триконха, обращенного центральной апсидой на запад, а не на восток – с востока же показан продолговатый неширокий объем, ориентированный по оси север-юг, а восточная апсида не показана вовсе. Нельзя исключить, что на план попала одна из проектных версий (как это иногда бывало), что здесь все еще изображен храм XVII в. с его двумя пристройками с юга и севера (но это был бы очень нетипичный для московской традиции храм) или, скорее всего, отражено просто неточное представление о здании. Поскольку реально построенный храм отнюдь не триконх и не имеет в плане выраженной крестообразности, его наос продолговатый, с довольно плоскими боковыми ризолитами, и апсидам на западе отвечают симметричные полукружия для алтаря на востоке. На более поздних обмерных планах промежутки между восточными апсидами и стеной Преображенского собора тоже обозначен – как сохранившийся частично, между врезанным в соборную галерею алтарем и стеной собора (Рис. 49 и 50).

Ни один достоверный элемент храма XVII в. в изученной нами подземной части Палатки не обнаружен – видимо, небольшое сооружение располагалось целиком на месте Знаменской церкви 1790-х гг. и было полностью уничтожено. Восточные кладки «новой» и «старой» церквей могут совпадать, и/или старую использовали как основание новой. Сохраняются ли какие-то следы церкви XVII в. и погребения, в ней совершенные, под ныне существующей Знаменской церковью, когда-нибудь установят широкие раскопки и архитектурно-археологические обследования основной части ее интерьера (занятой, как известно, некрополем Шереметевых) и северо-западного угла Преображенского собора. Этого мы пока, по понятным причинам, не планировали.

Этому не противоречит ни плотное расположение саркофагов, ни их расположение вне стен церкви. Саркофаги на открытых кладбищах встречались и ранее, иногда также образуя скопления; такие случаи в последние годы встречаются все чаще (на кладбище Чудова монастыря в Кремле, на некрополе Ивановского монастыря в Москве и в других местах). Интересно, что среди случайных находок, по крайней мере, одна принадлежала к погребению, совершенному внутри храма: это многогранная доска от фронтона надгробницы И. Я. Черкасского. Правда, изредка кирпичные надгробницы попадают и вне храмов (памятник архимандрита Акакия 1670 года с прямоугольной белокаменной

доской в Новом Иерусалиме, монографическая публикация которой готовится), но высоких сооружений с фронтонами среди них до сих пор не обнаруживалось.

Что касается соотношения восточной стены храма 1790-х гг. и открытой части некрополя, то своим внешним краем стена затронула его погребальные сооружения: один детский саркофаг при этом вскрыли и заново замазали, а каменный склеп под плитой Марфы Романовой/Черкасской использовали вторично для перезахоронений, и его изголовье накрыл шлейф кладочного раствора от фундамента. Плита Марфы Никитичны могла быть заново положена на уровень камней склепа после его вторичного заполнения, но не исключено, что ее опустили на те же отметки и ранее, поскольку церковь XVII в., несомненно, строили позже погребения 1611 года. Примеров, когда старую плиту, настенную таблицу или просто крышку саркофага используют при перестройке и заново кладут на новую надгробницу, довольно много (целая серия таких случаев есть в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря). Нельзя исключить даже (хотя это менее вероятно), что плита изначально лежала на том же уровне, и после пополнения склепа ее просто вернули на место.

Итак, мы можем описать архитектурный контекст погребений как промежуток между церковью и собором, в который попала одна из опор последнего. Возле этой опоры и сооружен белокаменный склеп Марфы Романовой/Черкасской, оказавшийся в своеобразном углу, под галереей Преображенского собора, вплотную к нему. В том же ряду, но севернее, до середины XVII в. похоронили младших представителей рода Черкасских и, возможно, кого-то из другой ветви сородичей Романовых. Вероятно, это происходило по-прежнему в промежуточном пространстве между храмами, которое для храма XVIII столетия стало почитаемой, но периферийной частью здания, расположенной за апсидами и главным залом нового сооружения.

Историческая традиция почитания, а также найденные надписи погребальных сооружений надежно ассоциируют этот участок с семьей бояр Романовых и, особенно, с их свойственниками по женам, Черкасскими и Сицкими. Все четыре сохранных саркофага принадлежат, вероятно, роду Черкасских: в одном из них погребена дочь Якова Куденетовича, а плита с могилы его сына найдена переотложенной. Черкасской по мужу являлась и Марфа Романова. Семейная группа Сицких также представлена на некрополе, хотя только одним памятником с остатками надписи. С учетом свидетельств о находках XVIII–XIX вв.

можно утверждать, что надписей Сицких было зафиксировано не менее двух, а в исторических источниках указаны погребения и других представителей рода.

Из Романовых письменные свидетельства упоминают о погребениях здесь перевезенных останков троих братьев (не ранее 1606 г.), умершего гораздо позже (1640 г.) Ивана Никитича, его супруги и сына Никиты Ивановича (1654 г.)⁷ – последнего в боярской ветви Романовых, а также сестер Марфы Никитичны (в замужестве Черкасской) и Е(в)фимии Никитичны (в замужестве Сицкой) Никитичны. В обнаруженных надгробных памятниках также представлены только они и их родственники.

Собственно, этого и следовало ожидать: судя по описям надгробий старой Знаменской церкви, учтенным о. Ювеналием (Воейковым), она сложилась как продолжение и ответвление усыпальницы Романовых, это скорее семейный некрополь Черкасских и Сицких – двух родов, связанных брачными узами с семьей Романовых, точнее с двумя сестрами-Никитичнами. Можно полагать, что усыпальница с самого начала формировалась не столько для Романовых, сколько в качестве некрополя их родичей по женской линии, которую представляли Марфа Романова и Е(в)фимия Сицкая.

Их потомки и свойственники буквально заполнили церковь-усыпальницу: за столетие между 1606 и 1706 гг. из списка в 27 номеров упомянуто (считая с женщинами) 10 Черкасских и 6 Сицких, то есть больше половины, и 6 Романовых (если включать жену Никиты Ивановича). В списке нет Ивана Васильевича Сицкого, умершего в ссылке в 1602 г. – возможно, его тело не перевезли в Москву. Погребение Бориса Камбулатовича Черкасского, напротив, присутствует. Тяготение мужа к родовой усыпальнице жены, с превращением ее позже в семейную, уже отмечалось для некрополя Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля (Беляев, 2015в. С. 12-26). Так что последующее превращение усыпальницы в погребальный храм рода Шереметевых по-своему очень логично.

Палатку, где почитали память братьев Никитичей, Шереметевы устроили в новом храме конца XVIII в. не точно на месте их погребения,

⁷ Никита Иванович Романов, видимо, умер 11 декабря 1654 г., несмотря на то, что у Ювеналия указан 1655 г. В этом убеждает то, что в феврале 1655 г. царь Алексей Михайлович указал разбирать его имущество и давать вклады на помин его души. Кроме того, умер он в Вязьме, возвращаясь из «государева похода», а это все же 1654-й, а не 1655-й год. – Прим. С.Ю Шокарева.

а над оставшимся не разрушенным участком общего кладбища их потомков и свойственников по женской линии, Черкасских и Сицких, за алтарем нового храма. На этот участок попало и погребение Марфы Романовой Черкасской.

Чьи еще останки положены ее в белокаменный склеп – пока неясно. Количество мужских костяков отвечает числу братьев Никитичей, но случайное совпадение вероятно.

Неясна и семейная принадлежность знатного юноши из саркофага № 3 – по возрасту он не может быть одним из братьев. При поиске возможных совпадений мы исходили из ряда допущений: (1) юноша в дорогом саркофаге должен быть отмечен в Кормовой книге; (2) надпись с его надгробия могла попасть в «список 1803 года»; (3) его возраст определен как 13–15 лет (существенное отклонение в «старшую» сторону невозможно); (4) дата погребения, по данным археологии, лежит в 1610–1660-х гг., наиболее вероятны 1620–1650-е гг. Оказалось, что как в Кормовой книге, так и в списках погребенных подходящих для идентификации с погребением юношей мало, и точного соответствия мы не нашли. Жаль, но неподписанные погребения методами археологии и истории определить однозначно пока не удастся. Возможно, в этом помогут антропологические, биоархеологические и генетические методики? Обратимся к ним.

РАЗДЕЛ II. АНТРОПОЛОГИЯ, БИОАРХЕОЛОГИЯ, ГЕНЕТИКА

История повседневности в фокусе биоархеологического исследования. Новые подходы и методы в изучении останков исторических лиц по данным антропологии

М. Б. Медникова (ИА РАН)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.55-66>

Одной из наиболее актуальных задач исследования погребений, открытых в декабре 2014 года в ходе раскопок на территории Новоспасского монастыря, стала идентификация останков и оценка их принадлежности известным историческим лицам. Не менее важным представляется изучение особенностей образа жизни этих людей, которые априори принадлежали к представителям социальной элиты своего времени.

Археология, как никакая другая из исторических дисциплин, ориентирована на изучение повседневной жизни людей прошлого. Из какой посуды ели средневековые горожане, в каких домах жили, как украшали одежду и, наконец, как провожали в последний путь своих близких – ответить на эти вопросы может исследование артефактов из археологических раскопок. Но непосредственным следствием археологических раскопок является и возможность изучения другого, совершенно независимого источника – палеоантропологических материалов. Зубная и костная системы человека обладают совершенно удивительными свойствами: они, с одной стороны, представляют собой стабильные структуры, а с другой – способны запечатлевать в анатомических и химических изменениях внешние воздействия, которые организм испытывает на протяжении жизни. Именно пластичность и консервативность костной ткани обеспечивают возможности изучения образа жизни древнего населения путем детального анализа останков из археологических раскопок.

Многолетнее сотрудничество археологов и антропологов способствовало кристаллизации в научной практике направления, известного сегодня как «биоархеологические реконструкции». Этот термин обозначает комплексное междисциплинарное исследование антропологических материалов конкретного археологического памятника с воссозданием индивидуальных особенностей образа жизни, состояния здоровья, особенностей физического развития, питания тех людей, останки которых были обнаружены при раскопках объекта. Мало того, изучая останки взрослых людей, можно определить качество жизни человека в детстве и даже установить точный срок, когда этот человек, будучи ребенком, испытал физиологический стресс из-за перенесенного голода или болезней. Биоархеология позволяет обращаться и к решению биологических проблем, и, вместе с тем, к конкретным историческим задачам, чему в последние годы особенно способствует развитие высокотехнологических методов лабораторной экспертизы. Итак, представим, что письменные источники и данные эпиграфики смолкли. Что способно рассказать отдельно взятое биоархеологическое исследование о жизни конкретного человека?

В зависимости от сохранности останков мы можем узнать, как он выглядел, насколько он был физически развит, насколько крепким было его физическое здоровье, что он чаще ел – мясную или растительную пищу, путешествовал ли он далеко от дома.

Следует иметь в виду, что сегодня повсеместно распространенное в зарубежной и, все чаще, в российской науке, понятие «биоархеология» не было неизменным, в него вкладывалось различное содержание.

Считается, что термин «биоархеология» возник независимо в Англии и США в 70-е гг. XX века. Первоначально под биоархеологией понималось изучение фаунистических комплексов, происходящих из археологических раскопок. Сегодня это слово включает дополнительные значения, подразумевая все биологические материалы, получаемые в результате археологических исследований. Окончательное значение термина устанавливается на наших глазах. Так, в научной школе Кембриджского университета биоархеология декларируется интегративной дисциплиной, объединяющей палеозоологию и палеоботанику. В Брэдфордском университете биоархеология соотносится с «реконструкцией человеческой активности, здоровья и болезней» на основе изучения человеческих останков. Соответственно, на базе этого университета преподается курс остеоархеологии человека.

В США термин «биоархеология» впервые прозвучал на 11-й ежегодной конференции Южного Антропологического Общества в 1976 г. Годом позже американский антрополог Джейн Байкстра (*Buikstra, 1977*) опубликовала работу, посвященную биокультурным аспектам археологического исследования. Программа биоархеологических исследований изначально была заявлена как междисциплинарная и включала рассмотрение таких тем как: 1) погребальный обряд и изучение социальной организации общества, 2) воссоздание ежедневной активности древних людей, 3) палеодемография, в том числе, оценка размеров и плотности населения, 4) миграции и генетические взаимосвязи, 5) питание и болезни.

Согласно определению в словаре Вебстера «New World Medical History», биоархеология – это «использование набора биологических методов применительно к археологическому материалу для того, чтобы больше узнать о древних популяциях» (*MedicineNet.com*).

В отечественной науке «биоархеологические» подходы существовали изначально. Но они терминологически не выделялись из совокупности собственно археологических, палеоантропологических, палеоботанических и палеозоологических работ. Попытка обозначить новую сферу интересов и представить новые методические возможности, открытые для антропологических исследований, была предпринята в 1998 г. с публикацией книги «Историческая экология человека. Методика палеоантропологических исследований». Ведь именно пластичность и консервативность костной системы человека, запечатлевающая последствия наиболее характерных прижизненных воздействий, лежит в основе методологии палеоэкологических и биоархеологических реконструкций разных аспектов жизнедеятельности палеопопуляций (*Историческая экология человека, 1998*).

Недавно международный коллектив авторов посвятил отдельное историографическое исследование развитию физической антропологии и биоархеологии в России от времен Петра Великого до современности (*Moiseyev, Buzhilova, Murphy, 2018*). Начиная с организации Кунсткамеры и Российской Академии Наук, в России возникает интерес к изучению и хранению останков людей, иногда живших в далеком прошлом. Уже в 1805 году, на 50-ю годовщину основания Московского университета глава кафедры анатомии И.В. Венсович дает четкое определение «физической антропологии», изучающей людей в их разнообразии, их физическое развитие, строение тела, морфологические и физические изменения при болезни. И он подчеркивает, что

физическая антропология не входит в медицину, поскольку цели у них разные. Зачатки «биоархеологического» подхода, связанного с интересом к воссозданию разных аспектов жизни людей, несомненно, видны уже в работах Д. Анучина конца XIX века.

В чем же принципиальное отличие «биоархеологии» от традиционной палеоантропологии?

Говоря словами профессора Мичиганского университета Линн Голдстейн (*Goldstein, 2006. С. 386*), «в физической антропологии существует подход, который фокусирует внимание на костях, игнорируя контекст обнаружения, историю и людей как таковых». Противоположный подход к анализу скелетных останков человека, и шире – любых биологических остатков, происходящих из раскопок, может быть назван сегодня «биоархеологией». Именно возможность не только оперировать абстрактными цифрами и понятиями, но интерес к конкретному историческому контексту скелетных находок и даже к конкретным людям привлекают в эту область все большее число исследователей.

Раскопки в Новоспасском монастыре открыли культурные слои, которые возникли в важный период отечественной истории. Какие предшествующие работы, освещающие повседневную жизнь людей благодаря разностороннему изучению антропологического источника, могут быть востребованы для понимания этого материала?

Так, ранее в фундаментальном труде А.П. Бужилова были всесторонне изучены антропологические аспекты колонизации Русского Севера (*Бужилова, 2005*). В частности, рассматривая вопрос о средневековых колонистах, автор обратила особое внимание на негативные факторы среды, отрицательно влиявшие на здоровье населения, прежде всего, его детской части. Это приводило к резкой задержке ростовых процессов у детей, у которых строительные белки, необходимые для гармоничного развития, затрачивались на преодоление стресса. О качестве диеты можно было судить, например, оценивая присутствие кариеса у этого населения. С учетом данных изучения археологического источника (*Макаров, 1994*), свидетельствующего о высоком экономическом уровне палеопопуляций Русского Севера, А.П. Бужилова приходит к выводу о важности социального фактора на фоне постепенной биологической адаптации населения, что проявилось в увеличении продолжительности его жизни.

Специальная публикация была посвящена изучению встречаемости индикаторов физиологического стресса, т.н. линий Гарриса на рентгенограммах большеберцовых костей у жителей г. Ярослав-

ля XIII, XVI, XVII вв. (Медникова, Энговатова, Тарасова, 2015). Линии Гарриса являются отражением временного прерывания ростовых процессов и неоднократно использовались как индикаторы эпизодического стресса у детей и подростков.

Эта работа стала возможной после раскопок экспедиции Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой, в ходе которой получен представительный антропологический материал. Во-первых, были изучены останки ярославцев, погибших при разорении города войсками Батыя в феврале 1238 г. Вторая и третья выборки происходят из раскопок кладбища при церкви Иоанна Златоуста XVI–XVII вв.

В домонгольскую эпоху (нач. XIII в.) по уровню стрессов Ярославль занимал промежуточное положение между сельским населением Русского Севера и Киевом. Наиболее благоприятные условия существовали в Ярославле XVI в. Население XIII и XVII вв. испытывало негативные воздействия чаще. В городской среде Ярославля на протяжении длительного периода доминировали гендерные различия, сказывавшиеся на большей подверженности стрессам девочек. В XVII в. резко возрастает встречаемость последствий стрессов у мужчин, что отражает их уязвимость перед лицом голода, войн и эпидемий. Вместе с тем, наши данные показывают, что на процесс роста в большей степени влияла социальная среда и культурные традиции, а не климатические изменения.

По данным историков медицины, население XV–XVII вв. испытывало постоянную угрозу смертельных болезней (Васильев, Сегал, 1960). Но, в отличие от пограничных Смоленска, Новгорода и Пскова внутренние регионы страны, включая Москву и Ярославль, долгое время избегали эпидемий, вплоть до страшного 1654 г. «Что касается до Московской области и пограничных с нею, здесь вообще воздух свежий и здоровый, здесь мало слышали об эпидемических заболеваниях и моровых поветриях... Следует поэтому весьма удивляться, что в нынешнем 1654 году во время Смоленской войны в Москве появилось поветрие и сильная чума» (Олеарий, 1906. С. 158).

XVII в. выделяется особо неблагоприятным стечением обстоятельств. Как подчеркивал Р. Г. Скрынников (1981, С. 26–27), начало века совпало с крупнейшим похолоданием в Европе за истекшее тысячелетие. В различных концах континента резко сократилась продолжительность теплых летних сезонов, наблюдались сильные морозы и обильные снегопады. Районы с наиболее суровым климатом пережили аграрную катастрофу. Два подряд неурожайных года, начиная с 1601, привели к полному истощению запасов продовольствия. Люди ели древесную

кору, траву, вылавливали кошек и собак. По свидетельству датских послов, в феврале 1603 г. у стен столицы рыли огромные братские могилы. За голодные годы только в Москве на трех таких кладбищах похоронили свыше 120 тысяч человек, в основном, неимущих. Страдания затрагивали и представителей социальной элиты.

На материалах представительной коллекции из раскопок кладбища Иоанна Предтечи в Ярославле было осуществлено комплексное археологическое исследование, позволившее сделать заключение об образе и качестве жизни людей в крупном русском городе XVI–XVII вв. (Медникова и др., 2013а, б). Нашей задачей было понять, как непростые обстоятельства того времени отражались на состоянии здоровья и уровне смертности горожан, в особенности, наиболее уязвимой части общества – детей и подростков. Например, мы обсудили специфику детской и взрослой смертности в данной группе; состояние здоровья и встречаемость заболеваний у детей и взрослых; оценили вероятность недоедания, витаминной недостаточности и голода; описали скелетные патологии, случаи травм, хронических бактериальных инфекций; охарактеризовали изменения уровня агрессивности общества.

Применяя методологию биоархеологического исследования и опираясь на независимый исторический источник, мы рассмотрели качество жизни тех, кто не мог принимать участия в военных действиях, но был затронут общим течением – женщин и детей. Изучая самую незащищенную часть населения, мы поняли, к каким глубинным последствиям для обычных людей приводила нестабильность общественной жизни, сопряженная с подготовкой к войне и участием в вооруженных конфликтах.

Интерпретируя результаты палеодемографического анализа, мы предположили, что тенденции XVI и XVIII вв. более типичны для нормальной популяционной структуры. Пик юношеской смертности у населения шестнадцатого века можно ассоциировать с практикой ранних браков, когда девочек отдавали замуж в двенадцать лет (Пушкарёва, 2012), и осложнений при родах. Впрочем, по нашим данным, смертность ярославских юношей в 15–19 лет превышает смертность девушек, соответственно, следует говорить об общей уязвимости этой возрастной категории в указанный период. Резкое хронологическое отличие в среде ярославского населения достигается благодаря высокому проценту детской смертности в XVII в., причем значительное число детей умирали в возрасте до одного года. Ожидаемая продолжительность жизни для новорожденных в семнадцатом веке заметно ниже,

чем столетием раньше. Наоборот, для тех, кто достиг пятнадцати лет, этот показатель больше, чем в XVI в. Установлено, что главной причиной младенческой смертности была цинга (болезнь Моллера-Барлоу), имевшая характер эпидемии. В выборке XVII в. среди детей описаны случаи врожденной бактериальной инфекции. Также обнаружены палеопатологические проявления инфицирования взрослой части населения. Среди взрослого населения XVII в. по сравнению с предыдущим веком наблюдается рост травматизма, зубочелюстных патологий. Выявленные тенденции рассматриваются в контексте политических обстоятельств и похолодания климата, ставших источником голода и войны. Эти результаты служат весомым дополнением к известным письменным источникам о распространении заболеваний в указанный период.

Отечественная научная традиция всегда придавала большое значение детальному изучению останков исторических лиц. В подобных экспертизах участвовали ведущие специалисты, например, археолог и антрополог, создатель метода антропологической реконструкции лица по черепу М. М. Герасимов или известнейший рентгенолог, диагност, основатель отечественной школы изучения болезней древних людей Д. Г. Рохлин. Выполненные ими высокопрофессиональные исследования останков Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Ивана Грозного, адмирала Ушакова и др. сохраняют значение до наших дней (Герасимов, 1949; Рохлин, 1965). Среди зарубежных работ, посвященных идентификации останков исторических лиц и тесно связанных с традициями советской антропологической школы, мы не можем не отметить обстоятельное исследование, посвященное поискам захоронения классика немецкой литературы Фридриха Шиллера (Ullrich, 2007). Г. Ульрих всесторонне изучил останки двух человек, которые могли быть соотнесены с Шиллером. Германский исследователь в полной мере использовал методику реконструкции лица по черепу, используя традиции школы Герасимова, а также морфологический и палеопатологический анализ. И все же, весьма важным в данном случае, оказалось применение палеогенетического метода.

Как отмечалось выше, сегодня арсенал методов археологии и антропологии расширился, стало доступным сложное оборудование, повысилась эффективность работы с фрагментарными материалами.

Мировой опыт в этой области обширен и постоянно возрастает, его инструментальный аппарат совершенствуется. Выделим только некоторые из современных, наиболее методически близких нашему проекту исследований останков исторических лиц, выполненных за последние годы.

Комплексные междисциплинарные исследования захоронений генерала А.П. Ермолова, его отца и сына, проведенные Институтом археологии РАН в Орле, наглядно иллюстрируют расширение источниковой базы современной российской археологии (*Энговатова и др.*, 2014).

Алексей Петрович Ермолов (24 мая (4 июня) 1777, Москва – 11 (23) апреля 1861, Москва) – военачальник и государственный деятель, участник большинства крупных войн Российской империи с 1790-х по 1820-е гг; главнокомандующий во время Кавказской войны. Был похоронен в особом приделе Троицко-Кладбищенской церкви. Рядом с ним покоятся его отец Пётр Алексеевич (1748–1832), сын генерал-майор Клавдий Алексеевич (1823–1895) и невестка Варвара Николаевна (1825–1897).

В декабре 2012 г. и июне 2013 г. отделом охранных раскопок Института археологии Российской Академии наук по просьбе Министерства культуры РФ были проведены работы с целью определения состояния погребений семьи Ермоловых и идентификации останков. Работа выполнялась в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

На всех этапах раскопок велась детальная фоторегистрация, на основании которой, в частности, методом фотограмметрии была выполнена трехмерная модель захоронений. Антропологический анализ останков включал как стандартные, так и более современные методы (трехмерное лазерное сканирование черепов, геометрическую морфометрию, радиологическую микроскопию и др.). Генетическое исследование было проведено в межинститутском секторе молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН (г. Новосибирск). Особо подчеркнем, что многие методические подходы, примененные в антропологической экспертизе, были предложены в процессе этого исследования впервые. Большинство из них мы взяли на вооружение в работе с материалами из Новоспасского монастыря.

В результате кропотливой работы в полевых условиях был определен археологический контекст захоронений и установлено, что на протяжении XIX века могилы Ермоловых были неоднократно потревожены. Антропологические исследования способствовали идентификации погребенных, кроме того, было оценено состояние их здоровья, степень и характер физической активности. Реконструирован внешний облик отца и сына генерала А.П. Ермолова, эти изображения соотнесены с прижизненными портретами. Методом геометрической морфометрии было проведено сопоставление результатов антропо-

логической реконструкции и известного портрета Дж. Доу, изображающего А.П. Ермолова. Установлено особое сходство отца и сына генерала А.П. Ермолова (т.е. дедушки и внука), ранее не заметное при рассмотрении прижизненных портретов. Палеогенетический анализ по всем проанализированным маркерам однозначно свидетельствует о прямом родстве между тремя индивидами по мужской линии. Кроме того, наличие в одном из образцов варианта гаплогруппы H2a1 подтверждает принадлежность останков Ермолову Клавдию Алексеевичу, поскольку это совпадает с историческими данными о происхождении его матери из Дагестана.

Ярким примером успешной комплексной идентификации останков известного исторического лица стало недавно опубликованное исследование останков английского короля Ричарда III (*The bones of a king...*, 2015). В кропотливом исследовании были объединены усилия историков, анализировавших письменные источники, а также криминалистов, биоархеологов и генетиков, исследовавших предполагаемые скелетные останки Ричарда.

Еще до того, как эти кости были очищены от почвы и помыты, они были отсканированы на компьютерном томографе с участием специалистов в области визуализации и судебных медиков. Сканируя весь скелет вскоре после раскопок, исследователи, предупреждая последующие разрушения, получили возможность работать с цифровыми копиями костей. Копии некоторых из этих костей затем были напечатаны на 3D принтере. После очистки скелет был отсканирован еще раз.

Последующая экспертиза была посвящена признакам, позволявшим судить о жизни этого человека, о его состоянии здоровья и причине смерти. Согласно стандартной процедуре, определялись пол, приблизительный возраст, параметры физического развития, следы хронических заболеваний, например, оценивалась вероятность заболевания туберкулезом, ведь еще Уильям Шекспир и многие его современники писали о том, что Ричард был горбат.

Поскольку были встречены многочисленные следы предсмертных ранений, несколько экспертов – остеолог и судебные медики – пристально занимались их изучением, попутно рассматривая оружие, которое могло быть использовано в битве при Босуорте в 1485 году. Кости были обследованы при нормальном освещении и в разных спектрах, позволивших распознать незаметные травмы. Так удалось обнаружить следы давно заживших ран, очевидно, полученных в других битвах, например, при Барнете в 1471 году. Несколько костей были отобраны для

микроскопического и микротомографического изучения. Для сравнения были использованы результаты обследования останков нескольких десятков человек, погибших в 1461 году в битве при Таутоне, преимущественно от меча. Итак, после сканирования с высоким разрешением этих материалов на скелете, который предстояло соотнести с фигурой Ричарда III, были идентифицированы последствия одиннадцати травм, причиненных разным оружием. Больше всего ранений было обнаружено на черепе, это означает, что погибший король сражался без шлема.

Однако не менее впечатляющими стали результаты исследования состояния здоровья Ричарда на протяжении всей его жизни. Для того чтобы оценить степень искривления его позвоночника, работали с трехмерными пластиковыми моделями позвонков, напечатанными на принтере. Установление причин сколиоза производилось опытным ортопедом Пьером Митчеллом. Было установлено, что сколиоз стал развиваться только после 10 лет. Даже сильная сутулость не мешала Ричарду быть физически активным и сражаться в битвах. Особый интерес представляет предпринятое исследование изотопов стронция в зубной эмали. Оно подтвердило, что в возрасте около трех лет ребенок рос в Восточной Англии, но около семи лет переехал в западную часть страны. Эти данные полностью совпали с письменными источниками о рождении Ричарда в нортгемптонширском Фотерингее и о дальнейшем переезде в замок Ладлоу в Уэльсе. Исследование изотопов углерода и азота, характеризующих питание, позволило установить, что именно в момент переезда на запад рацион мальчика ухудшился, он стал получать меньше высокопротеиновой пищи, но затем ситуация выправилась, окончательно стабилизировавшись в 14 лет. Наконец, изотопное исследование слоев костной ткани из ребра, сформировавшихся на протяжении последнего года, предшествовавшего гибели, показало резкое изменение качества жизни благодаря питанию очень высокостатусной едой, по всей видимости, характерной для королевского стола. Исследователи считают, что это были пресноводная рыба, дичь и кабаны.

Важнейшую составную часть исследования представило изучение ДНК. Хотя единственный сын Ричарда III и Анны Невил умер ребенком и, соответственно, прямых потомков у короля не осталось, даже спустя столетия удалось найти ныне живущих представителей английской аристократии, являющихся потомками Джона Гонга и Эдуарда III – предков Ричарда. И исследование митохондриальной ДНК,

и анализ Y хромосомы подтвердили родственные связи обладателя «скелета № 1» с потомками герцога Бофорта. Генетическое исследование, кроме того, помогло уточнить особенности внешности Ричарда III: у него были синие глаза и, по крайней мере, в детстве, светлые волосы. Предложенная специалистами трехмерная реконструкция его внешности, во многом, совпала с прижизненными изображениями короля.

Техническое развитие аналитических методов в последние годы диктует необходимость максимально полного сбора человеческих останков в процессе археологических раскопок. Так, любой элемент костной или зубной системы может стать объектом радиологического изучения, необходимого для рассмотрения внутренней структуры объектов (Медникова, 1998а, 2016). Кроме того, радиологическое изучение применимо к образцам стекла, керамики, изделиям из кожи и, в исключительных случаях, при наличии высокотехнологичного мощного оборудования – к металлическим изделиям. Примечательно, что в нашей работе с материалами из раскопок Новоспасского монастыря многие приборы и аддитивные технологии имели двойное назначение и были использованы и для анализа человеческих останков, и для технологической экспертизы найденных артефактов. Это, прежде всего, радиологический микроскоп XRADIA, РФА анализатор Orbis Edax, конфокальный флуоресцентный микроскоп CorrSight, лазерный сканер NextEngine, установка для микрофокусной рентгенографии ПРДУ производства компании Элтехмед (Санкт Петербург). Оптическое считывание рентгеновской информации с электронной матрицы производилось при помощи лазерного сканера HD-CD 35 NDT/CR 35 NTD.

Комплексная программа биоархеологических исследований, использованная нами в работе с материалами из раскопок Новоспасского монастыря в 2014 году, включала следующие позиции:

- 1) Оценку степени сохранности человеческих останков,
- 2) Многофакторную поло-возрастную диагностику на основании признаков черепа (состояние швов, зубной системы), посткраниального скелета,
- 3) Измерения черепов по стандартной программе (55 признаков при полной сохранности),
- 4) Измерения костей скелета (77 признаков при полной сохранности),
- 5) Определение длины тела с использованием спектра методов,
- 6) Определение наличия индикаторов физиологического стресса,
- 7) Описание и дифференциальную диагностику палеопатологий,

8) Радиологические исследования. Для этой цели мы использовали современную цифровую микрофокусную рентгенографию, позволяющую получать качественное увеличенное изображение, и микротомографию.

9) Гистологические исследования (определение гистологического возраста, темпов роста или старения). Для оценки возрастного статуса женщины, погребенной под плитой 1, был использован оригинальный метод неинвазивной радиологической микроскопии.

10) Изучение специфики прижизненной двигательной активности и возможных последствий профессиональной деятельности (для взрослых).

11) Детские (точнее, ювенильные) останки изучались по особой программе, включающей диагностику возраста, измерения, цифровую рентгенографию, диагностику патологий, включая инфекции, витаминную недостаточность и др.

12) Изучение изотопного состава костной ткани и реконструкцию системы питания.

13) Применение современных методов визуализации и сравнения геометрической формы объектов (методы лазерного сканирования, фотограмметрии, геометрической морфометрии). Последний метод ранее успешно применялся нами для оценки степени биологического родства погребенных.

14) Изучение мобильности представителей средневекового населения путем определения сигналов изотопов стронция в зубной ткани погребенных и их соотнесения с контрольными образцами.

15) Реконструкцию внешности погребенных (метод М. М. Герасимова, модифицированный Г. В. Лебединской и С. А. Никитиным).

16) Палеогенетическое исследование. В рамках данной работы акцент исследования был сделан на изучении митохондриальной ДНК, позволяющем определить возможное родство погребенных по материнской линии.

Предварительные результаты антропологического исследования, выполненного при вскрытии саркофагов Знаменской церкви в 2014 году

М. Б. Медникова (ИА РАН),

А. В. Рассказова (Институт этнологии и антропологии РАН)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.67-69>

Ниже приводятся результаты первичных наблюдений о сохранности и поло-возрастной принадлежности погребенных в склепах Новоспасского монастыря, полученные в момент вскрытия захоронений. Присутствие антропологов на раскопках оказалось очень важным элементом исследования, поскольку при изменении режима температуры и влажности большинство останков подверглось быстрому разрушению. Некоторые определения, сделанные *in situ*, при последовавшем рассмотрении в лабораторных условиях были уточнены. Однако, учитывая скорость разрушения костных материалов, а также то обстоятельство, что детские захоронения были представлены преимущественно тленом, мы считаем своим долгом привести эти описания.

Первоначально нами были обследованы погребения маленьких детей в каменных саркофагах. Останки сохранились очень плохо, поэтому для определения биологического возраста покойных мы ограничились определением возможной длины тела *in situ* и соотношением размеров саркофагов с известными стандартами физического развития детей (Медникова, 2017).

Судя по нашим определениям, в саркофаге № 1 (погребение 2) был захоронен самый маленький ребенок, умерший в 5–7 месяцев от рождения; в саркофаге 2, погребение 3 – ребенок 9–12 месяцев. В саркофаге 4 (погребение 1) был захоронен ребенок 1,5–2 лет. Судя по надписи на крышке саркофага, это была маленькая княжна Евдокия Черкасская (образец ее волос был отобран нами для палеогенетической и изотопной экспертизы).

Склеп № 3. Вскрыт 23.12.14.**Сохранность останков:**

Череп, нижняя челюсть, парные плечевые, разрушенные кости предплечья, парные бедренные, больше- и малоберцовые, надколенники, кости стопы, разрушенные ребра, грудина, парные тазовые кости, позвонки верхних отделов.

Идентификация возраста и пола:

Угол нижней челюсти сглаженный, «женский». Сосцевидные отростки грацильны.

Зубы не стерты, за исключением резцов нижней челюсти. Третьи моляры не вышли.

Венечный, стреловидный, лямбдовидный швы черепа не облитерированы.

Верхние эпифизы плечевых костей не приросли, эпифизы ключиц не приросли.

Пол: мужской. Возраст: 15–19 лет.

Патологические проявления и морфологические особенности:

Присутствует пришеечный зубной камень, кариес, замечена множественная эмалевая гипоплазия, отражающая физиологические стрессы, в 3–4,5 года.

На передней поверхности шейки обеих бедренных костей в области, прилегающей к головке – обширная зона поротизация; на черепе – шиловидные отростки. Резцы лопатообразной формы.

В ходе первичного обследования были сделаны наблюдения о степени массивности трубчатых костей, о развитии костно-мышечного рельефа возможной специфике прижизненной активности погребенного.

Захоронение № 5. Погребение вскрыто 25.12.14.**Сохранность останков:**

Череп, нижняя челюсть, парные плечевые, кости предплечья, ребра, тазовые кости (кости ног остались под кладкой, *in situ* осмотрены головки бедренных костей), кости кисти, рукоятка грудины. Разрушенные позвонки всех отделов.

Определения пола и возраста:

По степени развития надбровья, размерам сосцевидных отростков пол **мужской**. По степени облитерации швов черепа возраст **maturus 1 (40–49 лет)**.

Патологические проявления:

Прижизненная утрата симметричных моляров нижней челюсти, утрачены премоляр, клык справа с облитерацией альвеолярного отростка. Пришеечный зубной камень. Эмалевая гипоплазия на нижнем резце отражает физиологический стресс, перенесенный примерно в 3 года. Выражена парадонтопатия. Верхнее небо с признаками хронического воспалительного процесса (одонтогенный остеомиелит).

Кариес, следы анемии (*cribra orbitalia*), травмы на черепе отсутствуют. Максимально развит рельеф парных плечевых костей, лучевых костей. Реконструируется симметричная физическая нагрузка на пояс верхних конечностей. На сочленовной поверхности головок плечевой и лучевой костей – начальная стадия дегенеративно-дистрофических изменений.

Узлы Шморля на телах позвонков не выражены, т.е. прижизненная элеваторная нагрузка не была значительной. Имеется возрастная деформация тела одного из шейных позвонков, остеофитоз в грудном отделе.

Длина правой плечевой кости – 312 мм, наибольший диаметр диафиза – 24 мм, наименьший – 20 мм, ширина верхнего эпифиза – 48 мм, головка плеча округлой формы с диаметром 45 мм. Таким образом, скелет характеризуется средними размерами. Реконструированная длина тела (по формуле Троттер, Глезер для европеоидов) составила 168 мм.

Плита № 1. «Марфа». Вскрыта 25.12.14.

В заполнении склепа обнаружены и предварительно осмотрены останки нескольких индивидуумов, разной степени фрагментации, в отношении которых потребовалось проведение подробных лабораторных исследований, по результатам которых был уточнен возрастной статус погребенных. По предварительной оценке, под плитой 1 были захоронены:

Мужчина. Биологический возраст около 40 лет.

Мужчина. Maturus 1.

Женщина. Adultus 2-Maturus 1

Мужчина. 30–39 лет.

Мужчина. 25–29 лет.

Комплексный анализ женских останков под плитой № 1

М. Б. Медникова (ИА РАН)

А. В. Рассказова (Институт этнологии и антропологии РАН)

А. А. Тарасова (ИА РАН)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.70-80>

Предпринятое обследование скелетных останков ставило целью идентификацию биологического возраста погребенной, а также реконструкцию образа и качества жизни по данным антропологии, оценку выраженности палеопатологических проявлений и следов наиболее типичной двигательной активности, запечатленных скелетной системой.

Помимо традиционных описательных и измерительных методов (*Историческая экология человека*, 1998; *Алексеев*, 1966; *Standards for data collection...*, 1994 и др.), применялось специальное аналитическое оборудование.

Использована микрофокусная цифровая рентгенография – современный высокотехнологичный радиологический метод, позволяющий исследовать внутреннюю структуру объектов на высококонтрастных цифровых изображениях с увеличением и без потери качества. Съемки скелетированных останков производились в Институте археологии РАН на оборудовании ПРДУ производства компании Элтехмед. При оценке биологического возраста помимо макроскопических стандартных методик применена неинвазивная микроанатомия (Xradia Versa XRM-500). С ее помощью изучено гистологическое строение дорзальной стенки бедренной кости в середине диафиза. Определена степень остеонизации и соответствие современным анатомическим (возрастным) стандартам.

Производился изотопный анализ диеты. Он выполнен в группе изотопных исследований ИИМК РАН под руководством Г. И. Зайцевой.

На поверхности женского черепа обнаружено изменение естественного цвета, предположительно в результате взаимодействия с приле-

гавшим головным убором. Это послужило причиной для проведения рентгенофлуоресцентного анализа. Использован РФА спектрометр EDAX Orbis PC Micro-XRF Analyzer, позволяющий осуществлять неdestructивное экспресс-определение элементного состава от Na до U с пространственным разрешением от 10 мкм без предварительной пробоподготовки. Дополнительно, для оценки наличия элементов «легкой» части спектра применялась растровая электронная микроскопия непосредственно в точке интенсивного окраса костной поверхности (сканирующий электронный микроскоп фирмы FEI).

Сохранность останков

Лицевая часть черепа не сохранилась (Рис. 51). Представлена верхняя часть свода черепа (парные теменные и часть лобной кости), центральная часть нижней челюсти. В альвеолярном сочленении имеются все зубы за исключением двух левых нижних резцов и правого первого нижнего резца. В заполнении были обнаружены 2 нижних резца и левый нижний моляр. Представлены также правая плечевая кость без дистального эпифиза, мелкие трубчатые кости правой кисти, левая локтевая кость (дистальный эпифиз разрушен; сохранилось разделение суставной поверхности локтевой кости на две фасетки, что обычно соответствует более раннему возрасту *adultus* 1). Сохранились фрагмент левой лопатки с областью *cavitas glenoidalis*, 5 правых и 1 левое ребро, позвонки всех отделов (19 штук), рукоятка и тело грудины, первые два сегмента крестца, разрушенные парные тазовые кости, парные длинные кости нижних конечностей (целые правая бедренная и левая большеберцовая кости). Остальные кости разрушены, из костей стопы имеются парные пяточные, таранные, медиальные клиновидные и кубовидные кости.

Возрастные и патологические изменения. Обследованы все зубы нижней челюсти. Жевательная поверхность коронок почти не стерта (Рис. 53). Наблюдается сильное развитие пришеечного зубного камня (может быть связано с частым питанием мягкой вязкой пищей) (Рис. 54). Кариеса нет. На передних зубах эмалевая гипоплазия не фиксируется. На буккальной поверхности правого второго нижнего моляра имеются 2 горизонтальные линии в середине коронки. Наличие этих линий свидетельствует о негативных эпизодах периода первого детства, способствовавших развитию физиологических стрессов и кратковременной остановке роста в возрасте около 3 лет. На нижней челюсти, кроме

упомянутых выше отложений зубного камня, отчетливо выражены проявления парадонтопатии (Рис. 55).

Позвонки шейного отдела несут следы начальных возрастных изменений (заострены края позвонков, имеется начальный остеохондроз) (Рис. 57). На теле четвертого или пятого позвонка грудного отдела наблюдается начальный остеофитоз. Фиксируется деформация тела поясничного позвонка (травма?).

Поражения суставов имеются, но затрагивают отделы посткраниального скелета неравномерно. Суставная впадина лопатки без возрастных или патологических деформаций. Грудина и тазовые кости без патологий. Головки обеих бедренных костей без изменений (Рис. 58), но суставные поверхности дистальных эпифизов обнаруживают сильные краевые разрастания, несомненно, затруднявшие движения в коленных суставах, особенно слева (Рис. 56, 57).

Суставные поверхности проксимальных эпифизов большеберцовых костей тоже демонстрируют сильные дегенеративно-дистрофические изменения в виде краевых разрастаний, достигающих максимальной выраженности по трехбалльной шкале. При этом суставные поверхности нижних эпифизов в норме.

Развитие костного рельефа и локализация энтесопатий, обычно интерпретируемых как сумма привычных микротравм, позволяют прояснить некоторые особенности физической активности, типичной для этой женщины. Так, на правой плечевой кости сильно развит малый бугорок (Рис. 59), остальные элементы рельефа сформированы умеренно. Напротив, все элементы рельефа левой локтевой были развиты максимально, а на задней поверхности олекранона частично оссифицирована связка (Рис. 60). Это означает повышенную функциональную нагрузку на предплечье левой руки, например, вследствие занятий рукоделием.

Рельеф правой бедренной кости развит умеренно, но акцентирована межвертельная линия. Признак можно было бы связать с привычной верховой ездой, но это предположение находит слабый отклик в реалиях женской активности XVI–XVII вв. Скорее, признак сформирован под воздействием сходной типичной позы, например, «сидение за прялкой» (см. ниже). Рельеф костей голени развит слабо.

Данные к определению биологического возраста

В отличие от паспортного возраста, понятие биологического возраста отражает фактическое состояние организма. В рассматриваемом

случае вопрос решается не так однозначно, если обратиться к разным системам признаков. Итак, степень облитерации черепных швов, наличие дегенеративно-дистрофических изменений поверхностей, входивших в коленный сустав, симптомы остеохондроза в шейном и грудном отделах позвоночника говорят в пользу принадлежности старшей возрастной когорте (*maturus 1* или 40–49 лет). Но, например, скопление крупных питательных отверстий в проксимальных метафизах большеберцовых соответствуют более раннему возрасту. Также обращают на себя внимание отсутствие возрастных изменений в большинстве других крупных суставов, а также хорошее состояние зубной системы: слабая для предполагаемого возраста стертость зубных коронок, отсутствие прижизненной утраты зубов (по крайней мере, на нижней челюсти), отсутствие кариеса. Заметим, что для синхронного женского населения в г. Ярославле ранее было прослежено некоторое увеличение частоты встречаемости зубочелюстных патологий от 14,7% в XVI в. до 18,1% в XVII в. (*Медникова и др.*, 2013. С. 166), это тенденция эпохи. Хорошее состояние зубной системы у погребенной в Новоспасском монастыре отражает либо ее молодой возраст, в чем есть обоснованные сомнения, либо высокий социальный статус и хороший иммунитет.

При помощи нового метода радиологической (рентгеновской) микроскопии в рамках нашего исследования была отсканирована центральная часть диафиза бедренной кости. На изображении поперечного сечения, полученном при съемке в режиме микротомографии, можно видеть, что стенки диафиза плотные, достаточно массивные, структура костной ткани не соответствует картине далеко зашедших возрастных изменений (Рис. 61). Для дополнительной характеристики биологического возраста был рассмотрен виртуальный срез через дорзальную стенку в середине бедренной кости с большим увеличением (Рис. 62). Благодаря разработкам голландских анатомов и палеопатологов существуют стандарты, позволяющие оценивать состояние костной системы путем сравнения с препаратами современных людей с известным паспортным возрастом (*Maat, Aerents, Nagelkerke*, 2005). Как можно видеть по этим документированным данным, примерно с 40 лет начинается активная резорбция и перестройка компакты в перимедулярной области. В 51 год обширные очаги резорбции наблюдаются даже в периферической области (практически целиком остеонизированной) и в толщине компактного слоя. Картина, полученная для женщины из Новоспасского монастыря, соответствует, с учетом возможных индивидуальных вариаций, промежутку 40–51 год.

Особенности скелетной конституции

Скелет характеризуется крайней миниатюрностью, грацильностью эпифизов, узкими диафизами (табл. 1).

Длина тела этой женщины была невелика, даже по меркам шестнадцатого или семнадцатого столетия.

С использованием уравнения регрессии для средневекового польского населения длина тела составляет 145,16 см (*Vercellotti et al.*, 2009. P. 139).

Реконструированная длина тела по Манувриэ составила 146 см, по Телкя – 149 см, по формуле Троттер, Глезер для европеоидов – 147 см (бедренная кость) и 150,5 см (большеберцовая) (*Алексеев*, 1966). Последний результат отчетливо свидетельствует об относительном удлинении костей голени.

В таких случаях используется формула Троттер, Глезер для негроидов, что дает определение в данном случае 147 см по длине большеберцовой и 146 см – для бедренной. Примечательно, что последнее определение совпадает с результатом определения по методу Верчелотти и соавторов, что может указывать на его большую достоверность.

Результаты рентгенографического исследования

Правая большеберцовая (передне-задняя проекция, режим съемки 40 мкА, 3 сек). Признаков остеопороза на рентгенограмме не обнаружено. В дистальном метафизе зарегистрированы 7–8 линий Гарриса разной степени резорбции (Рис. 63). На рентгенограмме центральной части диафиза, выполненной с увеличением в боковой проекции, фиксируется две размытые линии склеротизации, вероятно, являющиеся следами перенесенного в детстве рахита. Аналогичные зоны можно видеть на рентгеновском снимке центральной части диафиза правой плечевой кости. Макроскопически в середине диафиза фиксируется периостит, возможно, связанный с венозным застоем (Рис. 64).

Левая большеберцовая (передне-задняя проекция, режим съемки 40 мкА, 3 сек). Признаков остеопороза нет. В дистальном метафизе регистрируются 14 линий Гарриса. В центральной части диафиза фиксируется периостальная реакция.

Левая большеберцовая (боковая проекция, 40 мкА, 3 сек). В центральной части диафиза хорошо видны 2 линии резорбции (дифференциальная диагностика: рахит или резорбированные линии Гарриса) и отчетливые следы периостита.

Таблица 1

Морфометрическая характеристика элементов посткраниального скелета.

Признак (номера признаков по Мартину, (Алексеев, 1966))	Правая	Левая
<i>Плечевая кость</i>		
3. Ширина верхнего эпифиза	43	-
5. Наибольший диаметр середины	18,5	-
6. Наименьший диаметр середины	14	-
7. Наименьшая окружность диафиза	50	-
7а. Окружность середины диафиза	54	-
Диаметр головки поперечный	33,5	-
Диаметр головки вертикальный	39	-
Окружность головки	120	-
<i>Локтевая кость</i>		
13. Верхний поперечный диаметр	20	-
14. Верхний сагиттальный диаметр	20	-
<i>Бедренная кость</i>		
1. Наибольшая длина	378	-
2. Длина в естественном положении	376	-
21. Мышечковая ширина	66	-
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	23	23
7. Поперечный диаметр середины диафиза	24	23
8. Окружность головки	120	-
9. Верхний поперечный диаметр	25	-
10. Верхний сагиттальный диаметр	24	-
8. Окружность середины	76	-
Диаметр головки вертикальный	37	-
Диаметр головки поперечный	37	-
<i>Большеберцовая</i>		
1. Полная длина	307	303
1а. Наибольшая длина	314	315
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	64	-
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	41	40
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	24	25
9. Поперечный диаметр середины диафиза	18	18
8а. Сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	26	27
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	19	18
10. Окружность середины диафиза	68	70
10в. Наименьшая окружность	60	60
<i>Крестец</i>		
5. Ширина	108	

Реконструкция системы питания

В последние годы изучение изотопного состава костной и зубной ткани человека и животных послужило важным источником для реконструкции образа и качества жизни представителей палеопопуляций. Широкомасштабные исследования, выполнявшиеся в Институте археологии РАН, способствовали накоплению обширных данных о питании средневековых горожан древней Руси, а также об изменениях пищевых традиций в более позднее время (*Энговатова и др.*, 2013; 2015а, б).

В рамках нашей работы получены индивидуальные значения дельта углерода и азота: $\delta^{13}\text{C}, \text{‰} -19,3$, $\delta^{15}\text{N}, \text{‰} 15,2$. Данные свидетельствуют о высокопротеиновой диете, типичной для женщины из каменного саркофага Новоспасского монастыря. Это согласуется с результатами, полученными нашими коллегами о стабильно высоком мясомолочном компоненте в рационе питания представителей привилегированного сословия.

Рентгенофлуоресцентный анализ поверхности лобной кости помимо завышенных структурных элементов костной ткани (фосфор и кальций) выявил повышенный сигнал цинка. Возможно, это следы многократного применения косметики того времени – цинковых белил (Рис. 65). Впрочем, нам бы хотелось отметить, что к интерпретации таких анализов следует подходить с большой осторожностью, принимая во внимание возможность посмертной контаминации.

Обсуждение

Учитывая место захоронения, можно предполагать высокий социальный статус покойных. Исследуемый материал затрагивает сложный период в российской истории – XVI–XVII вв. Об этом, прежде всего, убедительно свидетельствует рассмотрение волосника – женского головного убора, обнаруженного под плитой 1. Многофакторная экспертиза скелета найденного в ассоциации с этим артефактом, показала его принадлежность женщине 40–50 лет.

Проведенное обследование позволяет понять, как непростые обстоятельства того времени отражались на качестве жизни представителей влиятельного боярского рода в XVI–XVII вв. О высоком статусе погребенной говорит хорошее, для этого возраста, состояние зубной системы; результаты изотопного анализа диеты, свидетельствующие о полноценном питании мясными и молочными продуктами; отсут-

ствии дегенеративно-дистрофических изменений в большинстве крупных суставов (за исключением коленного).

Обращает на себя внимание очень низкая длина тела этой женщины, которая, по предварительным оценкам, может быть на 5–10 см ниже современных ей значений.

Для сравнения могут быть использованы данные о другой представительнице привилегированной боярской семьи, погребенной в середине XVII в. у Духовской церкви в Троице-Сергиевой лавре (склеп 7). Ее длина тела, по разным оценкам, варьировала от 151 до 154 см (*Энговатова и др.*, 2016).

Результаты остеометрического исследования женского скелета из раскопок Новоспасского монастыря, безусловно, следует сопоставить с данными, полученными после исследования останков царицы Анастасии Романовой, скончавшейся в 1560 г. (*Васильев, Боруцкая, Халдеева*, 2018а). Скелет молодой царицы, погребенной, когда, судя по антропологическим определениям, ее биологический возраст соответствовал примерно 25 годам, авторы данного исследования совершенно справедливо характеризуют как грацильный. Но, по сравнению с Анастасией Романовой, женщина, упокоившаяся в Новоспасском монастыре, была значительно более миниатюрной. Длина тела царицы, определенная авторами исследования по формулам Пирсона и Ли, Дюпертюи, Хэддена, Бунака составила около 157,8 см. Мы использовали опубликованные нашими коллегами измерения посткраниального скелета Анастасии для реконструкции длины тела по формуле Верчелотти, с тем, чтобы получить данные для прямого сопоставления с женским скелетом под плитой с именем Марфы Черкасской. Поскольку продольные размеры правой и левой бедренной кости у Анастасии демонстрируют довольно заметную асимметрию, наши определения длины тела по правой и левой стороне варьируют в пределах 156,68–159,61 см, что очень близко к значениям реконструированной длины тела, полученной по другим формулам. Таким образом, Анастасия Романова была не менее, чем на десять сантиметров выше, по сравнению со своей возможной родственницей (родной племянницей), погребенной в «Палатке Никитичей».

Кстати, авторы обращают внимание на слабое развитие мышечного рельефа костей рук Анастасии, что может быть связано, в том числе, с ее молодым возрастом. Однако они отметили сильнейшее развитие межвертельной линии, к которой прикреплялась подвздошно-бедренная связка. Также описана сильно выраженная ягодичная шероховатость.

Эти признаки исследователи интерпретировали как свидетельства тренированности в ходьбе или беге (там же. С. 253). Обратим внимание еще на одну важную деталь, упомянутую авторами: «Увеличена васкуляризация нижнего края костей, но это нельзя посчитать остеопорозом... имеется локальный остеопороз на шейке бедренных костей спереди» (там же. С. 256). Приводимые наблюдения очень ценны, но они могут вкуче иметь совсем другую интерпретацию.

Так, судя по локализации «остеопороза» на передней поверхности шейки бедренных костей, речь может идти о состоянии, известном как *cribra femoris*, этиология которого весьма обширна и включает анемию, туберкулез или даже биомеханический стресс (Медникова, 2017). Ранее, исследуя структурные адаптации скелета человека к привычной верховой езде, А.П. Бужилова (2008) предложила ряд диагностических признаков, формирующихся вследствие привычной посадки на лошади. В частности, она обратила внимание на развитие рельефа в области ягодичных мышц, а также, в ряде случаев, на развитие межвертельной линии. Мы уже отметили выше сильное развитие межвертельной линии у женщины из Новоспасского монастыря, сходное с аналогичным признаком у Анастасии Романовой. Акцентированное развитие этого элемента костного рельефа, по нашему убеждению, может вызвано активным прижизненным воздействием на подвздошно-поясничную мышцу, прикрепляющуюся к малому вертелу бедра (Медникова, 1998б). Подвздошно-поясничная мышца сгибает бедро в тазобедренном суставе, при фиксированной нижней конечности, она наклоняет туловище вперед. Легко представить женщину, занятую рукоделием, например, сидящую в привычной позе за прялкой или с шитьем, со слегка разведенными коленями.

Весьма примечательно описание скелета старицы Анастасии, в миру Ульянии Кошкиной-Захарьиной, выполненное теми же авторами (Васильев, Боруцкая, Халдеева, 2018б). Ульяния была родной матерью царицы Анастасии Романовой, то есть женой родного дяди Марфы Никитичны Романовой (Черкасской) боярина «Юрьевича Захарьина» и первой тещей Ивана Грозного. Обратим внимание, что исследователи ее останков отметили «значительный гиперостоз края ямки головки бедренных костей, гиперостоз на больших вертелах» (там же, с. 204), «слишком хорошее развитие межвертельной линии» (там же, с. 219), «остеопороз на шейках и порозистый гиперостоз», «валикообразное вздутие в ягодичных шероховатостях сверху» (там же, с. 222). На наш взгляд, отмеченные признаки, достигающие, по-видимому, сте-

пени максимальной гипертрофии у этой, пожилой, на момент смерти женщины находят прямые аналогии с особенностями скелетов Анастасии Романовой и женщины, погребенной под плитой с эпитафией Марфы Романовой. Такая повторяемость сходных черт у женщин, не всегда связанных биологическим родством (Марфа и Ульяния не были кровными родственницами), укрепляют нас в предположении, что этот комплекс черт был вызван функциональными причинами, а именно ежедневными статическими нагрузками на скелетную систему этих представительниц социальной элиты Московской Руси.

Исторический контекст XVI века свидетельствует о том, что женщинам, принадлежавшим родовитым семьям, редко было позволено покидать свои покои (Пушкарева, 2012), тем более, вряд ли они были привычны к верховой езде. Однако некоторые особенности повседневной жизни могли провоцировать появление на скелете сходных особенностей – а именно, крупные питательные отверстия в местах прикрепления мышц, подвергавшихся повышенным нагрузкам и локально гипертрофированный костный рельеф. Статические физические нагрузки могли оказывать на скелет весьма заметное формообразующее воздействие.

Любопытные данные были получены ранее при обследовании новгородского населения: длина тела мужчин шестнадцатого века – максимальная среди всех периодов, но при этом женщины – самые низкорослые (Евтеев, Олейников, 2015. С. 148). Причины этого явления пока еще ждут своего объяснения, но, возможно, это была достаточно глобальная тенденция для русского городского населения. Тогда низкорослость женщины из Новоспасского собора, скорее, свидетельствует о ее рождении и формировании в шестнадцатом столетии.

На продольные размеры тела оказывают влияние как генетические, так и внешние факторы. В исследуемом случае критерием для оценки степени неблагоприятного воздействия в детстве послужило рентгенографическое исследование.

Микрофокусная рентгенография женского скелета из Новоспасского выявила большое количество линий Гарриса в метафизарных частях бедренных и большеберцовых костей. Количество физиологических стрессов, перенесенных на протяжении периода роста и запечатленных в структуре трубчатых костей, доходит до 14. Это очень большое число негативных эпизодов, по нашим данным, только 4,1 процента женщин шестнадцатого столетия демонстрируют подобные показатели (Медникова, Энговатова, Тарасова, 2015). На примере населения г. Ярославля XVI–XVII вв. нами уже обсуждались гендерные различия

в питании, возможно, приводившие к остановкам роста у девочек. Например, обращалось внимание, что несмотря на упоминание четырех трапез в церковных инструкциях XVI в. (завтрак, обед, полдник и ужин), в допетровской Руси женщины, по-видимому, ели не более двух раз в день (Пушкарева, 2012. С. 45). В среде московской аристократии, к которой, очевидно, принадлежала погребенная в Новоспасском монастыре, и в царской семье XVI–XVII вв. женщины не садились за стол с мужчинами, ели на своей половине отдельно. Принятые культурные нормы ограничивали прием пищи, даже в периоды ее относительного изобилия, и женская часть населения обычно находилась в более стесненных условиях. Кроме того, не исключено, что обнаруженные нами следы прерывания роста связаны с тщательным соблюдением постов. Вместе с тем, изотопный анализ показал приверженность погребенной «высокостатусному» питанию. Возможно, дополнительные анализы материалов этой эпохи, позволят разрешить это противоречие.

Комплексный анализ останков подростка в саркофаге № 3

М. Б. Медникова (ИА РАН),

А. В. Рассказова (Институт этнологии и антропологии РАН),

А. А. Тарасова (ИА РАН)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.81-85>

Обратимся к результатам лабораторного исследования останков ювенильного индивидуума из саркофага 3.

Методы. Кроме традиционных описательных и измерительных методов изучения останков человека (*Историческая экология человека*, 1998; *Алексеев*, 1966; *Standards for data collection...*, 1994 и др.), применялось специальное аналитическое оборудование.

Вновь была использована микрофокусная цифровая рентгенография, позволившая исследовать внутреннюю структуру объектов на высококонтрастных цифровых изображениях с увеличением и без потери качества. Съемки производились в Институте археологии РАН на оборудовании ПРДУ производства компании Элтехмед. Производился изотопный анализ диеты (образцом послужил первый моляр верхней челюсти). Анализ выполнен в группе изотопных исследований ИИМК РАН под руководством Г. И. Зайцевой.

С помощью лазерного сканера NextEngine была получена трехмерная цифровая модель черепа погребенного. Для представления визуальной информации по черепу была сделана графическая реконструкция в фас и в профиль (Рис. 66а–е). Реконструкции были выполнены по стандартной методике: на основе обвода черепа, выполненного с помощью диоптрографа, построен контур лица. Реконструкция профиля носа сделана по методике Г. В. Лебединской (*Лебединская*, 1998. С. 103), дополненной С. А. Никитиным (*Никитин*, 2009. С. 153), также использовались стандарты толщины мягких тканей, полученные с применением ультразвука на живых людях (*Веселовская*, 1997. С. 321). Кроме того, были проведены краниологические измерения.

Помимо стандартных краниологических измерений (Алексеев, Дебец, 1964) проведены дополнительные, необходимые для реконструкции лица. Морфологическая высота лица – расстояние от супраорбитале до точки гнатион, высота носа от супраорбитале до субспинале и ширина между клыковыми точками (ШМК).

С помощью программы кранио-фациального соответствия (Balueva et al., 2009; Веселовская, Балужева, 2012) были реконструированы размеры и составлено описание лица в терминах антропометрии.

Сохранность останков. Обследованы череп, нижняя челюсть, парные плечевые, разрушенные кости предплечья, парные бедренные, больше- и малоберцовые, надколенники, кости стопы, разрушенные ребра, грудина, парные тазовые кости, позвонки верхних отделов.

Кости свода черепа и посткраниального скелета были рыхлыми, хрупкими и крошились. Череп был частично разрушен, и, после вскрытия погребения от перепада влажности продолжал стремительно разрушаться. Поэтому нами была выполнена его трехмерная цифровая модель (Рис. 67). Отсутствует правая скуловая кость и правая ветвь нижней челюсти, разрушена часть лобной кости слева, со стороны венечного шва; чешуя правой височной кости и часть правой теменной кости со стороны лямбдовидного шва, поэтому часть измерений из краниологической программы провести не удалось.

Определение пола и возраста погребенного. Угол нижней челюсти сглаженный, почти «женский». Сосцевидные отростки грацильны. Зубы не стерты, за исключением резцов нижней челюсти. Третьи моляры не вышли. Венечный, стреловидный, лямбдовидный швы черепа не облитерированы. Верхние эпифизы плечевых костей не приросли, эпифизы ключиц не приросли. На момент смерти индивидуум находился в стадии активного роста (подростковый ростовой спурт).

Длина правой плечевой кости (без верхнего эпифиза) 287 мм. В масштабах сравнительных данных XX века этот размер соответствует параметрам тринадцатилетнего подростка (Maresh, 1970). Впрочем, скорее всего, ростовой скачок у мальчиков XVI–XVII столетий начинался позже по сравнению с современными акселератами, и тогда погребенный в Новоспасском монастыре был старше. Вместе с тем, даже у современных детей синостозирование ключицы не наступает ранее 16 лет (Black, Scheuer, 1996), соответственно, подростку из Новоспасского могло быть 13–15 лет.

Итак, пол: мужской. Возраст: 13–15 лет.

Морфологические особенности черепа и результаты антропологической реконструкции внешности. Размеры черепа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Краниологическая характеристика черепа из саркофага № 3.

Признак	X
5. Длина основания черепа	85,5
9. Наименьшая ширина лба	88
40. Длина основания лица	85,5
47. Полная высота лица	108
Морфологическая высота лица	117
48. Верхняя высота лица	71,5
43. Верхняя ширина лица	94
55. Высота носа	59
Высота носа от супраорбитале	64
54. Ширина носа	22,5
54/55	38,1
ШМК	30
51. Ширина глазницы	40,5
52. Высота глазницы	35,4
52/51	87,4
Биорбитальный диаметр (fmo-fmo)	86
Высота nasion над fmo-fmo	12,5
77. Назомалярный угол	147,6
SC. Симотическая ширина	5,8
SS. Симотическая высота	3,8
SS/SC	65,5
MC. Максиллофронтальная ширина	15
MS. Максиллофронтальная высота	8,9
75(1) Угол выступания носа	22
69. Высота симфиза н/ч	30

Ростовые процессы в черепе еще не были окончены полностью, затылочно-основной синостоз не сформирован. В связи с этим абсолютные краниологические размеры невозможно использовать для сравнения и описания. Для описания пригодны только немногие полученные указатели: носовой, орбитальный и симотический. Носовой указатель попадает в категорию очень малых размеров, орбитальный указатель попадает в категорию больших, а симотический – в категорию очень больших размеров. Это характеризует череп с высокими орбитами, высоким узким носом и высоким переносьем.

Размеры лица рассчитывались путем добавления толщины мягких тканей к размерам черепа (таблица 3) или с использованием уравнений регрессии (таблица 4).

Таблица 3

**Реконструкция размеров лица с использованием стандартов
толщины мягких покровов.**

Наименование размера	Размер на черепе, мм	Размер на голове, мм
Морфологическая высота лица	117	124
Верхняя ширина лица	94	104
Высота лба	60	60
Наименьшая ширина лба	88	98

Таблица 4

Реконструкция размеров лица с использованием уравнений регрессии.

Реконструируемый признак на лице	Признак на черепе	Уравнение регрессии
Физиономическая высота лица (ФВЛ)	Морфологическая высота лица (МВЛ) 117 мм	$ФВЛ = 90,515 + 0,748 \times (МВЛ + 7\text{мм}^*)$ ФВЛ = 182,5 мм
Ширина носа (ШН)	Ширина между клыковыми точками (ШМК) 30 мм	$ШН = 18,035 + 0,444 \times ШМК$ ШН = 31,4 мм
Ширина между носогубными складками (ШМН-ГС)	Ширина между клыковыми точками (ШМК) 30 мм	$ШМН-ГС = 21,744 + 0,843 \times ШМК$ ШМН-ГС = 47 мм

На реконструированном портрете лицо – овальной формы среднеширокое с выраженной горизонтальной и вертикальной профилировкой. Лоб высокий и широкий, слабонаклонный, линия лба прямая. Лобные бугры и надбровный рельеф слабо выражены. Положение разреза глаз горизонтальное. Глаза выступающие, с длинной глазной щелью и слабо выраженной складкой верхнего века. Переносье высокое и узкое. Нос узкий, высокий, средне выступает вперед. Кончик носа чуть приподнят, а профиль спинки носа прямой. Подбородок округлый.

Другие морфологические особенности. На черепе имеются шиловидные отростки. Диафизы плечевых костей достаточно массивны, на внешней поверхности лопаток заметно развит рельеф, что позволяет судить о значительной прижизненной физической нагрузке на пояс верхних конечностей. Развитие рельефа в области шейки бедра и высокие значения угла шейки бедра говорят о том, что погребенный был всадником, начиная с раннего возраста.

Патологические проявления. Присутствует пришеечный зубной камень, кариес. На резцах премолярах, клыках наблюдается множе-

ственная эмалевая гипоплазия (форма комбинированная – пятнистая и линейная), отражающая неоднократные физиологические стрессы, перенесенные индивидуумом в раннем детстве. Возраст стрессирующих эпизодов – 3–4,5 года (Рис. 68.).

На передней поверхности шейки обеих бедренных костей в области, прилегающей к головке – обширная зона поротизация, т.н. ямка Аллена или *cribra femoris*. (Рис. 69). Это признак, являющийся следствием локальной атрофии компактного слоя, может быть следствием как пищевой недостаточности (*Blondiaux, Naji, 2015*), так и биомеханического стресса (*Iezzi, 2009*), в данном случае вследствие частой верховой езды.

На рентгенограмме правой большеберцовой кости можно видеть до 4 резорбированных линий Гарриса – следов физиологических стрессов, перенесенных за несколько лет до смерти. Таким образом, по совокупности проявлений различных маркеров эпизодического стресса можно констатировать, что молодой человек пережил несколько неблагоприятных эпизодов (голод, болезни) и в раннем детстве, и подростком.

Питание. Получены индивидуальные значения дельта углерода и азота: $\delta^{13}\text{C}, \text{‰}$ -19,4, $\delta^{15}\text{N}, \text{‰}$ 13,5. Хотя для горожан этой эпохи подобные данные являются вполне типичными, стоит подчеркнуть, что у этого подростка рацион питания был в меньшей степени насыщен мясными и молочными продуктами по сравнению с женщиной из ранее изученного нами саркофага № 1 (*Медникова, Беляев и др., 2016а, б*). Эта разница может отражать эпохальное изменение условий жизни, затронувшее рацион представителей разных поколений.

Заключение. Несмотря на юный, по современным меркам, возраст (13–15 лет), подросток из саркофага № 3 в Новоспасском монастыре в социальном отношении воспринимался как взрослый человек высокого статуса. Примечательно, что размеры саркофага (210 см длиной) соответствуют длине тела взрослого человека, намного превышая размеры тела мальчика. Было ли это сделано намерено, чтобы подчеркнуть общественную «зрелость» усопшего, или для захоронения взяли типовой саркофаг (возможно, заготовленный для кого-то другого)? Ответа на этот вопрос мы, видимо, никогда не получим.

Характерно, что питание этого ребенка было не таким «статусным», как у женщины из саркофага № 1, что, возможно, отражает неблагоприятный исторический момент, совпавший со временем его роста. О том же свидетельствуют обнаруженные нами при изучении его останков следы неоднократных физиологических стрессов раннего детства и отрочества.

Комплексный анализ останков мужчин, захороненных в склепе под плитой № 1

М. Б. Медникова (ИА РАН),

А. В. Рассказова (Институт этнологии и антропологии РАН),

А. А. Тарасова (ИА РАН)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.86-98>

Этот этап экспертизы представлял наибольшую сложность, поскольку в отличие от женского захоронения из этого склепа, останки мужчин из саркофага под плитой 1 производили впечатление потревоженных, сохранились значительно хуже и не в анатомическом порядке. Отдельную методическую проблему составляло соотнесение найденных в могиле черепов и костей посткраниального скелета, принадлежавших большему числу индивидуумов, причем близких по возрасту.

В заполнении саркофага присутствовали только два мужских краниума, оба без нижней челюсти, подвергнутые морфологическому исследованию при помощи классических и новых методов.

Краниометрия и реконструкция лица по черепу

Были проведены краниологические измерения двух сохранившихся мужских черепов из саркофага. Исследованные краниумы хорошо сохранились, но у обоих отсутствовали нижние челюсти.

Помимо стандартных краниологических измерений (Алексеев, Дебец, 1964) были проведены дополнительные, необходимые для реконструкции лица. Морфологическая высота лица – расстояние от супраорбитале до точки гнатион, высота носа от супраорбитале до субспинале и ширина между клыковыми точками (ШМК). Полученные размеры представлены в таблице 5.

Череп сильно различаются между собой по размерам. Череп № 1 брахикранный, с большим поперечным диаметром и очень маленьким высотным диаметром. Верхняя высота лица малая, верхняя ширина

Таблица 5

Краниологические данные.

Признак	череп 1 (мм)	череп 2 (мм)
1. Продольный диаметр	179	181
8. Поперечный диаметр	146	143
1/8	81,6	79,0
17. Высотный диаметр	122	139
5. Длина основания черепа	103	99
11. Ширина основания черепа	127	129
9. Наименьшая ширина лба	104	103
10. Наибольшая ширина лба	123	121
45. Скуловой диаметр	136	138
Ширина затылка	108	120
40. Длина основания лица	102	96
47. Полная высота лица		
48. Верхняя высота лица	66,5	79
48/45	48,9	57,2
43. Верхняя ширина лица	110	109
46. Средняя ширина лица	94,5	101
55. Высота носа	51,5	55
54. Ширина носа	24	24,2
54/55	46,6	44,0
Высота носа от супраорбитале	63,0	67,5
ШМК	31,0	40,0
51. Ширина глазницы	43,3	42,3
52. Высота глазницы	34,8	32,5
51(а). Дакриальная ширина	41,3	41,1
52/51	80,4	76,8
Биорбитальный диаметр (fmo-fmo)	101	100
Высота nasion над fmo-fmo	20,1	16,8
77. Назомалярный угол	136,6	142,9
Зигомаксиллярная ширина	93,9	99
Высота subspinale над zm-zm	28	25,2
ZM. Зигомаксиллярный угол	118,4	126,0
SC. Симотическая ширина	9,2	8,3
SS. Симотическая высота	5,5	4,7
SS/SC	59,8	56,6
MC. Максиллофронтальная ширина	19	18,8
MS. Максиллофронтальная высота	9,8	7,7
MS/MC	51,6	41,0
DC. Дакриальная ширина		20,1
DS. Дакриальная высота		12,8
DS/DC		63,7
75(1) Угол выступания носа	30	36

лица и ширина лба попадают в категорию больших размеров, средняя ширина лица в категорию средних размеров. Орбиты широкие средневысокие, нос узкий средневысокий. Профилировка лица выражена сильно. Назомалярный и зигомаксиллярный углы попадают в категорию малых и очень малых размеров соответственно, нос сильновыступающий.

Череп № 2 мезокранный с большим высотным диаметром. Лицо очень высокое, широкое. Орбиты среднеширокие, низкие, нос узкий и высокий. Профилировка лица достаточно выражена: назомалярный и зигомаксиллярный углы попадают в категорию средних и малых размеров, соответственно. Угол выступания носа очень большой.

В дополнение к измерениям были сделаны графические реконструкции лиц в фас и в профиль (Рис. 70а–г, Рис. 71а–г). Они были выполнены по стандартной методике: на основе обвода черепа, выполненного с помощью диоптрографа, построен контур лица. Реконструкция профиля носа сделана по методике Г. В. Лебединской (*Лебединская*, 1998. С. 103), дополненной С. А. Никитиным (*Никитин*, 2009. С. 153), также использовались стандарты толщины мягких тканей, полученные с применением ультразвука на живых людях (*Веселовская*, 1997. С. 321).

Метод геометрической морфометрии

В Институте археологии РАН при помощи лазерного 3D сканера NextEngine HD были получены трехмерные цифровые копии двух сохранившихся черепов из-под плиты № 1 (Рис. 72 и 73) и, как отмечалось ранее, копия черепа юноши из саркофага № 3. Для оценки их внешнего сходства был применен метод геометрической морфометрии (ГМ), впервые апробированный нами при попытке выявления близких родственников в эталонном памятнике эпохи средней бронзы – коллективном одномоментном захоронении в Пепкинском кургане (*Медникова, Тарасова*, 2014). В соответствии с программой для описания лицевого отдела скелета, разработанной с целью определения степени морфологического разнообразия в выборке из санитарных захоронений XIII века на территории кремля средневекового Ярославля (*Tarasova et. al*, 2018. P.1061), на полученных трехмерных моделях черепов в программе Amira были расставлены точки. Данные, полученные по итогам их расстановки, представляющие собой координаты точек в трехмерном пространстве для каждого из объектов, были проанализированы методом главных компонент при помощи программы MorphoJ (версия 1.03d).

Как при анализе по трем черепам из погребений в Новоспасском монастыре (Рис. 74), так и при добавлении этих данных к анализу 28 черепов из санитарных захоронений в Ярославле (Рис. 75а), а также серии черепов скандинавского (норвежского) происхождения (Рис. 75б), основным результатом можно считать отсутствие «портретного» сходства этих мужчин. При этом юноша, погребенный в саркофаге № 3, в пространстве главных компонент отстоит не только от индивидуумов из погребения под плитой № 1, но и в других вариантах анализа от всего массива ярославских или норвежских мужчин. Скорее всего, это связано с неоформленностью его черт в силу молодого возраста. Впрочем, возможно, нельзя не принимать во внимание и некоторые особенности происхождения данного индивидуума.

Хотя мы не можем не учитывать фактор высокой индивидуальной изменчивости, следует обратить внимание, что морфологические особенности обладателя черепа № 1 больше соответствуют североευропейскому варианту, распространенному у норвежцев, в то время как краниологические особенности мужчины № 2 находят наибольшее соответствие среди населения средневекового русского города. В любом случае, результаты применения метода геометрической морфометрии не подтверждают идею о близком родстве этих людей.

Описание степени сохранности, морфологических особенностей и патологических проявлений посткраниальных скелетов

Учитывая нарушенный анатомический характер мужских скелетов в этом коллективном захоронении, встреченный *in situ*, и невозможность без дополнительной экспертизы соотнести посткраниальные останки с каким-либо из выше описанных черепов, ниже мы используем независимую нумерацию костяков.

Новоспаский. Под плитой № 1. Инд. 1 (Мужчина, 30–34 года).

Сохранность: правая большеберцовая, обе бедренные, правая тазовая, левая малоберцовая и фрагмент правой. На бедренной в области метафизов крупные питательные отверстия, которые можно соотнести с регулярным функциональным воздействием, скорее всего, с привычной верховой ездой.

Патологические проявления: Наблюдаются начальные дегенеративные изменения коленного сустава. Верхняя часть крыла подвздошной кости с многочисленными разрастаниями функционального или

Таблица 6

**Измерения костей скелета индивидуума 1
(номера признаков по Мартину).**

Признак	Правая	Левая
1. Наиб. Дл.	-	472
2. Физ. Дл.	-	467
Диаметр гол. Верт.	46,5	-
Диаметр гол. Гориз.	43,5	-
21. Мыщ. Ширина	-	78
6. Сагит. Диам. Сер. Диаф.	34	35
7. Попер. Диам. Сер. Диаф.	26,5	28
9. Верхн. Попер. Диам.	35,5	36
10. Верхн. Сагит. Диам.	37	33
Окр. Головки	148	-
Окр. Сер. Диафиза	98	102
<i>Большая берцовая кость</i>		
1. Полная длина	386	-
1а. Наиб. Длина	390	-
5. Наиб. Шир. Верхн. Эпиф.	75	-
6. Наиб. Шир. Нижн. Эпиф.	-	-
8. Сагит. Диам. Сер. Диаф.	29	-
9. Попер. Диам. Сер. Диаф.	23,5	-
8а. Сагит. Диам. На ур. Питат. Отв.	33	-
9а. Попер. Диам. На ур. Питат. Отв.	26	-
10. Окр. Сер. Диафиза	78	-
10b. Наим. Окр. Диаф.	75	-
<i>Малая берцовая кость</i>		
1. Наиб. Дл.	-	375

метаболического характера. Подобные изменения можно было бы соотнести с проявлениями диффузного идиопатического гиперостозного синдрома или болезни Форестье, однако невозможность исследовать позвоночник этого мужчины, равно как и достаточно молодой для подобного диагноза возраст, побуждают нас с осторожностью рассматривать это предположение.

Особенности скелетной конституции: Судя по доступным измерениям костей нижней конечности, этот мужчина отличался достаточно атлетическим сложением и был, по меркам своего времени, относительно высокорослым (табл. 6). Реконструируемая длина тела по формуле Троттер и Глезер для европеоидов составляет порядка 175 см.

Новоспаский. Под плитой № 1. Инд. 2 (Муж., 35–39 лет)

Сохранность: разрушенная левая тазовая кость, парные большеберцовые кости, разрушенные малоберцовые кости, левая бедренная без эпифизов.

Патологические проявления: На правой большеберцовой кости в центре диафиза наблюдаются признаки хронической бактериальной инфекции. На микрофокусной рентгенограмме этой кости (режим съемки 40кВ и 5с) фиксируются следы воспалительного процесса, затронувшего всю толщину компактного слоя с образованием секвестров и выходом гнойных масс на поверхность. Подобная картина вполне типична для протекания генерализованной бактериальной инфекции (например, третичного сифилиса). Левая большеберцовая, судя по рентгеновскому снимку, значительно меньше затронута воспалительным процессом, следы которого читаются в средней части диафиза (эти снимки произведены в боковой проекции). Правая бедренная кость патологически деформирована (диафиз в нижней трети и метафиз расширены). Пялюстр не выражен на всем протяжении. Наблюдаются следы воспалительного процесса в центральной части диафиза на задней поверхности кости. На рентгенограммах бедренной в боковой проекции зафиксированы следы воспалительного процесса и инородного включения тафономического характера. Диафиз правой большеберцовой патологически деформирован, возможно, вследствие упомянутой инфекции. На левой большеберцовой сильно развит межкостный край.

Соотнесение костей индивидуума № 2 с одним из обследованных черепов: Именно наличие последствий генерализованной и долговременной бактериальной инфекции позволяет нам соотнести эти останки с одним из описанных выше черепов (череп № 1), на лобной кости которого фиксируются три локальные понижения костной поверхности по типу гуммозных поражений. Впрочем, из-за внешних наслоений, обусловленных сохранностью краниальной поверхности, на фронтальной рентгенограмме эти изменения не видны (режим съемки 40кВ, 5с). Следует также отметить утрату этим мужчиной всех зубов верхней челюсти с полной облитерацией альвеолярного отростка. Утрата зубов произошла задолго до смерти в необычно раннем возрасте, если учесть, что этот человек скончался, по-видимому, до достижения сорока лет.

Особенности скелетной конституции: Индивидуум № 2 при сходных широтных и обхватных размерах трубчатых костей был заметно ниже ростом по сравнению с № 1. Реконструированная длина тела составляет около 169 см. (формула Троттер, Глезер для европеоидов, *Алексеев*, 1966. С. 239).

Таблица 7

**Измерения костей скелета индивидуума 2
(номера признаков по Мартину).**

Признак	Правая	левая
<i>Бедренная кость</i>		
1. Наиб. Дл.	-	-
2. Физ. Дл.	-	-
Диаметр гол. Верт.	-	-
Диаметр гол. Гориз.	-	-
21. Мыщ. Ширина	-	-
6. Сагит. Диам. Сер. Диаф.	30	-
7. Попер. Диам. Сер. Диаф.	33	-
9. Верхн. Попер. Диам.	-	-
10. Верхн. Сагит. Диам.	-	-
Окр. Головки	-	-
Окр. Сер. Диафиза	105	-
<i>Большая берцовая кость</i>		
1. Полная длина	360	361
1а. Наиб. Длина	365	370
5. Наиб. Шир. Верхн. Эпиф.	-	75,5
6. Наиб. Шир. Нижн. Эпиф.	44	49
8. Сагит. Диам. Сер. Диаф.	-	30
9. Попер. Диам. Сер. Диаф.	-	21
8а. Сагит. Диам. На ур. Питат. Отв.	-	34
9а. Попер. Диам. На ур. Питат. Отв.	-	23
10. Окр. Сер. Диафиза	-	83
10b. Наим. Окр. Диаф.	78	73

Новоспаский. Под плитой № 1. Инд. 3 (Муж., 35-39 лет)

Сохранность: Парные бедренные, большеберцовые и малоберцовые кости.

Патологические проявления: Имеются начальные дегенеративно-дистрофические изменения в области головки и нижнего эпифиза бедренных костей. Диафиз малоберцовой кости изогнут – возможен преодоленный рахит. На микрофокусных рентгенограммах правой большеберцовой кости видны две сильно резорбированные линии Гарриса – следы кратковременных задержек роста в детстве.

Особенности скелетной конституции: При крупных головках бедренных костей периметры и диаметры диафизов длинных костей этого индивида более грацильны по сравнению с предыдущими мужчинами (табл. 8). Он также был достаточно высок – около 175 см.

Таблица 8

**Измерения костей скелета индивидуума 3
(номера признаков по Мартину).**

Признак	Правая	Левая
<i>Бедренная кость</i>		
1. Наиб. Дл.	470	463
2. Физ. Дл.	467	460
Диаметр гол. Верт.	48	46
Диаметр гол. Гориз.	-	45
21. Мыщ. Ширина	-	-
6. Сагит. Диам. Сер. Диаф.	27	28
7. Попер. Диам. Сер. Диаф.	27	27
9. Верхн. Попер. Диам.	32	37,5
10. Верхн. Сагит. Диам.	26	26
Окр. Головки	-	154
Окр. Сер. Диафиза	90	90
<i>Большая берцовая кость</i>		
1. Полная длина	356	-
1а. Наиб. Длина	361	-
5. Наиб. Шир. Верхн. Эпиф.	73	-
6. Наиб. Шир. Нижн. Эпиф.	48	-
8. Сагит. Диам. Сер. Диаф.	30	-
9. Попер. Диам. Сер. Диаф.	24	-
8а. Сагит. Диам. На ур. Питат. Отв.	35	-
9а. Попер. Диам. На ур. Питат. Отв.	28	-
10. Окр. Сер. Диафиза	93	-
10b. Наим. Окр. Диаф.	74	-
<i>Малая берцовая кость</i>		
1. Наиб. Дл.	351	-

Новоспаский. Под плитой № 1. Инд. 4 (Муж., 30–39 (около 35) лет)

Сохранность: парные бедренные и большеберцовые кости.

Особенности: Морфологически выражен «комплекс всадника», в том числе, крупные питательные отверстия на метафизах и шейке бедренной кости (Бужилова, 2008).

Патологические проявления: Периостальные реакции на поверхности диафизов большеберцовых костей. Начальные дегенеративно-дистрофические изменения коленных суставов.

Особенности скелетной конституции: Это наиболее грацильный индивидуум из обследованных мужских костяков (табл. 9). Следует также отметить уплощенность его большеберцовой кости по типу саблевидной голе-

Таблица 9

**Измерения костей скелета индивидуума 4
(номера признаков по Мартину).**

Признак	Правая	Левая
<i>Бедренная кость</i>		
1. Наиб. Дл.	447	434
2. Физ. Дл.	441	432
Диаметр гол. Верт.	43	42
Диаметр гол. Гориз.	42	42,5
21. Мыщ. Ширина	78	74
6. Сагит. Диам. Сер. Диаф.	30	29
7. Попер. Диам. Сер. Диаф.	27	28
9. Верхн. Попер. Диам.	30	31
10. Верхн. Сагит. Диам.	27	27
Окр. Головки	140	142
Окр. Сер. Диафиза	88	92
<i>Большая берцовая кость</i>		
1. Полная длина	376	381
1а. Наиб. Длина	389	391
5. Наиб. Шир. Верхн. Эпиф.	–	72,5
6. Наиб. Шир. Нижн. Эпиф.	48	50
8. Сагит. Диам. Сер. Диаф.	34	32,5
9. Попер. Диам. Сер. Диаф.	21	22
8а. Сагит. Диам. На ур. Питат. Отв.	40	41
9а. Попер. Диам. На ур. Питат. Отв.	25	23
10. Окр. Сер. Диафиза	91	92
10b. Наим. Окр. Диаф.	78	77

ни, часто встречаемой в «южных» популяциях. Реконструированная длина тела около 166–169 см. Здесь также следует обратить внимание на сильную асимметрию в продольном развитии костей нижней конечности. Причины этого явления могут быть разнообразны, но нельзя исключить влияния неблагоприятных внешних факторов в период роста этого человека.

Изотопные исследования диеты

Изотопный состав углерода и азота в коллагене образцов зубной и костной ткани определялся в лаборатории ИИМК РАН. Как можно видеть из результатов, приведенных в таблице 10, особенности питания сближают женщину из саркофага под плитой 1 («Марфу Черкасскую») и мужчину, которому принадлежал череп 1, благодаря приверженности

Таблица 10

**Изотопный состав углерода и азота в коллагене образцов
из Новоспасского монастыря.**

№ анализа	Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
2696,2723	«Марфа»	-19,3	15,2
2697,2724	Подросток, саркофаг 3	-19,4	13,5
2698,2725	Череп 1 под плитой 1	-19,5	15,4
2999,2726	Череп 2 под плитой 1	-19,3	13,2

статусному высокопротеиновому питанию. Подросток из саркофага 3 и мужчина № 2 демонстрируют несколько другие особенности питания, связанные с употреблением меньшего количества мясной пищи.

Однако привлечение в качестве сравнительного фона многочисленных данных, собранных в процессе исследования системы питания в средневековых русских городах и монастырях под руководством А.В. Энговатовой¹, показывает, что все погребенные в Новоспасском монастыре принадлежали к людям высокого социального положения, которые могли позволить себе полноценное сбалансированное питание, богатое белками животного происхождения. В этом отношении они превосходят даже статусные погребения в Троице-Сергиевской Лавре (Рис. 76).

Опыт определения изотопов стронция

Анализ изотопного состава стронция в образцах осуществлялся методом масс-спектрометрии по стандартной методике на базе ВСЕГЕИ РАН².

Соотношение изотопов $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в зубной эмали отражает геохимические характеристики окружающей среды, в которой рос человек и формировались коронки его зубов (Медникова, 2017). «Геологический» стронций с почвенными водами попадает в пищевую цепь, консервируясь в малых количествах в организме. Зубы остаются неизменными после того, как они минерализуются, следовательно, за исключением «зубов мудрости», формирующихся позже, они сохраняют информацию

¹ Мы крайне признательны Асе Викторовне Энговатовой, предоставившей в наше распоряжение ценный сравнительный материал.

² Авторы приносят благодарность Е.С. Богомолу за проведение анализа и ценные консультации.

Таблица 11

Результаты изотопного анализа Sr из образцов зубной эмали погребенных в Новоспасском монастыре г. Москвы.

№	Шифр	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	2σ
1	Нов., погр. 5, первый премоляр верхней челюсти	0.708775	9
2	Нов., саркофаг 3, подросток, второй моляр верхней челюсти	0.709119	10
3	Нов., под плитой 1 (муж., череп №2), второй моляр верхней челюсти	0.709229	7
4	Нов., под плитой 1 (жен.), второй моляр верхней челюсти	0.708933	9

о геохимической ситуации, в которой прошло детство индивидуума. Напротив, образцы костной ткани несут информацию о геохимической обстановке, в которой человек провел последние годы жизни. Поскольку одной из задач нашего исследования была проверка гипотезы о близком родстве погребенных в Новоспасском монастыре, можно было предположить, что их первые годы жизни протекали в сходных условиях. В качестве контроля мы использовали анализы образцов погребенной почвы, взятых из раскопок на территории Зарядья.

На первом этапе были проанализированы доступные для изучения образцы зубной эмали, изотопный сигнал которых отражает геохимическую ситуацию в возрасте примерно до 10 лет (табл. 11). Результаты анализа соотношения изотопов стронция свидетельствуют, что женщина из склепа № 1 и мужчина из склепа № 5 провели ранние годы в сходных геохимических условиях. Другую пару погребенных, объединенных по сходству сигналов изотопов стронция, составляют один из мужчин, также похороненный под плитой 1 (череп № 2) и подросток из саркофага № 3.

На втором этапе исследования мы подвергли проверке гипотезу, что в последние годы жизни погребенные в Новоспасском монастыре могли изменить место проживания, по сравнению со своим детством (табл. 12). Для этой цели были исследованы образцы костной ткани погребенных под плитой 1 – мужчины (обладатель черепа 2) и женщины. К сожалению, включение в этот и предшествующий анализ образцов тканей обладателя черепа № 1 было неоправданным, поскольку этот мужчина задолго до смерти утратил все зубы и, таким образом, судить о среде его обитания в детстве было невозможно.

Действительно, нами установлено, что, как минимум, последний год жизни и мужчина, и женщина провели в геохимических условиях,

Таблица 12

Результаты изотопного анализа Sr из образцов костной ткани и волос.

№	Шифр	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	2 σ
1	Новоспасский, под плитой 1, череп № 2, фрагмент носовых костей (мужчина)	0.711823	23
2	Новоспасский, под плитой 1, фрагмент ребра женщины	0.710184	24
3	Новоспасский, саркофаг Евдокии Черкасской, волосы ребенка	0.734855	43

Таблица 13

Результаты изотопного анализа Sr из образцов почвы.

№	Образец	Rb(ppm)	Sr(ppm)	$^{87}\text{Rb}/^{86}\text{Sr}$	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$
1	Почва-1 Зарядье	33.40	70.55	1.371	0.729334±46
2	Почва-1 Зарядье (I.S. Sr)				0.733216±8
3	Смыв Почва-1				0.711362±12

отличавшихся от места (мест), где они росли, более высокими изотопными сигналами. В принципе, это вполне соответствует гипотезе о возможном пребывании представителей знатных боярских родов в ссылке, но, безусловно, этот тезис требует большей аргументации после рассмотрения других результатов комплексной экспертизы.

Кроме того, анализу были подвергнуты волосы ребенка, предположительно, княжны Евдокии Черкасской, как об этом свидетельствует надпись на каменном саркофаге. Этот анализ дал неожиданный результат в виде очень высокого изотопного сигнала. Подобные показатели могут быть типичны для старых горных пород, гранитов и базальтов. Примечательно, что рассмотрение контрольных образцов почвы из Зарядья, взятых вблизи от палат Романовых, также выявило очень высокие показатели соотношения изотопов стронция (табл. 13). Но в данном случае, к сожалению, нельзя исключить возможность контаминации вследствие очень высокой строительной активности в этом районе Москвы на протяжении длительного исторического периода (Е. С. Богомолов, личное сообщение).

Таким образом, результаты рассмотрения прижизненной мобильности лиц, погребенных в Новоспасском монастыре не дают однозначных результатов, но они позволяют предположить, что, по крайней мере, часть погребенных в «Палатке Никитичей», были вынуждены провести последние годы или месяцы жизни не там, где родились и выросли.

Показатели физического развития погребенных

Вернемся к рассмотрению особенностей скелетной конституции погребенных. Насколько размеры тела этих людей типичны для представителей XVI–XVII вв.?

Здесь очень важным источником сравнительной информации могут служить результаты антропологического обследования погребенных в некрополе Чудова монастыря, раскопки которого проводились в Московском Кремле под руководством академика Н. А. Макарова.

Показатели физического развития, прежде всего, размеры тела, служат важной интегративной характеристикой качества жизни людей. На продольные размеры тела оказывают влияние как генетические, так и внешние факторы. Однако существуют достаточно обширные статистические данные о повышенной длине тела среди представителей высокого социального статуса. Длина тела рассматривается как «зеркало» образа жизни, прежде всего, свидетельствуя о полноценности питания.

Известно, что длина тела средневекового мужского населения уже в домонгольский период сильно варьирует (*Бужилова, 2005*). Различия наблюдаются по линии город-село (высокие горожане и низкорослые селяне), между высокорослым населением верхнего города и низкорослым посадским, между жителями центральной России, юга и севера.

В выборке из Кремля длина тела по формуле Троттер, Глезер для европеоидов была нами ранее определена для 46 мужчин и составила в среднем 176,3 см, что выше, чем даже у наиболее крупных представителей городского древнерусского населения с территории левобережного Поднепровья, Верхнего Киева, Ярославля 13 века, новгородцев 14 века с кладбища Пантелеймонова монастыря (*Бужилова, 2005, Козак, 2010, Евтеев, 2015, Тарасова, 2017*). Мужчины из захоронения под плитой 1 Новоспасского монастыря по длине тела попадают в группу наиболее распространенных вариантов, характерных для высокостатусных жителей Москвы. Длина тела «Марфы», наоборот, относится к наиболее миниатюрным вариантам телосложения у женщин, впрочем, тоже встреченным при раскопках на территории Кремля (Рис. 77). Некоторые возможные причины подобного отставания были нами рассмотрены в соответствующем разделе.

Итоги палеогенетического исследования образцов зубной и костной ткани погребенных в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве

А. С. Пилипенко (*Институт цитологии и генетики СО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет*),

Р. О. Трапезов (*Институт цитологии и генетики СО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН*),

С. В. Черданцев (*Институт цитологии и генетики СО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН*)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.99-108>

В рамках комплексного исследования погребений в Знаменской церкви Новоспасского Московского монастыря особый интерес представляет оценка вероятной степени родства индивидов, погребенных совместно под плитой 1, а также родства индивидов, погребенных в других саркофагах, между собой и с индивидами из погребения под плитой 1. Наиболее информативным и достоверным подходом к оценке степени родства погребенных индивидов в настоящее время является молекулярно-генетическое исследование останков. Этот подход, первоначально разработанный для нужд криминалистики и судебной медицины, успешно применяется и при анализе палеоантропологических материалов различного возраста. Сложность такого исследования связана с необходимостью получения данных как по митохондриальной ДНК (мтДНК, в данном случае – маркер родства по индивидам по материнской линии), так и маркеров ядерной ДНК (аутосомных Y-хромосомы, подробнее см. ниже). Получение полноценного набора молекулярно-генетических характеристик индивидов по мтДНК и маркерам ядерной ДНК позволяет устанавливать прямое родство индивидов по материнской и отцовской линиям, а также давать вероятностные оценки более отдаленных вариантов родства исследуемых индивидов. Получение полного генетического профиля для оценки родства в случае палеоантропологических

Таблица 14

Палеоантропологические материалы, исследованные методами палеогенетики в рамках данной работы.

№ индивида (Шифр)	Описание	Пол*	Материал для исследования	Степень макроскопической сохранности (особенности)
1 (Nov2)	Под плитой 1	Жен.	Зубы	Низкая
2 (Nov6)	Под плитой 1, (ск.1)	Муж.	Фрагмент эпифиза длинной кости	Низкая (интенсивная пигментация)
3 (Nov4)	Под плитой 1 (Череп №2)	Муж.	Зубы	Средняя
4 (Nov5)	Под плитой 1 (ск. 3)	Муж.	Фрагмент эпифиза длинной кости	Низкая
5 (Nov7)	Под плитой 1 (Череп №1)	Муж.	Фрагмент плоской кости черепа	Низкая
6 (Nov3)	Склеп № 3	Муж.	Зубы	Низкая
7 (Nov1)	Склеп № 5	Муж.	Зубы	Низкая

* Определен по результатам морфологического анализа скелета специалистами-антропологами.

останков возможно лишь при условии высокой степени сохранности ДНК в исследуемых образцах. Неполный профиль молекулярно-генетических данных также дает возможность оценивать вероятность некоторых вариантов родства между индивидами.

Ниже приведены результаты молекулярно-генетического анализа образцов костной и зубной ткани, полученных от семи индивидов, погребенных в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Молекулярно-генетические исследования выполнены в палеогенетической лаборатории межинститутского сектора молекулярной палеогенетики ИЦиГ СО РАН (г. Новосибирск).

Исследованные палеоантропологические материалы

Для проведения молекулярно-генетического исследования были отобраны образцы от останков семи индивидов, погребенных в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Описание исследованных материалов приведено в Таблице 14.

Как видно из Таблицы 14, для большей части индивидов (4 из 7) в качестве источника ДНК были использованы зубы, для двух инди-

видов – фрагменты посткраниального скелета, для одного индивида – фрагменты плоских костей черепа.

Уровень макроскопической сохранности скелетных останков (зубов и костей) указывал на потенциально низкую степень сохранности ДНК. В частности, зубы и костные останки демонстрировали низкую плотность, наличие многочисленных трещин и пор, хрупкость. Особенностью некоторых образцов также являлась интенсивная пигментация, очевидно, связанная с воздействием на останки окрашенных компонентов внешней среды. Более высокий уровень макроскопической сохранности демонстрировал только образец от индивида № 3 (представлен зубами).

Подготовка материалов к экстракции ДНК.

В связи с плохой макроскопической сохранностью костного (зубного) материала (пористостью, наличием трещин и др.) и предполагаемой низкой сохранностью эндогенной ДНК, для исследуемого материала повышена опасность влияния контаминации современной ДНК на результаты исследования. В связи с этим нами были предприняты меры для деконтаминации материала на первых стадиях его подготовки к молекулярно-генетическому исследованию. Поверхность зубов и костей очищали механически и подвергали облучению ультрафиолетом. Затем материал выдерживали в 5-% растворе гипохлорита натрия для разрушения потенциально контаминирующей ДНК на его поверхности, а также в порах и трещинах, доступных для проникновения жидкости. После обработки материал тщательно промывали очищенной водой и высушивали при комнатной температуре. Зубы и фрагменты костной ткани доводили до состояния мелкодисперсного порошка.

Экстракция суммарной ДНК. В рамках данного исследования экстракция суммарной ДНК выполнялась двумя методами: методом фенол/хлороформной экстракции (как в наших работах (*Pilipenko et al.*, 2018a, b)), а также с помощью колонок с иммобилизованными на мембрану частицами диоксида кремния из набора MinElute PCR Purification Kit (Qiagen, Германия).

Анализ структуры генетических маркеров. В рамках данного исследования проводили анализ нескольких систем молекулярно-генетических маркеров: митохондриальная ДНК (последовательность ГВС I и соответствующий информативный однонуклеотидный полиморфизм в кодирующей части мтДНК); набор из 15 аутосомных STR-локусов

(а также полиморфный фрагмент гена амелогенина – маркер половой принадлежности останков); набор из 17 STR-локусов Y-хромосомы. Методы генотипирования каждой из перечисленных систем маркеров приведены ниже.

Амплификацию ГВС 1 мтДНК проводили двумя разными методами: четырех коротких перекрывающихся фрагментов посредством одно-раундовой ПЦР (*Haak et al.*, 2005) и одного длинного фрагмента с помощью «вложенной» ПЦР (включала два раунда реакции) (*Пилипенко и др.*, 2008). Последовательности нуклеотидов определяли с использованием набора реактивов ABI Prism BigDye Terminator Cycle Sequencing Ready Reaction Kit (Applied Biosystems, USA). Продукты секвенирующей реакции анализировали на автоматическом капиллярном секвенаторе ABI Prism 3130XL Genetic Analyser (Applied Biosystems, США) в центре коллективного пользования «Геномика» СО РАН (<http://sequest.niboch.nsc.ru>). Филогенетическое положение исследуемого варианта мтДНК устанавливали на основании существующей классификации структурных вариантов мтДНК (www.phyloree.org) (*van Oven, Kayser*, 2009).

Фрагменты, содержащие 17 STR-локусов Y-хромосомы амплифицировали с помощью коммерческого набора реактивов AmpFISTR® Y-filer® PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США) согласно инструкции производителя.

Амплификацию пятнадцати аутосомных STR-локусов и полиморфного участка гена амелогенина проводили с помощью коммерческого набора реактивов AmpFISTR® Identifier PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США) согласно инструкции производителя.

Меры против контаминации и верификация результатов. Все работы с древним материалом выполнены в специально оборудованной для палеогенетических исследований лаборатории межинститутского сектора молекулярной палеогенетики (ИЦиГ СО РАН, ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск). Меры против контаминации и процедуры верификации результатов описаны в наших статьях (*Pilipenko et al.*, 2018a, b). Их реализация, а также особенности полученных результатов свидетельствуют о достоверности экспериментальных данных.

Результаты молекулярно-генетического исследования

Для каждого из семи погребенных из Знаменской церкви, включенных в данное исследование, было получено пять экстрактов суммарной ДНК: три экстракта методом фенол/хлороформной экстракции и два

с помощью колонок с оксидом кремния. Увеличение числа экстракций (обычно мы получаем 2–3 экстракции для индивида) позволило нам дополнительно верифицировать полученные данные (см. ниже).

Оценка степени сохранности ДНК в образцах по эффективности амплификации фрагментов мтДНК и маркеров ядерной ДНК. Для определения степени сохранности ДНК мы оценили эффективность амплификации фрагментов мтДНК и ядерных локусов (аутосомные STR-локусы, STR-локусы Y-хромосомы). Выполнив попытки амплификации из пяти экстрактов для каждого индивида мы получили устойчивую картину, объективно отражающую степень сохранности ДНК с исследуемых образцов (высокая повторность анализа позволила исключить влияние случайных факторов, которые могут обусловить варьирование степени сохранности ДНК в отдельно взятом экстракте).

Для оценки эффективности амплификации мы использовали ПЦР-системы позволяющие амплифицировать короткие (около 150 пар нуклеотидов) и длинные (более 300 п. н.) фрагменты мтДНК. С помощью сертифицированных наборов реактивов (см. Методы) мы провели попытки мультиплексной амплификации фрагментов ядерных локусов (STR-локусов аутосом и Y-хромосомы). Размер амплифицируемых фрагментов ядерных локусов варьировал от ~100 до ~350 п. н.

Установлено, что мтДНК лучше сохраняется в палеоантропологическом материале, по сравнению с ядерной ДНК, благодаря высокой первоначальной копийности мтДНК в клетках организма. Поэтому первой стадией оценки сохранности ДНК в останках является амплификация фрагментов мтДНК различной длины. Пять из семи образцов, включенных в исследование (за исключением образцов от индивидов 4 и 5) демонстрировали стабильно успешную амплификацию коротких (~150 п. н.) фрагментов ГВС1 мтДНК, что свидетельствует об умеренной степени сохранности мтДНК в останках, потенциально достаточной для анализа структуры их вариантов мтДНК методами, основанными на использовании ПЦР. Для индивида № 4 частично успешной (продукт получен для 2 из 5 экстрактов) была лишь амплификация одного из коротких фрагментов мтДНК (эта ПЦР-система, по нашим наблюдениям, отличается наибольшей эффективностью амплификации из всех систем, используемых нами в данной работе). Таким образом, образец от индивида № 4 лишь ограниченно пригоден для анализа структуры мтДНК. Из экстрактов суммарной ДНК, полученных из костной ткани индивида № 5, не было проведено ни одной успешной амплификации коротких фрагментов мтДНК. Этот результат свидетельствует

Таблица 15

Эффективность амплификации фрагментов мтДНК и ядерных STR-маркеров различной длины в исследованных образцах.

№ индивида (Шифр)	Описание	Амплификация коротких фрагментов мтДНК (~150 п.н.)	Амплификация длинных фрагментов мтДНК (~300 п.н.)	Амплификация фрагментов ядерной ДНК, содержащих STR-локусы аутосом и Y-хромосомы
1 (Nov2)	Под плитой 1, женщина	+	-	-
2 (Nov6)	Под плитой 1, муж., ск.1	+	+/-	-
3 (Nov4)	Под плитой 1, Муж., череп №2	+	+	+/-
4 (Nov5)	Под плитой 1 муж., ск. 3	+/-	-	-
5 (Nov7)	Под плитой 1, муж., череп №1	-	-	-
6 (Nov3)	Склеп № 3, Муж.	+	+/-	-
7 (Nov1)	Склеп № 5, муж.	+	+/-	-

Обозначения: «+» – стабильно успешная амплификация из всех полученных нами экстрактов суммарной ДНК; «+/-» – успешная амплификация из части полученных нами экстрактов суммарной ДНК; «-» – отрицательные результаты амплификации.

о низком уровне сохранности ДНК, недостаточном для молекулярно-генетического анализа методами, основанными на ПЦР.

Амплификация длинного фрагмента мтДНК была успешной для всех экстрактов из образцов от индивида № 3, а для индивидов № 2, 6 и 7 зафиксирована успешная амплификация длинного фрагмента мтДНК в некоторых их исследованных экстрактов. Для индивидов 1, 4 и 5 не удалось амплифицировать длинный фрагмент мтДНК ни в одной из попыток. Таким образом, наибольшая степень сохранности мтДНК выявлена в образцах от индивида № 3. Важно отметить, что высокая степень сохранности ДНК в образцах от индивида № 3 коррелирует с хорошей макроскопической сохранностью палеоантропологического материала, отмеченной выше.

Из-за относительно низкой копийности в клетках при жизни организма, ядерная ДНК, как правило, хуже сохраняется в палеоантропологическом материале. В этой связи мы не ожидали получить положительных результатов при амплификации ядерных STR-маркеров для индивидов 4,5, а также 1, что полностью подтвердилось эксперимен-

тально: для перечисленных индивидов не было получено продуктов амплификации даже самых коротких фрагментов ядерной ДНК, входящих с используемые нами наборы для мультиплексной амплификации STR-маркеров аутосом и Y-хромосомы.

Степень сохранности мтДНК в экстрактах из других образцов, в особенности, образцов от индивида № 3, позволяла рассчитывать на амплификацию хотя бы коротких фрагментов ядерных локусов. Однако для всех индивидов, кроме индивида № 3, все попытки амплификации оказались безуспешны. Даже для индивида № 3 была продемонстрирована устойчивая амплификация лишь самых коротких фрагментов, содержащих STR-маркеры аутосом и Y-хромосомы (только фрагменты длиной менее 200 п.н.). Таким образом, результаты по относительной сохранности ядерной ДНК коррелируют с данными, полученными по сохранности мтДНК. Полученные результаты не позволяют использовать анализ маркеров ядерной ДНК для определения степени родства индивидов в рамках данного исследования.

Результаты исследования структуры митохондриальной ДНК в исследованных образцах от погребенных в Знаменской церкви Новоспасского монастыря.

Результаты оценки степени сохранности ДНК в исследуемых нами останках погребенных в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве свидетельствуют о недостаточной степени сохранности ядерной ДНК для исследования структуры маркеров ядерной ДНК с помощью ПЦР.

Митохондриальная ДНК имеет достаточную сохранность для полноценного исследования ее структуры в останках пяти из семи индивидов (кроме того, для индивида № 4 оказалось возможным частичное исследование структуры мтДНК). Для всех пяти индивидов с достаточной сохранностью ДНК (индивиды № 1, 2, 3, 6, 7) нами была определена последовательность ГВСИ мтДНК в положении 16024–16409 (согласно нумерации rCRS). Для индивида № 4 была получена частичная последовательность ГВСИ (наличие в ней нуклеотидной замены позволяет использовать эти данные для оценки возможности родства по материнской линии с другими индивидами). Полученные результаты по структуре мтДНК представлены в Таблице 16. Для большинства исследованных образцов удалось определить точное или наиболее вероятное филогенетическое положение структурных вариантов мтДНК (хотя это не входит

Таблица 16

Результаты исследования структуры митохондриальной ДНК погребенных из Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве.

№ индивида (Шифр)	Описание	Гаплотип ГВСІ мтДНК*	Гаплогруппа мтДНК
1 (Nov2)	Под плитой 1, жен.	16192Т-16256Т-16270Т-16294Т	U5a1
2 (Nov6)	Под плитой 1, муж., ск.1	16189С	H**
3 (Nov4)	Под плитой 1, муж., череп №2	16129А-16316G	H27
4 (Nov5)	Под плитой 1 (ск. 3)	16304***	?
5 (Nov7)	Под плитой 1, муж., череп №1	Нет данных	Нет данных
6 (Nov3)	Склеп № 3	16069Т-16126С-16193Т-16256Т-16335G	J1d3a1
7 (Nov1)	Склеп № 5	16183С-16189С-16223Т-16278Т-16325С	X

* Гаплотип составлен из позиций, статус которых отличается от уточненной Кембриджской референсной последовательности мтДНК (rCRS) [Andrews et al., 1999].

** Для верификации принадлежности к гаплогруппе и уточнения филогенетического положения требуется анализ статуса филогенетически информативных позиций в кодирующей части мтДНК.

*** В связи с низкой сохранностью ДНК последовательность ГВСІ для данного индивида установлена только в пределах фрагмента 16210-16341 (нумерация согласно rCRS).

в круг основных задач данного исследования). Интересно отметить, что полученные нами индивидуальные последовательности мтДНК характеризовались наличием большого числа мозаичных нуклеотидных замен С>Т, появляющихся вследствие дезаминирования цитозина. Это свойство является одним из важных признаков достоверности полученных последовательностей ДНК. Для того, чтобы избежать влияния мозаичных нуклеотидных замен С>Т на результаты определения структуры мтДНК, мы выполнили анализ из большого числа экстрактов для каждого индивида (5 экстрактов), а также повторяющиеся амплификации одних и тех же фрагментов и анализ перерывающихся фрагментов фрагментов и анализ перерывающихся фрагментов мтДНК для каждого индивида.

Таким образом, мы можем судить о возможности родства по материнской линии между пятью из семи индивидов, первоначально включенных в выборку.

Нам удалось получить данные по структуре мтДНК для единственной предполагаемой женщины и для трех из четырех мужчин, погребенных вместе под плитой № 1. Различная структура мтДНК, выявленная для 4 исследованных индивидов исключает их прямое родство по материнской линии. То есть женщина не может быть матерью или родной сестрой (по матери) никого из трех исследованных мужчин. Мужчина также не могут быть сыновьями одной матери (т.е. родными братьями). Кроме того, исключаются варианты более отдаленного родства, при котором индивиды имели бы одинаковую структуру мтДНК, которая передается потомкам обоих полов только от матери.

Перечисленные варианты родства также исключены между индивидами, погребенными под плитой № 1, и индивидами, погребенными в саркофагах № 3 и № 5, так как они также имеют другую структуру мтДНК, уникальную в рамках исследованной серии индивидов.

Таким образом, нам не удалось выявить ни одного случая генетического родства по материнской линии между успешно исследованными индивидами, погребенными в Знаменской церкви Новоспасского монастыря. При этом следует подчеркнуть, что ввиду невозможности выполнить анализ маркеров ядерной ДНК (в том числе, Y-хромосомы) мы не можем исключить наличие родства между погребенными по отцовской (мужской) линии. Этот аспект может являться предметом последующих исследований с применением более чувствительных технологий анализа структуры ядерной ДНК.

Особенности филогеографии исследованных вариантов мтДНК.

Отдельный интерес при анализе структуры образцов древней мтДНК представляют особенности распространения обнаруженных вариантов мтДНК в популяциях различных регионов планеты. Как правило, для такого анализа, который носит название филогеографического, в первую очередь используют данные по современным популяциям, поскольку данные по древним группам населения для большинства регионов пока нерепрезентативны.

Большинство из исследованных нами в рамках данной работы вариантов мтДНК не демонстрируют информативной специфичности в распространении в современных популяциях Евразии: они представляют собой варианты западно-евразийских гаплогрупп мтДНК, распространенных в широких географических пределах в западной части Евразии. Некоторые из них представлены в большом числе популяций

(варианты индивидов 1, 2 и 4), другие выявляются редко, но в самых разных районах Западной Евразии (мозаичное распространение – варианты индивидов 3, 7). Все они не являются информативными с точки зрения филогеографии.

Исключением в исследованной нами выборке стал вариант мтДНК индивида № 6, погребенного в склепе № 3, относящийся к филогенетическому кластеру J1d3a1. Кластер J1d3a специфичен для генофондов популяций Кавказа (в широком понимании) и Ближнего Востока. Выявленный нами вариант демонстрирует высокую специфичность распространения и встречается только в генофондах нескольких популяций Северного Кавказа, включая кабардинцев, адыгейцев и северных осетин (Macaulay, 1999; Richards et al., 2000).

Присутствие такого филогеографически специфичного варианта мтДНК может свидетельствовать о локализации генетических корней исследуемого нами индивида (по линии его матери) на территории Северного Кавказа. В контексте данного исследования этот вывод приобретает особое значение. Предполагается, что в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве погребены останки Марфы Романовой, ее мужа – князя Черкасского и их вероятные родственники. Князь Черкасский относится к княжескому черкесскому роду и имеет генетические корни на Северной Кавказе. Полученные данные о высоковероятных северокавказских генетических корнях подростка, погребенного в саркофаге № 3 (Беляев и др., 2017), позволяют предположить, что он мог состоять в родстве с князем Черкасским. Этим может объясняться его погребение в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве.

Заключение

Когда Московская археологическая экспедиция начинала работу по верификации материалов, обнаруженных в Палатке Никитичей, ситуация казалась довольно простой: плита Марфы Романовой/Черкасской указывала на церковный участок, где плиты детей Никиты Романова всегда ожидали увидеть. Связь с родом Черкасских подтверждали детские погребения (пусть и позднейшие). Легко было предположить, что большой саркофаг № 3 – это вместилище для останков князя Бориса, супруга Марфы Никитичны или одного из ее братьев. Следовало ожидать, что кладбище имеет продолжение вне палатки. Если бы белокаменные сооружения остались невскрытыми, а снаружи от палатки не были проведены проверочные вскрытия, мы по сей день оставались бы в этом заблуждении.

Но гипотеза, казавшаяся очень стройной, полностью рассыпалась после дополнительных раскопок и вскрытия белокаменных гробов. Оказалось, что в саркофаге № 3 погребен никак не Борис, супруг Марфы, а, вероятно, кто-то из их родственников первой половины XVII века (допустимо думать, что также Черкасский). Идентичность плиты Марфы Никитичны и женского погребения в склепе под ней пришлось доказывать, и, несмотря на очень большую вероятность такого отождествления, малая доля сомнения должна пока остаться. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что, с точки зрения археологии не вызывают сомнений такие факты, как единовременность и единство погребального комплекса склепа № 1 с надгробием Марфы, а также изначальность погребения в нем найденных останков женщины. Можно считать очевидным также, что мужские скелеты положили в склеп не ранее 1790-х гг., времени строительства современной церкви.

Идентифицировать останки, доложенные в склеп, пока невозможно и вряд ли эта возможность возникнет со временем, но большинство погребенных здесь мужчин – это не братья Никитичи. Наконец, следу-

ет думать, что открытый под Палаткой Никитичей участок находился в XVII в. не внутри, а снаружи церкви, хотя момент появления здесь белокаменных погребальных сооружений действительно восходит к самой ранней стадии развития некрополя, то есть к периоду от 1606 г. до завершения Смутного времени.

Как никогда очевидно, что даже убедительные на первый взгляд гипотезы требуют доведения исследования до конца и максимально возможной проверки на материале, в противном случае они способны сильно (вплоть до противоположных выводов) исказить реальную картину прошлого. Это – первый вывод и первый, так сказать, историко-ведческий, урок проведенных исследований.

Важные, но частные конкретно-исторические выводы предложены внутри разделов, и здесь мы их не повторяем. Вместо этого, попытаемся теперь суммировать результаты идентификационных процедур, полученные благодаря традиционной критике источников, натурным работам и тем анализам, которые относятся к кругу антропологических, биоархеологических и палеогенетических.

В рамках исследования мы описали сохранность скелетных материалов и обсудили ее возможные факторы; оценили параметры физического развития погребенных, и, где было возможно, реконструировали их облик по сохранившимся краниальным останкам; провели многофакторную идентификацию пола и биологического возраста; опираясь на данные палеопатологии, охарактеризовали состояние их здоровья на фоне сравнительных данных о населении этой эпохи, в том числе, рассмотрели вероятность недоедания, витаминной недостаточности и голода, реконструировали систему питания; сделали некоторые заключения о степени мобильности на протяжении жизни. Даже, если оставить пока в стороне вопросы соотнесения изученных погребений с захоронениями останков известных исторических лиц, с опорой на антропологический источник нам удалось получить независимую характеристику общего уровня жизни представителей влиятельного боярского рода в XVI–XVII вв.

Всего, *in situ* и в лабораторных условиях, нами были обследованы останки одиннадцати человек. Трое из них – маленькие дети: безымянные младенцы 5–7 месяцев (саркофаг № 1) и 9–12 месяцев (саркофаг № 2), а также княжна Евдокия Черкасская, скончавшаяся в возрасте 1,5–2 лет (саркофаг № 4).

В саркофаге № 3 был также захоронен ювенильный, по современным меркам, индивидуум – мальчик-подросток 13–15 лет, впрочем, по-видимому, воспринимавшийся уже как взрослый.

В могиле № 5, более ранней, чем погребения в белокаменных конструкциях, покоились останки мужчины 40–49 лет.

Комплексное биоархеологическое исследование показало, что женское погребение под плитой № 1 принадлежало замужней женщине 40–50 лет, т. е. рожденной, если отсчитывать от года смерти Марфы Никитичны, в 1560-х – 1570-х гг. (что в целом отвечает историческим данным). Женщине с очень низкой длиной тела, в раннем детстве и в подростковом возрасте преодолевшей рахит и неоднократно испытывавшей физиологические стрессы, может быть, вследствие особо строгих постов (или гонений на семью в середине 1570-х гг., в эпоху опричнины, о которых дошли смутные слухи).

Вместе с тем, данные изотопного анализа говорят о полноценной мясо-молочной диете, которой придерживалась эта женщина. Обращает на себя внимание и хорошее состояние зубной системы, и, в целом, отсутствие серьезных патологий. Высокий социальный статус покойной дополнительно подтверждают использование ею косметики (цинковых белил) и богатый головной убор. Судя по скелетным особенностям, ее повседневные занятия были связаны с рукоделием, жизнь протекала за прялкой.

Вещеведческий анализ волосника, включавший оценку технологии его изготовления, подтвердил датировку погребения XVI–XVII вв. Археологический контекст и антропологический анализ захоронения не исключают принадлежность скелета Марфе Никитичне Черкасской (Романовой). Однако окончательные выводы могли быть сделаны только после серии дополнительных экспертиз, включая палеогенетическое исследование.

В том же склепе, кроме останков женщины (при вскрытии оцененных как потревоженные лишь частично), найдены останки четырех взрослых мужчин, сохранившиеся значительно хуже. Трое из них скончались в близком возрасте, около 40 лет, один несколько моложе – около 35 лет. Рассмотрение морфологических особенностей двух сохранившихся краниумов и реконструкция внешнего облика погребенных говорят о большом индивидуальном разнообразии внешности, что, в принципе, не подтверждает гипотезу близкого биологического родства этих мужчин. Исследование посткраниальных скелетов четырех индивидуумов подтверждает это впечатление. Среди погребенных мужчин были опытные всадники. Останки одного из захороненных несут следы хронической бактериальной инфекции и относительной ранней прижизненной утраты зубов. Вместе с тем, изотопный анализ диеты у разных

погребенных (женщина и мужчины под плитой № 1, подросток из саркофага № 3) говорит о приверженности высокостатусному питанию, содержавшему большую долю белков животного происхождения. Анализ соотношения изотопов стронция (прижизненной мобильности) позволил установить, что, по меньшей мере, женщина и один из мужчин, погребенных под плитой с именем Марфы Черкасской, провели последний период жизни не там, где прошло их детство.

В рамках генетической экспертизы было изучено семь образцов костной и зубной ткани. Получены данные по структуре мтДНК для единственной предполагаемой женщины и для трех из четырех мужчин, погребенных вместе под плитой № 1. Различная структура мтДНК, выявленная для этих индивидов, исключает их прямое родство по материнской линии. То есть женщина не может быть матерью или родной сестрой (по матери) никого из трех исследованных мужчин.

Никита Романович был женат дважды, но первая супруга, Варвара Ховрина, умерла рано и среди детей Никиты к ней относят, и то с известной долей сомнения, лишь старшего, Федора-Филарета. Считается, что все остальные дети были рождены второй супругой, Евдокией Горбатовой-Шуйской. Согласно предположениям историков, Марфа появилась на свет после 1567 года, что делает ее происхождение от Варвары невероятным. Допустимо думать, что у них со старшим братом, Федором/Филаретом, разные матери, но всем остальным Никитичам и Никитичнам она, видимо, приходилось родной сестрой.

Но по результатам анализа мтДНК мужчины из склепа под плитой № 1 не могут быть сыновьями одной матери (т.е. родными братьями). Кроме того, исключаются варианты более отдаленного родства, при котором индивиды имели бы одинаковую структуру мтДНК, которая передается потомкам обоих полов только от матери. Перечисленные варианты родства исключены также между индивидами, погребенными под плитой № 1, и индивидами, погребенными в саркофагах № 3 и № 5, ведь и они имеют другую структуру мтДНК, уникальную в рамках исследованной серии индивидов.

Остается только один (вполне призрачный) вариант возможного родства женщины (предполагаемой Марфы) и кого-либо *одного* из этих мужчин как ее сводного брата. К сожалению, с точки зрения исторических источников такой брат у нее мог быть только один, Федор/Филарет, а он похоронен в подклете собора. Сохранность же генетического материала вряд ли позволит нам подтвердить или опровергнуть сложившийся взгляд на потомство Никиты Романовича.

Большинство из определенных генетической экспертизой вариантов мтДНК не демонстрируют информативной специфичности в распространении в современных популяциях Евразии: они представляют собой варианты западно-евразийских гаплогрупп, распространенных в широких географических пределах в западной части Евразии и не являются информативными с точки зрения филогеографии.

Исключением стал вариант мтДНК подростка, погребенного в склепе № 3, относящийся к филогенетическому кластеру J1d3a1. Кластер J1d3a специфичен для генофондов популяций Кавказа (в широком понимании) и Ближнего Востока. Выявленный вариант демонстрирует высокую специфичность распространения и встречается только в генофондах нескольких популяций Северного Кавказа, включая кабардинцев, адыгейцев и северных осетин. Результат говорит о локализации генетических корней подростка из саркофага № 3 (по линии матери) на территории Северного Кавказа, что подтверждает гипотезу о его родстве с князьями Черкасскими.

Специально обратим внимание на отсутствие указанной гаплогруппы у взрослых мужчин под плитой № 1. Из этого следует, что в склепе нет останков князя Бориса Черкасского, мужа Марфы Никитичны Романовой.

Тем не менее, случайный отбор для одновременного повторного перезахоронения четырех именно *мужских* скелетов маловероятен. У нас есть все основания думать, что в 1790-х годах, закладывая новую церковь и стремясь сохранить традицию почитания памяти Никитичей, строители и заказчики полагали (так же, как сначала и мы), что погребения вблизи склепа Марфы должны принадлежать ее братьям. Добросовестно заблуждаясь (или втайне предполагая расхождение с действительностью), они переместили отобранные останки в склеп, создав над ними новый мемориальный комплекс.

В заключение – еще один важный урок. Мы хотим обратить внимание на то, что база для сравнений наших результатов с данными предшественников невероятно узка, что не может не сказываться на конечных результатах. Материалы биоархеологических и палеогенетических экспертиз представителей бояр Романовых до сих пор фундаментально не публиковались, а останки, полученные при раскопках больших аристократических комплексов (некрополь Вознесенского монастыря, подклет собора Новоспасского монастыря и др.) методами палеогенетики не исследовались. В целом генетика боярских родов Москвы – *terra incognita* (исключение – инициированные А. В. Энговато-

вой пилотные палеогенетические исследования останков из погребений XVII в. в Троице-Сергиевской лавре, соотносимых с членами семьи Шеиных). Так что до сложения полноценной династической археологии Московского государства еще далеко. Мы надеемся, что начатые в Знаменской церкви Спасо-Преображенского монастыря исследования индуцируют, в том числе, и дальнейшую работу по созданию генно-антропологического банка данных ранних Романовых и других представителей московской аристократии XVI-XVII вв.

Несомненно, результаты комплексного междисциплинарного исследования погребений в Палатке Никитичей Новоспасского монастыря способствуют новому пониманию ряда важных эпизодов истории XVI-XVII вв., а также истории некрополя и всего монастыря – объекта историко-культурного наследия нашей страны, который вне пределов усыпальниц до сих пор остается почти не изученным археологически.

ПРИЛОЖЕНИЯ К РАЗДЕЛУ I

Приложение 1

НАЦИОНАЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТОВ
В ОБЛАСТИ
ИСКУССТВА

Долгих Е. В.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.115-117>

Экспертное заключение

Бокал из погребения в склепе № 1

Северная Европа, Нидерланды? Первая половина XVII века.

Стекло тонкостенное (содовое) прозрачное бесцветное; выдувание свободное; гутная работа.

Высота – 10,4 см, диаметр – 6 см, диаметр основания – 7,4 см.

Бокал изготовлен из прозрачного бесцветного стекла методом свободного выдувания. Чаша конусовидная тонкостенная, с незначительной округлостью в нижней части. Ножка в виде балясины, завершённой

Иозеф Плeпп (1595-1642). Натюрморт с вишней. 1632. ГЭ

Бокал. Нидерланды (Нижние земли). Вторая половина XVII в. (Beyond Venice, 2004. P. 239)

маленьким шаровидным элементом («барабан»). Под корпусом чаши и под балясиной находятся небольшие диски («шайбы»). Основание круглое, слабо коническое, по диаметру шире края чаши.

Бокал представляет собой образец стекла в стиле «фасон де венис». Как известно, с конца XVI века и на протяжении XVII столетия европейское стеклоделие развивалось под сильным влиянием венецианского. Тем не менее, каждый европейский стеклоделательный центр внёс некоторые коррективы в так называемый венецианский фасон, обусловленные местным сырьём, технологическими традициями производства, уровнем мастерства стеклоделов, вкусами потребителей и т. д. В итоге сложилась определённая региональная типология формования и художественной обработки стекла. Бокал, представленный к исследованию, типологически относится к нидерландскому стекольному центру. Характерными признаками стеклянных изделий этого региона является лёгкость и тонкие гладкие стенки, так как в Нидерландах изготавливали содовое стекло по венецианской рецептуре. Наряду с такими типичными нидерландскими формами бокалов как «серпент» и «флейта», распространяется невысокий конусовидный бокал на короткой ножке-балясине («verres ordinaries»), у которого нарушено соотношение диаметра края чаши и основания, последнее, как правило, больше по величине. Подобные гладкостенные бокалы без декорирования в горячем или холодном состоянии, появляются в конце XVI – начале XVII века и получают широкое распространение в европейском быту первой половины столетия. Во второй половине XVII века их нередко украшают гравированным каллиграфическим орнаментом, выполненным алмазным штихелем. В начале XVIII века невысокие бокалы с основанием большего диаметра, чем край чаши, почти не встречаются. Таким образом, можно предположить, что бокал, представленный к исследованию, был изготовлен в первой половине XVII века.

См. литературу: *Hess, Husband*, 1997. P. 73–125 (Венеция), 127–189 (Фасон де Венис), 191–243 (Нидерланды); *Baumgartner*, 2003; *Dreier*, 1989; Кубе, 1923.

Аналоги подобного бокала можно встретить как в музейных собраниях, так и в живописи первой половины столетия:

Долгих Е. В., член НОЭКСИ (удостоверение № 003)

Приложение 2

Текстиль из погребений в Палатке Никитичей

И. И. Елкина (ИА РАН)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.118-128>

Текстильные остатки были зафиксированы внутри всех белокаменных погребальных конструкций, за исключением детского саркофага № 2. Выявленный текстиль находился в разной степени сохранности. Часть предметов атрибутирована, в данной главе дается их описание.

Склеп № 1. Внутри белокаменного склепа под надгробной плитой оказалось довольно большое хаотичное нагромождение человеческих костей, перемешанных с многочисленными текстильными фрагментами от одежды и предметов погребального назначения. Среди этих текстильных фрагментов были выделены остатки двух мужских рубаш (декоративные отделки, выполненные в технике золотной вышивки) (*при дальнейшем описании – рубашки 1 и 2*); фрагменты одежды, сшитой из шелковой камки; два погребальных венчика (*при дальнейшем описании – венчики 1 и 2*); фрагменты шелкового (камка) погребального покрывала с крупным растительным орнаментом. Этот текстиль относится к XVI–XVII вв. Но, помимо этого, зафиксированы небольшие бесформенные фрагменты темного однотонного бархата и шелка репсовой структуры, характерные для бытования в более позднее время. Кроме того, выявлены остатки (голенища) кожаных сапог на шнуровке, обтянутых шелковой тканью (Рис. 1).

На дне склепа под нагромождением костей и текстильных остатков находилось женское захоронение (погребение № 6). На черепе погребенной оказались остатки головного убора (волосника). На поверхности волосника зафиксирован небольшой сильно деформированный фрагмент погребального венчика (*при дальнейшем описании – венчик 3*).

Саркофаги № 1 и № 4. При изучении погребений на дне детских саркофагов № 1 и № 4 были зафиксированы текстильные остатки,

вероятно, савана. К сожалению, текстиль оказался неудовлетворительной сохранности, практически полностью истлевший, волокна ткани сильно разрушены, ткань рассыпалась при малейшем прикосновении. В обоих случаях удалось определить лишь структуру ткани, характерную для шелковой ткани (камки). Для ткачества использованы некрученые нити шелка (Рис. 2).

Саркофаг № 3. В саркофаге № 3 поверх костных останков подростка фиксировались многочисленные текстильные фрагменты. Фрагменты ткани, вышивки и плетения находились в области шейных позвонков, ключиц, грудины, ребер, плеч, тазовых костей, а также колен. На дне саркофага справа от костяка (от локтя до колена) была отмечена узкая плетеная полоса тесьмы, в области колен поворачивавшаяся, продолжаясь по верхней части большеберцовых костей скелета. Все выявленные текстильные фрагменты являются остатками рубахи (*при дальнейшем описании – рубаха 3*) – ее декоративными элементами, выполненными из шелка и металлических нитей. Кроме того, поверх декоративных элементов в виде многочисленных фрагментов фиксировались сильно разрушенные остатки тонкой шелковой ткани (камки?) – вероятно, покрывавшего усопшего в момент похорон (Рис. 8).

Волосник. Остатки головного убора замужней женщины – волосника – обнаружены на черепе погребенной из белокаменного склепа 1. Как и все известные на сегодняшний день волосники XVI–XVII вв., он состоит из очелья и ажурного верха (Рис. 3).

Очелье данного волосника гладкое, ничем не украшено. Оно выполнено из полосы тонкой шелковой ткани шириной 4 см. Ткань полотняного переплетения, высокого качества изготовления. Для ткачества использованы некрученые нити, предварительно окрашенные в красный цвет (вероятно, для окрашивания использовались корни марены красильной *Rubia tinctorum*). Их толщина по основе и утку составляет 0,12–0,15 мм. Плотность нитей – 42 н/см по основе, и 48 н/см по утку. Основа и уток приняты условно.

На затылочной части очелья волосника частично сохранились петли, шитые из аналогичной ткани. Через эти петли проходил шнурок для тугого стягивания сзади по размеру головы. Из той же ткани выполнена подкладка очелья.

Ажурный верх волосника выполнен в технике плетения на раме «спрэнг» (sprang). Орнамент волосника состоит из небольших ромбов высотой 2 см по всей его поверхности. Для плетения использованы красные шелковые нити толщиной 0,2–0,3 мм. (Рис. 4)

Плетеная часть волосника на макушке стянута при помощи красной шелковой ленты шириной 6 мм.

Очелье и ажурный верх сшиты между собой красной шелковой нитью.

В настоящий момент известны более 30 средневековых волосников. Все они археологические и выявлены в разной степени сохранности, целыми и во фрагментах (см.: *Ефимова, Алешина, Самонин*, 2000. Рис. 15, с. 21, 228; *Елкина*, 2005; С. 85–114; *Елкина*, 2008. С. 142–149., *Елкина*, 2013. С. 230–238; *Латышева, Рабинович*, 1966. С. 228–229; *Орфинская, Голиков, Елкина*, 2012, С. 79–86; *Спирина*, 1981. С. 461). Их очелья обычно выполнялись из красной шелковой ткани или (реже) из широкой орнаментированной золотной ленты. Шелковые очелья подавляющего большинства известных на сегодняшний день волосников украшены вышивкой золотными и цветными нитями. В орнаментации использовались такие элементы орнамента как древа, животные, в том числе и фантастические, птицы. Гладкое, ничем не украшенное очелье волосника, скорее, является исключением. Автору известны лишь три волосника с гладким, ничем не украшенным очельем. Это захоронения цариц Софьи Палеолог и Елены Глинской из Вознесенского монастыря Московского Кремля (*Панова, Синицына*, 1987. С. 338–341), а также захоронение Варвары Ивановны Ховриной, первой жены боярина и государева дворецкого Никиты Романовича Юрьева в подклете Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря.

Плетение кружев на деревянной рамке «спрэнг» (sprang) является одним из древнейших видов женского рукоделия, судя по археологическим находкам Швейцарии, Дании, Египта и других стран. Принцип плетения на раме заключается в том, что на специальную рамку натягиваются вертикальные параллельные нити, образуя в двух плоскостях четные и нечетные ряды. Затем смежные нити пальцами последовательно перевиваются между собой в одну сторону в $\frac{1}{2}$, $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$ и более неполных оборотов. Для фиксации перевитых мест между рядами поочередно вставляется пара палочек. Таким образом, изделие плетется от концов к середине. Окончание работы фиксируется нитью, шнуром или лентой. Большинство известных на сегодняшний день волосников XVI – начала XVII вв. выполнены в подобной технике. Зародившееся в Италии в XVI в. и быстро распространившееся по всей Европе (Испания, Нидерланды, Германия, Швейцария) коклюшечное кружево (*Курс женских рукоделий*, 1902. С. 448) во второй половине XVII в. пришло в Россию и постепенно вытеснило плетение на деревянной рамке. Ныне плетение на рамке стало одним из забытых древних ремесел.

Рубахи. Во время исследований внутри погребальных конструкций были выявлены остатки трех рубах. Все фрагменты представляют собой декоративные элементы отделки.

Рубаха 1. Остатки рубахи 1 обнаружены среди хаотичного нагромождения человеческих костей в белокаменном склепе 1.

От рубахи сохранились ворот (передец) с ожерелком с глубоким разрезом, шлица для шага (в нижней части переднего полотнища), фрагмент подпушки рукава и подола, а также несколько фрагментов тесьмы, оформлявшей конструктивные швы рубахи (Рис. 5).

Декоративные элементы рубахи имеют следующие размеры: общие размеры ворота 310×100 мм, длина разреза – 280 мм; общие размеры шлицы 170×100 мм, длина разреза – 140 мм.

Декоративные элементы оформления были вышиты непосредственно по поверхности самой рубахи золотными нитями в технике тамбура. В зеркально-симметричной композиции орнамента вышивки шириной 18 мм использованы растительно-геометрические мотивы (в элементах угадываются стилизованные деревья и бутоны цветов). Вышивка чередуется с длинными тройными петлицами, расположенными через каждый раппорт орнамента (через 40 мм на вороте и шлице и через 25 мм на вошвах). Петлицы шириной 3 мм и длиной 48 мм сплетены из золотных и цветных шелковых нитей, образуя орнамент в виде золотой цепи на красном фоне. На вороте всего 6 групп петлиц (по три ряда в каждой группе), на шлице 3 группы петлиц. Ворот у горла дополнительно завязывался на витой шелковый шнурок (Рис. 6).

Конструктивные швы рубахи были окантованы красной тканой шелковой лентой шириной 4 мм.

Подпушки под декоративные элементы (обтачки), манжеты и подол изготовлены из широких полос шелковой ткани полотняного переплетения (ширина 40 мм для ворота и шлицы, ширина 35 мм для подола и рукавов), сотканной из предварительно окрашенных в красный цвет некрученых нитей основы и утка. Хроматографический анализ показал, что для окрашивания нитей использовались корни марены красильной *Rubia tinctorum*. Их толщина по основе и утку составляет 0,12–0,15 мм. Плотность нитей по основе составляет 30 н/см, по утку – 40 н/см. Полосы подпушки подшивались и подгибались таким образом, что налицевую сторону выходила только узкая полоска ткани шириной 4–5 мм.

Рубаха 2. Остатки рубахи 2 выявлены среди хаотичного нагромождения человеческих костей, фрагментов текстиля и древесины над захоронением в белокаменном склепе 1. От рубахи сохранились ворот

(передец) с ожерелком, две вошвы, шлица. Кроме того, имеется одна ластовица квадратной формы размерами 12×12 см из красного шелка, а также большое количество золотной тесьмы, оформлявшей конструктивные швы рубахи (Рис. 7).

Декоративные элементы рубахи имеют следующие размеры: общие размеры ворота 360×106 мм, длина разреза – 310 мм; общие размеры каждой вошвы с петлицами 210×106 мм, длина разреза – 100 мм; общие размеры шлицы 190×106 мм.

Все декоративные элементы оформления были вышиты по поверхности самой рубахи золотными нитями в технике двойного тамбура. Орнамент вышивки шириной 25 мм составлен из завитков, образующих стилизованные «дерева». Композиция орнамента зеркально-симметричная.

Непосредственно на вышивку нашиты длинные тройные петлицы. Петлицы длиной 53 и шириной 2.5 мм выполнены из тесьмы, сплетенной «косичкой» из золотных нитей в 5 концов, Расстояние между группами петлиц составляет 13–14 мм. На вороте всего 13 таких групп, на вошве 5 групп, на шлице 3 группы петлиц. Ворот у горла дополнительно завязывался на витой шелковый шнурок.

Конструктивные швы рубахи были окантованы тесьмой шириной 4 мм, плетеной в семь концов и изготовленной из золотных нитей в технике полутканья.

Ткань самой рубахи полностью истлела.

Подкладки под декоративные элементы изготовлены из полос шелковой ткани полотняного переплетения, сотканной из окрашенных в красный цвет некрученых нитей основы и утка. Плотность нитей по основе 32 н/см, по утку – 40 н/см. Основа и уток приняты условно.

Рубаха 3. Остатки рубахи 3 происходят из саркофага № 3, где они находились на костяке погребенного подростка 13–15 лет (Рис. 8).

Визуальные наблюдения показали, что ткань самой рубахи полностью истлела, но от нее довольно хорошо сохранились несколько декоративных элементов оформления: ворот (передец) с глубоким прямым вертикальным разрезом, вошвы (декоративные детали на рукавах в области плеч) и шлица для шага (в нижней части переднего полотнища). Также в захоронении выявлены несколько фрагментов узких полос плетеной тесьмы, которая когда-то оформляла все конструктивные швы рубахи, окаймляла горловину и подол. Кроме того, слева, в области ребер, обнаружена ластовица в виде шелкового квадрата, также окантованного плетеной тесьмой (Рис. 9 и 10).

Размеры декоративных элементов рубахи: общие размеры ворота 390×130 мм, длина разреза – 330 мм; общие размеры каждой вошвы с петлицами 190×110 мм, длина разреза – 100 мм; общие размеры шлицы 160×130 мм, длина разреза – 110 мм.

Все декоративные элементы были вышиты непосредственно по поверхности самой рубахи (ткань рубахи не сохранилась) золотными нитями в технике двойного тамбура. Именно наличие металла объясняет их сохранность. В симметричной композиции орнамента вышивки шириной 25 мм использованы растительно-геометрические мотивы. Вышивка чередуется с длинными тройными петлицами, расположенными через каждый раппорт орнамента (через 28 мм на вороте и шлице и через 35 мм на вошвах). Петлицы шириной 2,5 мм и длиной 55 мм сплетены из металлических нитей. Разрез внутри каждого декоративного элемента окантован плетеной тесьмой шириной 4 мм, аналогичной тесьме, которой были оформлены конструктивные швы рубахи, горловина и подол. Под каждым декоративным элементом сохранилась обтачка (подпушка) в виде полосы окрашенной ткани шириной до 55 мм.

Для обтачек (подпушек), которые подшивались под декоративные элементы с изнаночной стороны рубахи в виде широких полос, использована тонкая шелковая ткань высокого качества изготовления. Ткань полотняного переплетения соткана из предварительно окрашенных в красный цвет, довольно равномерных по толщине, некрученых нитей основы и утка. Для окрашивания нитей использовались корни марены красильной *Rubia tinctorum*. Их толщина по основе и утку составляет 0,12–0,15 мм. Плотность нитей по основе составляет 30 н/см, по утку – 40 н/см. Основа и уток приняты условно

В зависимости от выбора протравы при крашении получался определенный цветовой оттенок. Для определения протравы, по которой выполнялось окрашивание ткани обтачек, мы опирались на результаты РФА образцов подкладки. Анализ выявил стойкое содержание большого количества железа в каждом образце. Наличие других металлических элементов в образце, таких как медь и серебро может объясняться непосредственным контактом с металлическими нитями декоративной отделки рубахи.

Для вышивки и плетения декоративных элементов рубахи были использованы пряженные золотные нити одного и того же качества толщиной 0,3 мм. Они получены путем навивки полосок позолоченного серебра шириной 0,5 мм на шелковую нить (сердечник). Сохранность этих

металлических полосок крайне неудовлетворительная. Металл на них практически полностью окислен и частично осыпался.

Рентгенофлуоресцентный анализ нитей вышивки и плетения показал в них наличие большого количество серебра, небольшое количество меди и очень незначительное содержание золота. Такое процентное содержание металла подтверждает вывод, что для украшения рубахи были использованы пряденые нити позолоченного серебра, а не чистого золота. Дело в том, что в период позднего средневековья на Руси для рукоделия широко использовались пряденые золотные нити, в которых содержание золота было совсем незначительным. Для изготовления таких нитей применялись полоски позолоченного серебра, полученные с использованием технологии «огневого золочения». Суть технологии заключается в том, что на поверхность серебра наносился раствор золота в ртути. Затем металл нагревался, ртуть испарялась и на поверхности серебра образовывалась тонкая пленка золота (Рис. 12).

Макрофото, выполненные с помощью конфокального флуоресцентного микроскопа, а также в вакуумной камере при выполнении РФА, дает возможность понять структуру сердечника пряденой золотной нити. Центральная нить (сердечник), на которую затем навивались полоски позолоченного серебра, представляет собой нить, состоящую, в свою очередь, из двух некрученых шелковых нитей толщиной 0,15 мм, свитых между собой в S-направлении с шагом 6 мм (Рис. 13).

Следует иметь в виду, что до наших дней целыми дошли только три средневековые рубахи (две хранятся в музейной коллекции ГИМ, третья – в Суздальском музее-заповеднике). Все остальные известные экземпляры (их насчитывается уже более 25) найдены при археологических раскопках и представлены лишь во фрагментах (в основном это, как и в нашем случае, декоративные отделки). Каждая рубаха уникальна по своей орнаментации. Декоративные элементы оформлялись с высоким качеством самыми разнообразными вариантами вышивок и плетения, с использованием, в основном, золотных и красных шелковых нитей. В нашем случае основная ткань рубах не сохранилась, даже под вышивкой. Можно предположить, что они были льняными или спитыми из неокрашенного шелка.

Декоративные элементы оформления всех трех рубах (ворот, вошвы и шлица) были выполнены по основной ткани рубахи в технике вышивки тамбурным швом. Орнамент на рубахе 1 выполнен в технике простого тамбурного шва, на рубахах 2 и 3 зафиксирован двойной тамбурный шов. Тамбурный шов представляет собой ряд петель,

выходящих одна из другой. Он выполнялся при помощи тонкого крючка с острым кончиком по лицевой ткани изделия, в то время как рабочая нить располагалась на изнаночной стороне. Двойной тамбурный шов, в отличие от простого, был более сложным в исполнении, а вышитая строчка получалась довольно плотной. По всей видимости, такой способ золотной вышивки был популярным для украшения мужской рубахи на территории Московской Руси в XVI–XVII вв. Более половины известных на сегодняшний день средневековых рубах были вышиты именно таким способом. В их числе имеются две рубахи, происходящие из усыпальницы Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря: это рубаха В. В. Сицкого (†1568 г) и неизвестного (вторая четверть XVI в.) (Елкина, 2005. С. 89–90).

Нашивные петлицы (разговоры) в период средневековья часто украшали верхнюю распашную одежду и рубахи. Петлицы наряду с выполнением декоративной функции являлись застежкой. Правые петлицы заканчивались маленькой петелькой, левые – узелком-пуговкой. Существовало несколько вариантов изготовления петлиц, но чаще всего они были плетеными. Для изготовления петлиц для всех трех рубах была использована техника плетения «косичка» в 5 концов. Плетеная «косичка» складывалась вдвое и сшивалась. Петлицы для рубах 2 и 3 плетены из золотных пряденых нитей. Для изготовления петлиц на рубаху 1 использованы две золотные и три красные шелковые нити, образуя при плетении орнамент в виде золотой цепи на красном фоне. Изготовленные таким способом петлицы затем нашивались на рубаху (Рис. 11).

Существуют несколько типов оформления декоративных элементов рубахи петлицами. Сплошные ряды петлиц; петлицы, сгруппированные по 2–3 и чередующиеся с вышитым орнаментом; петлицы, сгруппированные и наложенные на вышитый орнамент. На всех трех рассматриваемых нами рубахах петлицы сгруппированы по 3 штуки. На рубахах 1 и 3 они чередуются с вышивкой, на рубахе 2 наложены непосредственно на вышивку.

Конструктивные швы рубах оформлялись вшиванием между деталями или наложением на швы цветных полос из плетеной тесьмы или тканой ленты.

У рубах 2 и 3 конструктивные швы были оформлены плетеными тесьмами, выполненными в технике полутканья. Это простая и довольно распространенная техника в эпоху средневековья. Для изготовления такой тесьмы во всех трех случаях использованы пять двоянных золотных нитей.

Для оформления рубахи 1 использованы тонкие шелковые ленты.

Хотя от рубахи мы имеем лишь декоративные элементы оформления, мы можем практически полностью воссоздать ее первоначальный облик. Дело в том, что традиционная средневековая мужская рубаха в течение многих веков имела довольно устойчивый туникообразный крой и определенное расположение декоративных элементов на ней. Материалом для рубахи служили льняные или шелковые ткани. Поскольку домотканый холст был узким, с боков в стан рубахи вшивались прямоугольные или клиновидные «бочки». (Забелин, 1915. С. 435, Пармон, 1994. С. 168–170). На подоле выполнялся разрез – шлица (прореха для шага). Для обеспечения свободы рук между рукавами и бочками под мышками вставлялись квадратные или ромбические ластовицы. С изнанки, на спине и груди могла подставляться «подоплека» – второй слой ткани. Рубаха обязательно подпоясывалась (Беловицкий, 1997. С. 7; Крестьянская одежда, 1972; Пармон, 1994. С. 163–170; Рабинович, 1986. С. 66).

На основе проведенных исследований была выполнена графическая реконструкция облика рубахи 3, принадлежавшая подростку 13–15 лет из саркофага № 3 (Рис. 14). Рубаха из захоронения реконструируется следующим образом: рубаха туникообразного покроя была белой, шитой из неокрашенного льна или шелка. Длина рубахи от верха до подола составляла 88 см и доходила до колен. Ворот рубахи имел глубокий центральный разрез, украшенный золотной вышивкой с растительно-геометрическими мотивами и чередующимися с ней тройными рядами плетеных золотых петлиц-застежек. Нижние две группы тройных рядов петлиц были чисто декоративными. Подобным образом декорированы вошвы, располагающиеся на длинных рукавах до кистей, и шлица в центре подола. В обоих случаях в оформлении этих элементов петлицы несли также только декоративную функцию. На все швы рубахи были нашиты золотые тесьмы. Той же самой тесьмой были окантованы горловина и подол.

Элементы погребального обряда

Текстильные элементы погребального обряда из захоронений представлены покрывалами, саванами (?) и налобными венчиками.

Покривала и саваны. Среди нагромождения человеческих останков, разрозненных текстильных фрагментов и остатков гробовища в склепе № 1 выявлены крупные (длиной до 80 см) сильно деструктурированные фрагменты погребального покрывала (савана?). Ширина ткани составляла не менее 55 см. По всей вероятности, погребальное покрывало представляло собой

отрез шелковой ткани (камки) с крупным растительным орнаментом. В орнаменте ткани использованы чешуйчатые (треугольники) и шашечные элементы, характерные для венецианских тканей (Рис. 15).

Остатки погребальных саванов (?) из шелковой камки в виде многослойных фрагментов, указывающих на то, что тело погребенных было замотано в ткань, зафиксированы в двух детских захоронениях (саркофаги № 1 и № 4).

Многочисленные фрагменты шелковой сильно разрушенной ткани покрова были зафиксированы в захоронении подростка из саркофага № 3. Остатки находились на поверхности декоративной отделки ворота рубахи (рубаха 3) и на костяке. Для этой ткани с помощью конфокального флуоресцентного микроскопа было выполнено макрофото, выявившее ее структуру (Рис. 13).

Погребальные венчики. Погребальные налобные венчики представляют собой узкие полосы шелковой ткани, на которых вышиты Голгофские кресты. Очевидно, что венчики изготавливались «на скорую руку» перед погребением. Для них нехарактерно высокое качество изготовления и вышивки, которое прослеживается, например, в изготовлении рубах или волосников. На некоторых предметах отмечаются неровно отрезанные и неаккуратно подогнутые края ткани, довольно крупные небрежные стежки вышивки, выполненной явно наспех.

Погребальный венчик 1 происходит из женского захоронения в склепе 1 (Рис. 16а). Небольшой фрагмент погребального налобного венчика размерами 40×31 мм зафиксирован на очелье женского головного убора волосника. Венчик представлял собой полосу шелковой ткани (камки?) шириной 3,1 см, на которой золотными нитями в технике тамбурного шва и «в прикреп» выполнена вышивка. Для вышивки были взяты пряженные золотные нити, состоящие из шелкового сердечника с навитой на него полоской металла в S направлении. В качестве прикрепа использованы тонкие шелковые нити. К сожалению, фрагмент небольшой, и на нем имеется всего одно изображение 8-конечного Голгофского креста и надпись:

ЦРЬ СЛВЫ
IC XC

.....

Но скорее всего, первоначально, это изображение на поверхности повторялось 5 или 7 раз, аналогично с ранее известными целыми экземплярами XVI–XVII вв.

Погребальный венчик 2 выявлен среди хаотичного нагромождения человеческих костей, фрагментов текстиля и древесины над захоронением в белокаменном склепе 1 (Рис. 16б).

Венчик длиной 54 см и шириной 4,6 см выполнен из сложенной вдвое полосы светлой шелковой камчатной ткани. В орнаменте ткани использованы шашечные элементы, характерные для венецианских тканей. На поверхности венчика пять вышитых восьмиконечных Голгофских Креста (Голгофа изображена в виде ступеней). Под крестом в виде окружности – символическое изображение Главы Адама. По обеим сторонам от креста выполнена надпись:

ЦР СЛ
 ІС ХС
 НИ.....КА

Вышивка выполнена сдвоенными золотными нитями в технике простого тамбурного шва. Пряденные золотные нити состоят из шелкового сердечника с навитой на него полоской металла в S направлении.

Погребальный венчик 3 также выявлен среди хаотичного нагромождения человеческих костей под плитой № 1 (Рис. 16в).

Венчик длиной не менее 43,5 см и шириной 3,6 см выполнен из полосы светлой шелковой камчатной ткани. На поверхности венчика шесть близко поставленных друг к другу вышитых шестиконечных Голгофских Крестов (Голгофа изображена в виде ступеней). Пряденные золотные нити состоят из шелкового сердечника с навитой на него полоской металла в S направлении. По всей вероятности, на венчике было изображено семь крестов. Ввиду того, что сохранился край одной стороны венчика, то можно реконструировать его длину. Полная длина венчика составляла 56 см.

Приложение 3

Обувь из коллективного перезахоронения в склепе № 1 (предварительное заключение)

Д. О. Осипов

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-266-7.129-131>

Среди обрывков текстиля и обломков древесины гроба, обнаруженных при расчистке коллективного перезахоронения останков, попавших в зону строительства храма, присутствует фрагментарно сохранившаяся обувь. Ее основу составляет одночастное кожаное голенище высотой 42 см. и диаметром 18 см, обтянутое шелковой тканью репсового плетения. С внешней стороны обшивка голенища имеет вертикальный разрез, скрепленный плетеным нитяным шнурком, продетым сквозь 10 пар люверсов, обшитых по периметру нитью (рис. 1, 2). Передняя часть голенища выкроена зацело с головкой, а задняя примыкала непосредственно к отсутствующей подошве, поскольку отдельно выкроенного задника (задинки) данная конструкция не имела. Верхняя часть шелковой обшивки подвернута внутрь и подшита к кожаной основе переметочным швом (рис. 3). В нижней части голенища жесткость пяточного узла обеспечивала сохранившаяся берестяная пластина, скрепленная с кожаным голенищем сквозным швом, маркированного тремя рядами отверстий (рис. 4).

Определение формы кроя деталей и фасона найденной обуви затрудняет хрупкость кожи и отсутствие нескольких деталей: стельки, подошвы и каблука, очевидно утраченных во время перезахоронения, поэтому более детальное исследование, отложено до окончания процесса пластификации кожаной основы и закрепления структуры тканевой обшивки.

Предварительное заключение позволяет отнести найденную полу-пару к высокой обуви рантовой конструкции, изготовленной с использованием технологии ручной затяжки (затяжка – процесс «надевания»

верха обуви на затяжную колодку). Судя по крою и размеру деталей верха, сапог принадлежал мужчине (конструктивное различие мужской и женской обуви появляется только в Новое время).

Из-за отсутствующих деталей низа, форма изделия больше похожа на гетры (фр. *guêtre*) – застегивающегося накладного голенища, делавшегося из кожи или плотной ткани. История этого утепляющего ноги аксессуара, берет начало в XVI веке. Кожаные гетры неоднократно запечатлены на картинах европейских художников. В частности, их можно видеть на ногах английского горожанина, изображенного Гансом Гольбейном младшим (*Boucher, Deslandres, 1996. S. 234. P. 480*). Два столетия спустя гетры (гамаша) становятся деталью военного костюма, а также используются светскими аристократами, носившими их с короткими брюками (*Курсанова, 1995. С. 77*; само слово «брюки», от нидерл. *broek*, появилось в России в связи с петровскими реформами).

Однако, при более тщательном осмотре затвердевшего и смятого фрагмента удалось выявить головку (перед), выкроенную зацело с передней частью обшивки голенища (рис. 2). Кроме того, пяточная часть изделия с внутренней стороны оказалась укреплена не характерной для гетр берестяной вставкой, что позволяет атрибутировать эту находку как фрагментарно сохранившийся сапог.

Нужно отметить, что для городского костюма XVIII века, соответствовавшего европейской моде, более характерна низкая обувь (башмаки, туфли), поверх которых и одевались гетры (гамаша). Отыскать сапоги, голенище которых напоминает корсет, мне не удалось ни в литературе по истории европейской моды, ни в трудах по истории военного костюма, поскольку в европейских странах высокая обувь использовалась преимущественно путешественниками и военными. Единственное упоминание о сапогах на шуровке относится к гайдукам, служивших в войсках Речи Посполитой (*Кузьмич и др., 2010. С. 54*). Отсутствует подобный фасон и на многочисленных ростовых портретах XVIII столетия.

Драпировка обуви, в том числе и сапог, плательными тканями широко распространяется в России с начала XVIII столетия, хотя о ее существовании известно и раньше. Один из иностранных визитеров – Аксель Гюльденстиерне упоминает, что в 1602 году Борис Годунов прислал в дар жениху дочери Ксении герцогу Гансу Шлезвиг-Гольштинскому «четыре пары парчовых сапог, подкованных под пяткой серебром» и «пару сапог из красного и желтого червчатого бархата» (*Гюльденстиерне, 2009. С. 87*). Подобная обувь, в качестве домашней

(внутрипокойной), использовалась представителями русской аристократии и в Новое время. Пара таких сапог, изготовленных из зеленого бархата и украшенных золотным шитьем, хранится в отделе ткани и костюма Исторического музея (Осинов, 2006. С. 71).

Подобную обувь могли носить лишь с коротким (до колен) кафтаном камзолом и кюлотами. Начало распространения европейского костюма в среде российской аристократии связано с новыми эстетическими идеалами, прочно утвердившимися в период царствования Петра I. Впоследствии мужской дворянский костюм продолжает меняться в соответствии с развивающейся в обществе галломанией и достигает при Екатерине II максимальной пышности.

Шелковая обшивка верха исключает принадлежность найденных в погребении сапог к уличной обуви и указывает на высокий статус ее владельца. Использование для костюма (частью которого является обувь) именно шелковой ткани, входит в моду в середине XVIII в. (Комиссаржевский, 1998. С. 310).

Суммируя вышесказанное можно заключить, что найденный в погребении сапог принадлежал знатному и богатому мужчине. Судя по фасону и отделке эта обувь, сшитая по европейской моде, предназначалась для светских выходов. Шнуровка в сочетании с шелковой отделкой характерна для эпохи рококо, когда значение декора в мужском костюме существенно возрастает.

По причине редкости подобного фасона и отсутствия целого ряда деталей, на сегодняшний день датировать изделие можно в широких пределах: середина – вторая половина XVIII века, что соответствует времени погребения индивида при строительстве Знаменской церкви.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адриан*, иеромонах. Краткое описание ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1821.
- Акты Исторические*, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1841. IV, 438, 31 с.
- Алексеев В. П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 129 с.
- Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории // Хроники смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. 608 с. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). С. 163–210.
- Археология и общество.* Вторая ежегодная конференция. Археология исторических некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления. М., 2015. 160 с.
- Археология сакральных мест России.* Сборник тезисов докладов научной конференции с международным участием (Соловки, 7–12 сентября 2016 г.). Соловки, 2016. 289 с.
- Барсов Е. В.* Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова и дачи по нем на помин душа // ЧОИДР. М.: Университетская типография (М. Каткова) на Страстном бульваре, 1887. Кн. 3. 128 с.
- Барсуков А. П.* Род Шереметевых. Книга третья. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1883. – 559 с.
- Беловицкий Л. В.* Типология русского народного костюма. Серия «Традиционные промысла и ремесла». М.: Изд-во «Родник», 1997. № 3. 30 с.; ил.
- Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты и Московской Руси XIII–XVII вв. М.: Прогресс-традиция, 1996.
- Беляев Л. А.* Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: «Даниловский благовестник»; Институт археологии РАН; 2012. – 504 с., илл.
- Беляев Л. А.* Усыпальница князей Пожарских и Хованских в Суздале и «архитектура памяти» в Московском государстве XVI–XVII веков: к постановке вопроса // На пороге тысячелетия. Суздаль в истории и культуре России.

- К 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях: [Сб. ст.] / Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник; [Сост. М. Е. Родина]. Владимир, 2015а. С. 12–26.
- Беляев Л. А. Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веши средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию академика Н. А. Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии; [редкол.: П. Г. Гайдуков (отв. ред.) и др.] – Москва-Вологда: Древности Севера, 2015б. С. 365–374.
- Беляев Л. А. О дате смерти В. И. Ховриной, первой жены боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьева // РА. № 3. 2015в. С. 146–150.
- Беляев Л. А. Капелла франков в Новом Иерусалиме? Архитектурно-археологические объекты у южного фасада Воскресенского собора (предварительное сообщение) // Архитектурное наследство. Вып. 65. М., 2016. С. 68–83.
- Беляев Л. А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // КСИА. Вып. 252. 2018. С. 219–232.
- Беляев Л. А. Новоспасский монастырь: некрополь // Православная энциклопедия. Т. 51. М., 2018а. С. 704–727.
- Беляев Л. А. Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. № 3, 2018б. С. 2–7.
- Беляев Л. А., Батанина М. С., Глазунова О. Н., Решетова И. К., Савельев Н. И. Работы в Ивановском монастыре в 2017 году // Города. Селища. Могильники. Раскопки 2017 года. М., 2018в. С. 40–45. (Материалы спасательных археологических исследований, т. 25).
- Беляев Л. А., Бусева-Давыдова И. Л., науч. ред. Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению. Реставрация 2009–2015 годов. М.: [Коллектор], 2016. – 312 с., илл.
- Беляев Л. А., Елкина И. И., Лазукин А. В. Новые исследования некрополя рода Романовых в Новоспасском монастыре // Вторая ежегодная конференция «Археология и общество». Археология исторических некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления. М.: ИА РАН, 2015. С. 71–75.
- Беляев Л. А., Елкина И. И. «Усыпальница Романовых» в Знаменском соборе Новоспасского монастыря: работы 2013–2014 годов // КСИА. 2016. Вып. 245. 2016. С. 131–148.
- Беляев Л. А., Елкина И. И., Рассказова А. В., Медникова М. Б. Комплексное исследование саркофага 3 Знаменской церкви Московского Новоспасского монастыря // Российская археология. 2017. № 4. С. 90–105.
- Бужилова А. П. Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. – 320 с.
- Бужилова А. П. К вопросу о распространении традиции верховой езды: анализ антропологических источников // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. А. П. Бужилова (ред.). М.: Параллели. С. 110–120.

- Бужилова А. П., Козловская М. В., Лебединская Г. В., Медникова М. Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998. 260 с.
- Булычёв А. А. Несколько замечаний о русском средневековом погребальном обряде (разрешительные грамоты и их «запечатывание» как обрядовый жест) // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы и исследования в трех томах Т. 1. М.: «Куна», 2009. С. 327–356.
- Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Фёдоровича. Издание Комитета для устройства празднования трёхсотлетия царствования Дома Романовых. СПб., Государственная типография, 1913. 225, XIII с., 20 л. цв. ил.
- Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М.: Медгиз, 1960. 397 с.
- Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Халдеева Н. И. Захоронение царицы Анастасии Романовны. 1560 год... Антропологическое исследование останков // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы и исследования в 4-х томах. Т. 3. Погребения XVI – начала XVII века. Ч. 1. Отв. ред.-сост. Т. Д. Панова. М.: Государственные музеи Московского Кремля [и др.], 2018а С. 236–256
- Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Халдеева Н. И. Захоронение старицы Анастасии... 1579 год... Антропологическое исследование останков // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы и исследования в 4-х томах. Т. 3. Погребения XVI – начала XVII века. Ч. 2. Отв. ред.-сост. Т. Д. Панова. М.: Государственные музеи Московского Кремля [и др.], 2018б. С. 203–229
- Веселовская Е. В. Единство закономерностей внутригрупповой изменчивости и межгрупповая дифференциация признаков толщины мягких тканей лица у современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 1. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 312–335.
- Веселовская Е. В., Балуева Т. С. Новые разработки в антропологической реконструкции // Вестник антропологии. Вып. 22. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 22–42.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. – 583 с.
- Веселовский С. Б. Очерки по истории опричнины. М., 1963.
- Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Советская наука, 1949. 188 с.
- Гераськин Ю. В., Нагорнов В. П. Памятная плита Ивана Мирославича (мурзы Хорасмира) в Рязанском Солотчинском монастыре // РА. 2008. № 2. С. 84–89.
- Гюльденстиерне А. Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию // Марко Фоскарينو. Донесение о Московии. Аксель Гюльденстиерне. Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию. Томас Смит.

- Путешествие и пребывание в России. *Георг Паерле*. Записки Георга Паерле. Рязань: «Александрия», 2009. – 399 с.
- Давиденко Д. Г., Беляев Л. А., П[ятнов] А. П.* Новоспасский Московский в честь Преображения Господня ставропигиальный мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2018. С. 704–727.
- ДДГ* – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л. В. Черепнин, отв. ред. С. В. Бахрушин. М.-Л., 1950. 597 с.
- Дмитриев И. Д.* Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк. М., «Русская печатня», 1909. 122, 12, [2], II с.: ил., 2 л. ил.
- Донской Г. Г.* Прокламации в камне против Бориса Годунова // Вопросы эпиграфики. Вып. V. М., 2011. С. 335–361
- Древняя Российская Вивлиофика*, изд. Н. И. Новиковым. Часть 20. М. Типография компании типографической, 1791. 444 с.
- Дело о ссылке Романовых* // Хроники Смутного времени / Сост. А. А. Либерман, Б. Н. Морозов, С. Ю. Шокарев (История России и Дома Романовых в мемуарах современников). М.: Фонд Сергея Дубова. 1998. С. 412–438.
- Евтеев А. А., Олейников А. А.* Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде // Российская археология. № 1, 2015. С. 136–152
- Елкина И. И.* Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. С. 89–90.
- Елкина И. И.* Приложение 5. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 // Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013. С. 230–238.
- Елкина И. И.* Текстиль в Московском государстве XVI–XVII вв. по археологическим данным // От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Вологда: «Древности Севера», 2016. С. 63–78.
- Елкина И. И., Беляев Л. А.* Романовы, Черкасские, Сицкие ...Остатки некрополя в Знаменской церкви Новоспасского монастыря // Средневековая личность в письменных и археологических источниках (Московская Русь, Российская империя и их соседи). Сборник тезисов. М.: ИРИ РАН, ИА РАН, 2016. С. 92–98.
- Елкина И. И., Беляев Л. А., Лазукин А. В., Медникова М. Б., Рассказова А. А.* Исследования усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре (2014–2015 гг.) // Археология сакральных мест России. Сборник тезисов. Соловки: Соломбальская тип., 2016. С. 148–150.

- Ефимова Л. В., Алешина Т. С., Самонин С. Ю. Костюм в России, XV – начало XX века. М.: Арт-Родник, 2000. 235 с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Т. I. СПб, М.: Синодальная тип., 1915. 900 с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: / Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М.: тип. В. Грачева и Ко, 1869 – VIII, 670, 178 с., [8] л. ил.
- Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб: Типография В. Ф. Демакова, 1896. 264 с.
- Знаменский храм Новоспасского монастыря как мемориал бояр Романовых и сродников их, пострадавших в правление царя Бориса Годунова. М.: Новоспасский монастырь, 2016. 112 с.
- Иванчин-Писарев Н. Утро в Новоспасском. М., 1841.
- Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М: Старый Сад, 1998. 260 с.
- Известия англичан о России XVI в. // Чтения в Общества истории и древностей российских. Вып. 4. М.: В Университетской Типографии, 1884. – 378 с.
- Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре М.: «Большая российская энциклопедия», 1995. – 383 с.
- Книга об избрании на царство Великого Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича. М., Синодальная Тип. 1856. 177 с.
- Козляков В. Н. Царь Алексей Михайлович. М., 2018. – с.
- Комиссаржевский Ф. Ф. История костюма. Минск: Литература. 1998. – 496 с.
- Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. – М.: изд. Монастыря, 1903. – 28 с.
- Крестьянская одежда населения европейской России (XIX–XX вв.): определитель. М.: Советская Россия, 1971. – 364 с.
- Кубе А. Н. Венецианское стекло. Петербург: Аквилон, 1923. – 98 с.
- Кузьмич С., Липа К., Писарев О., Руденко О. Союзники і супротивники. Армії сусідів України у XVII столітті. Київ: «Наш час», 2010. – 80 с.
- Курс женских рукоделий. СПб.: Типография Акционерного общества «Слово», 1902. 450 с.
- Лаврентьев А. В. Романовы и «старый государев двор» на Варварке // Лаврентьев А. В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М.: Археографический центр, 1997. – 254 с.
- Латышева Г. П., Рабинович М. Г. Москва в далеком прошлом. М.: Наука, 1966. – 248 с.
- Леонид (Кавелин), архим. Вкладная книга Московского Новоспасского монастыря. СПб.: изд. «Санкт-Петербург», 1883. 32 с.
- Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу. Методическое руководство. М.: Старый сад, 1998. 123 с.

- Мазалецкая В. А. Надгробные памятники Кирилло-Белозерского монастыря // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1998. – электронный ресурс: <https://www.booksite.ru/fulltext/3ki/ril/lov/>
- Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: ИА РАН, 1994. – 52 с.
- Максимович Л. М. Путеводитель к древностям и достопамятностям московским, Руководствующий любопытствующаго по четырем частям сея столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и зданий [...]. В 4 ч. Ч. 4. М.: В Университетской тип., у В. Окорокова, 1793. 296 с.
- Медникова М. Б. Рентгенография костей человека в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. Изд-во Старый Сад, 1998а. С. 182–202.
- Медникова М. Б. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998б. С. 151–169.
- Медникова М. Б. Радиологические методы в биоархеологии // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых). Отв.ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. – М.: ИА РАН, 2016. С. 203–218.
- Медникова М. Б. Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока / Институт археологии РАН, М.: Club Print, 2017. 223 с.
- Медникова М. Б., Тарасова А. А. Опыт применения метода геометрической морфометрии в определении степени сходства и биологического родства погребенных в Пепкинском кургане эпохи средней бронзы // КСИА. Вып. 234. 2014. С. 338–352
- Медникова М. Б., Энговатова А. В., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е. «Дети Смутного времени»: новые данные о качестве жизни в г. Ярославле XVI–XVII вв. по антропологическим материалам из раскопок детских погребений // КСИА. 2013а. № 228. С. 115–126.
- Медникова М. Б., Энговатова А. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Васильева Е. Е. Эпидемиология войны и смуты: антропологические и письменные источники в изучении качества жизни населения русского города XVI–XVII вв. (на примере Ярославля) // КСИА. 2013б. № 231. С. 154–171.
- Медникова М. Б., Энговатова А. В., Тарасова А. А. Диахронные изменения качества жизни населения Ярославля в XIII–XVII вв. по данным радиологии // Российская Археология. № 3, 2013. С. 41–53.
- Медникова М. Б., Елкина И. И., Тарасова А. А., Беляев Л. А. Портрет «боярыни» XVI в. по данным биоархеологии // Средневековая личность в письмен-

- ных и археологических источниках (Московская Русь, Российская империя и их соседи). Сборник тезисов. М.: ИРИ РАН, ИА РАН, 2016. С. 144–149.
- Медникова М. Б., Беляев Л. А., Елкина И. И., Тарасова А. А., Загвоздин В. П. Комплексное биоархеологическое исследование женского погребения в белокаменном склепе Новоспасского монастыря // КСИА, 2016. Вып. 245. С. 182–200.
- Морозов К. К. Памятник архитектуры – Новоспасский монастырь в Москве. М.: Советский художник 1982. 80 с.
- Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материала и исследования в 4-х томах. Т. 3. Погребения XVI – начала XVII века. Ч. 1 и 2. Отв. ред.-сост. Т. Д., Панова. М.: Государственные музеи Московского Кремля [и др.], 2018. Ч. 1–396 с., ч. 2–488 с.
- Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материала и исследования в 4-х томах. Т. 4. Погребения XVII – начала XVIII в. Отв. ред.-сост. Т. Д., Панова. М.: Государственные музеи Московского Кремля. 2019. В печати.
- Никитин С. А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. Том 1. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. С. 137–167.
- Новомбергский Н. Н. Колдовство в Московской Руси XVII-го столетия. СПб.: Тип. Альтшулера, 1906. XXXII, 134, II с. (Материалы по истории медицины в России; т. III, ч. I).
- Новомбергский Н. Н. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, Паровая типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1907. 504 с.
- Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14/1. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. 154 с. (с. 23–154).
- Олеарий А., 1906. Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд-во А. С. Суворина. 582 с.
- Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. М.: Легпромбытиздат, 1996. 344 с.
- Орфинская О. В., Голиков В. П., Елкина И. И. Женский головной убор – волосник из Нижнего Новгорода // Нижегородская старина. Н. Новгород, 2012. Вып. 33–34. С. 79–86.
- Осипов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. Материалы охранных археологических исследований. Том 7. М.: ИА РАН, 2006. – 202 с.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605) СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1992. 279 с.
- Панова Т. Д., Синицына Н. П. Волосники из погребений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология, 1986: ежегодник. Л.: Наука, 1987. С. 338–341.

- Пармон Ф. М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.: Легпромиздат, 1994. 272 с.; ил.
- Пасхалова Т. В., Станюкович А. К. Усыпальница прародителей царского дома Романовых в Московском ставропигиальном Новоспасском монастыре. М., Новоспасский монастырь, 1997. – 68 с.
- Починок Э. Ю., Чекановский А. А. Стекло из раскопок на территориях киевских монастырей XVII–XVIII веков // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб: Нестор-История, 2015. – 400 с. С. 294–299.
- Пилипенко А. С., Ромащенко А. Г., Молодин В. И., Куликов И. В., Кобзев В. Ф., Поздняков Д. В., Новикова О. И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича I Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №. 2. С. 57–67.
- Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Ломоносов, 2012. – 212 с.
- Рабинович М. Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М.: Наука, 1986. 272 с.
- РК 1475–1598 гг. – Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, вводная статья и ред. В. И. Буганова; отв. ред. акад. М. Н. Тихомиров. М.: Наука, 1966. 617 с.
- Рохлин Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М.-Л.: Наука. 1965. – 303 с.
- Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. // Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в Древней Руси. Пермь, 1927.
- Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова: родословная рода Захарьиных-Юрьевых-Романовых по материалам И. П. Сахарова, проверенным и дополненным Н. Н. Селифонтовым. Ч. 2. СПб., 1898. – 109 с. С. 88–91.
- Селифонтов Н. Н. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Генеалогический и исторический материал по печ. источникам. Ч. 1: СПб.: Типография А. Бенке, 1901. – 271 с.
- Сиренов А. В. Идея династической монархии в России и родословные древа русских царей XVII–XVIII вв. // Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков. Сост. А. В. Сиренов. М.: «Юбилейная книга», 2018. С. 8–27.
- Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и комм. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1955. – 347 с., 9 л. ил.
- Скрынников Р. Г. Борис Годунов и падение Романовых в 1600 г. // Из истории феодальной России. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1978. С. 116–124. – 198 с.

- Скрынников Р. Г. Борис Годунов // Страницы истории нашей Родины. М.: Наука, 1978. – 192 с., ил.
- Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М.: изд. Мысль, 1981. – 206 с.
- Снегирёв И. М. Новоспасский монастырь. М., 1843.
- Снегирёв И. Новоспасский монастырь. М.: Тип. С. Селивановского, 1843. – 138 с.
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: [в 5 ч.]. М.: в тип. Селивановского, 1813–1894. Ч. 2, служащая дополнением к 1-й. 1819. [3], VIII, [19], 612 с.: ил.; Ч. 3. 1822. [3], III, [12], 540 с.: ил.; Ч. 4. 1828. [4], IV, [16], 657, 165 с., 5 л. табл.
- Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8. М., 1989. – 752 с.
- Студенкин Г. И. Романовы-Юрьевы-Захарьины // Русская старина, т. XXII, кн. 8 (июль). 1878. Приложение: Родословия. С. 1–526.
- Тельберг Г. Г. Очерк политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М.: Тип. ...Моск. ун-та, 1912, 351 с.
- Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. [Ред. А. К. Станюкович, В. Н. Звягин]. Кострома, 2005. – 400 с.
- Федорович Е. Ф. Методика исследования археологических тканей // «Советская археология», 1965, № 4, с. 124–133.
- Хозяйственные книги Чудова монастыря, 1585/86 г. / Подготовка текста С. Н. Богатырева. М.: Археографический центр, 1996. 187, [1] с
- Царская грамота 1605 г. из архива Сийского монастыря // Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг. 1841. Т. 2. № 54, с. 64–66.
- Царские прародители, погребенные в обители Всемилоственного Спаса на Новом. М.: Новоспасский ставропигиальный монастырь, 1912. 165 с.
- Цветаев Д. В. Избрание Михаила Фёдоровича Романова на царство. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1913. 96 с.
- Чагин Г. Н. Михаил Никитич Романов в Ныробе (историография вопроса) // Дом Романовых в истории России. [Материалы к докл. конф., 19–22 июня 1995 г. / Редкол.: И. Я. Фроянов (отв. ред.) и др.]. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. С. 70–74.
- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // Краткие сообщения Института археологии. 2013. № 228. С. 96–114.
- Энговатова А. В., Медникова М. Б., Радюш О. А., Пилипенко А. С., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е. Комплексные междисциплинарные исследования на объекте культурного наследия федерального значения «Могила Ермолова Алексея Петровича (1772–1861 гг.)» в г. Орле // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 313–320.

- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Зайцева Г. И. «Кремлевская диета» древнерусского города (по изотопным данным) // Краткие сообщения Института археологии. № 237, 2015. С. 80–89.
- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Зайцева Г. И., Антипина Е. Е., Клещенко Е. А., Медникова М. Б., Тарасова А. А., Яворская Л. В. Естественнонаучные методы в реконструкции системы питания и социальной стратификации населения средневекового европейского города // Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 117–126.
- Энговатова А. В., Медникова М. Б., Васильева Е. Е., Яганов А. В., Решетова И. К., Тарасова А. А., Шведчикова Т. Ю. Археологические исследования у Духовской церкви Троице-Сергиевской лавры в 2014 году (к вопросу о возможностях исторических идентификаций) // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Выпуск 12. – М.: ИА РАН, 2016. 398–409.
- Ювеналий (Воейков), игумен Краткое историческое описание Московского Ставропигиального первоклассного Новоспасского монастыря, из разных исторических, церковных и гражданских, печатных и рукописных книг и документов, во время правления оным монастырем архимандрита Иакинфа Карпинского, собранное и им рассмотренное и одобренное любителями же древностей, ныне на свете изданное. М.: 1802. [2], II, IV, 93, XII, 56 с.
- Ювеналий (Воейков). Описание состоящего в Московском ставропигиальном Новоспасском монастыре храма Знамения Пресвятыя Богородицы... с приобщением надгробных надписей. М.: В Губернской тип. у А. Решетникова, 1803. XII, – 56 с.
- Andrews R. M., Kubacka I., Chinnery P. F., Lightowlers R. N., Turnbull D. M., et al. Re-analysis and revision of the Cambridge reference sequence for human mitochondrial DNA // Nature Genetics. 1999. V. 23. P. 147.
- Balueva T, Veselovskaya E., Kobylansky E. Cranio-facial Reconstruction by Applying the Ultrasound Method in Live Human Populations // International Journal of Anthropology, 2009. T. 24. № 2. P. 87–111.
- Baumgartner E. Venis et facon de Venise. Verres renaissance du muse des Arts Dekoratifs. Union centrale des arts dekoratifs, 2003.
- Belyaev L., Elkina I. The lost branch of the Tsars' House: the cemetery of the Romanovs at the New Monastery of the Savior (Moscow) // Building Bridges. Abstract book of the 23rd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists 2017. Ed.: Jos Bazelmans, Maastricht Print: Schrijen-Lippertz, Voerendaal. Maastricht 2017. P. 469.
- Beyond Venice. Glass in Venetian Stile, 1500–1750. The Corning Museum of Glass. New York: Corning, 2004. – 239 p.

- Black S.M., Scheuer J.L.* Age changes in the clavicle: from the early neonatal period to the skeletal maturity // *International Journal of Osteoarchaeology*, 1996. V. 6. P. 425–434.
- Blondiaux J, Naji S.* Tuberculosis and survival in past populations: A paleo-epidemiological appraisal // *Tuberculosis*. 2015. <http://dx.doi.org/10.1016/j.tube.2015.02.002>
- Boucher F., Deslandres Y. A.* *History of Costume in the West*. London: Thames & Hudson, 1996. – 459 p.
- Buikstra J.* Biocultural dimensions of archeological study: A Regional Perspective // *Biocultural Adaptation. Proceedings of the Southern Anthropological Society* / Ed. R.L. Blakely, Athens, GA: University of Georgia Press, 1977. P.67–84.
- Buikstra J.E., Beck L.A.* (eds.). *Bioarchaeology: the contextual analysis of human remains*. Amsterdam: Elsevier, 2006. 606 p.
- Building Bridges*. Abstract book of the 23rd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists 2017. Ed.: Jos Bazelmans, Maastricht Print: Schrijen-Lippertz, Voerendaal. Maastricht 2017.
- Dreier F.A.* *Venezianische Glaser und Facon de Venise*. Kunstgwerbemuseum Berlin. Berlin: Gesamtherstellung: Felgentreff & Goebel, 1989. – 146 S.
- Elkina I.* Medieval shirts from the archeological excavations in the Moscow Novospassky monastery // Publication information 21st annual meeting of EAA 2–5 september 2015 University of Glasgow, Scotland. Abstracts of the oral and poster presentations. Glasgow, 2015. P. 523.
- Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tanzer M., Villems R., Renfrew C., Gronenborn D., Werner A.K., Burger J.* Ancient DNA from the first European farmers in 7500-Year-Old Neolithic sites // *Science*. 2005. V. 305. P. 1016–1018.
- Hess K., Husband T.* *European Glass in The J. Paul Getty Museum*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 1997. – 258 p.
- Goldstein L.* Mortuary analysis and bioarcheology // *Bioarchaeology: the contextual analysis of human remains, 2006* / Eds. J.E. Buikstra, L.A. Beck. Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 375–387.
- Iezzi C.* Regional Differences in the Health Status of the Mycenaean Women of East Lokris // *Hesperia Supplements, New Directions in the Skeletal Biology of Greece*, 2009. V. 43. P. 175–192
- Maat G.J.R., Aarents M.J. Nagelkerke N.J.D.* Age prediction from bone replacement. Remodeling of circumferential lamellar bone tissue in the anterior cortex of the femoral shaft of present Dutch population // *Barge's Anthropologica*. Leiden, 2005. № 10. – 67 p.
- Macaulay V., Richards M., Hickey E., Vega E., Cruciani F., Guida V., Scozzari R., Bonne-Tamir B., Sykes B., Torroni A.* The emerging tree of West Eurasian mtDNAs: a synthesis of control-region sequences and RFLPs // *American Journal of Human Genetics*. 1999. V. 64. P. 232–249

- Maresh M. M.* Measurements from roentgenograms // Human growth and development. R. W. McCammon, ed. Sprigfield, Il.: C. C. Nomas, 1970. P. 157–200.
- Moiseyev V., Buzhilova A., Murphy E.* From the Nime of Tsar Peter the Great to Modern Russia: The Development of Physical Anthropology and bioarchaeology // Archaeological human remains. B. O'Donnabahn, M. C. Lozada (eds.). Cham: Springer, 2018. P. 127–140.
- Pilipenko A. S., Cherdantsev S. V., Trapezov R. O., Zhuravlev A. A., Babenko V. N., Pozdnyakov D. V., Konovalov P. B., Polosmak N. V.* Mitochondrial DNA Diversity in a Transbaikalian Xiongnu Population // Archaeological and Anthropological Sciences. 2018a. V. 10. N. 7. P. 1557–1570.
- Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Babenko V. N., Nesterova M. S., Pozdnyakov D. V., Molodin V. I., Polosmak N. V.* Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC) // PLoS ONE. 2018b. V. 13 (9): e0204062.
- Richards M., Macaulay V. A., Hickey E., Vega E., Sykes B., Guida V., Rengo C., Sellito D., Cruciani F., Kivisild T., Villems R., Thomas M., Rychkov S., Rychkov O., Rychkov Y., Golge M., Dimitrov D., Hill E., Bradley D., Romano V., Cali F., Vona G., Demaine A., Papiha S., Triantaphyllidis C., Stefanescu G., Hatina J., Belledi M., Di Rienzo A., Novelletto A., Oppenheim A., Norby S., Al-Zaheri N., Santachiara-Benerecetti S., Scozzari R., Torroni A. and Bandelt H-J.* Tracing European founder lineages in the Near Eastern mtDNA pool // American Journal of Human Genetics. 2000. V. 67 (11). P. 1251–1276.
- Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains.* (Eds. J.E. Buikstra, D.H. Ubelaker), In: Arkansas Archeological Survey Research Series No. 44, 1994. – 206 p.
- Steane Jh.,* The Archaeology of the Medieval English Monarchy. London-New York: Routledge, 1999. – 226 p.
- Tarasova A., Evtsev A., Engovatova A., Mednikova M.* An assessment of intragroup cranial variation in a mass grave sample from medieval Yaroslavl using 3d geometric morphometrics (gmm) techniques // EAA Abstract book. Vol. 2. Barselona, 2018. P. 1061.
- The bones of a king.* Richard III rediscovered. The Greyfriars research team with Maev Kennedy and Lin Foxhall. Malden-Oxford-Chichester: Wiley Blackwell. 219 P.
- Ullrich H.* Friedrich Schiller. Zwei Schadel, zwei Skelette und kein Ende des Streites. Berlin: Verlag fur Wissenschaft und Forschung GmbH, 2007. – 368 S.
- van Oven M., Kayser M.* Updated comprehensive phylogenetic tree of global human mitochondrial DNA variation // Human Mutations. 2009. V. 30. E386–394.
- Vercellotti G., Agnew A. M., Justus H. M., Sciulli P. V.* Stature estimation in an early Mediaeval (XI–XII c.) Polish Population: testing the accuracy of regression equations in a bioarchaeological sample // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 140, 2009. P. 135–142.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляев Леонид Андреевич, доктор исторических наук, член-корр. РАН,
заведующий отделом, ИА РАН

Долгих Елена Владимировна, доцент кафедры Теории и истории искусства
РГГУ

Елкина Ирина Игоревна, старший научный сотрудник ИА РАН

Медникова Мария Борисовна, доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник ИА РАН

Осипов Дмитрий Олегович, доктор исторических наук, старший научный
сотрудник ГИМ

Пилипенко Александр Сергеевич, кандидат биологических наук,
руководитель Межинститутского сектора молекулярной палеогенетики
ИЦиГ СО РАН

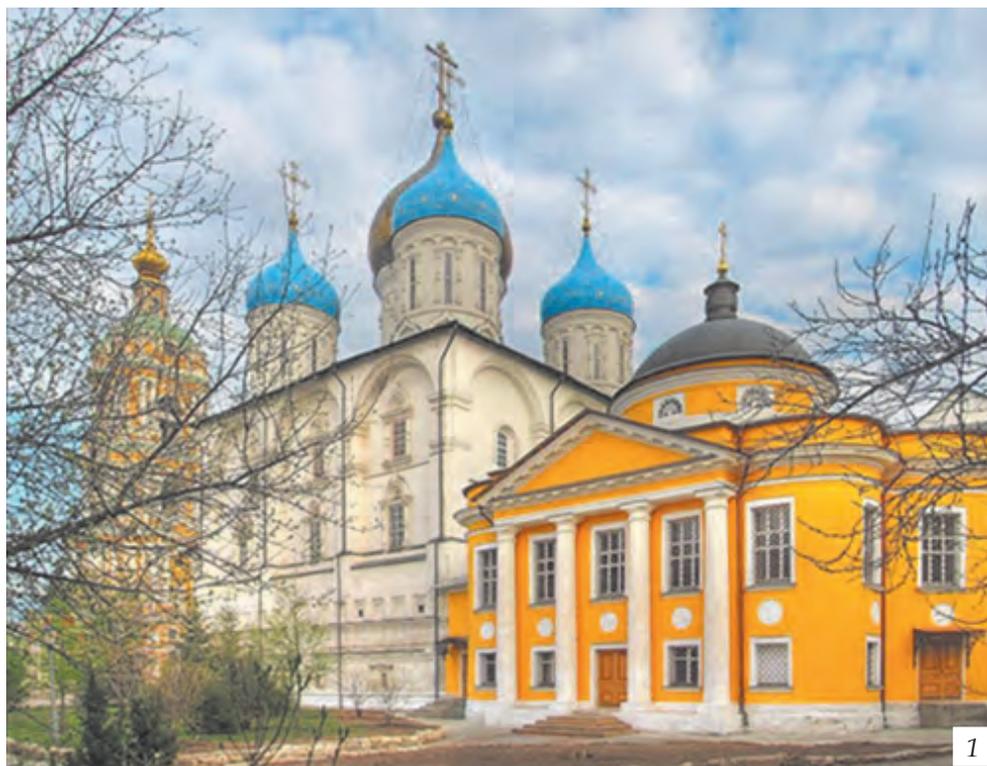
Рассказова Анна Владимировна, стажер-исследователь Института этнологии
и антропологии РАН

Тарасова Анна Анатольевна, младший научный сотрудник ИА РАН

Трапезов Ростислав Олегович, кандидат биологических наук, научный
сотрудник Межинститутского сектора молекулярной палеогенетики
ИЦиГ СО РАН

Черданцев Степан Викторович, младший научный сотрудник
Межинститутского сектора молекулярной палеогенетики ИЦиГ СО РАН

Шокарев Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры
источниковедения Историко-архивного института РГГУ

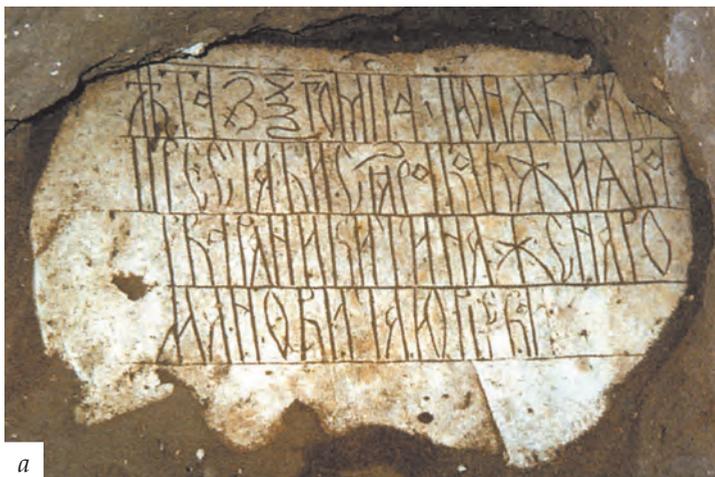

1

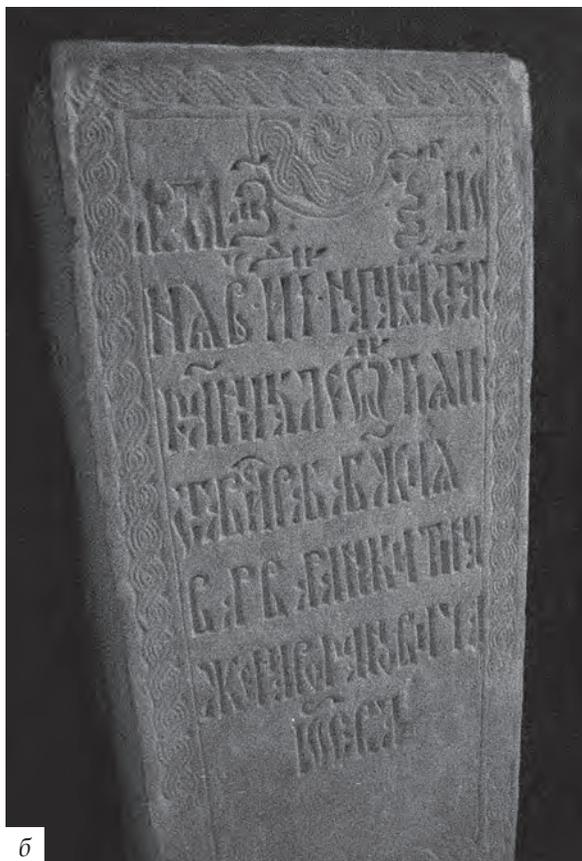

2

1. Церковь Знамения Богородицы и Спасо-Преображенский собор. Вид с северо-запада. Фотография начала 2010-х гг.
2. Юго-восточный притвор церкви Знамения (Палатка Никитичей) в конце XIX – начале XX в.

а

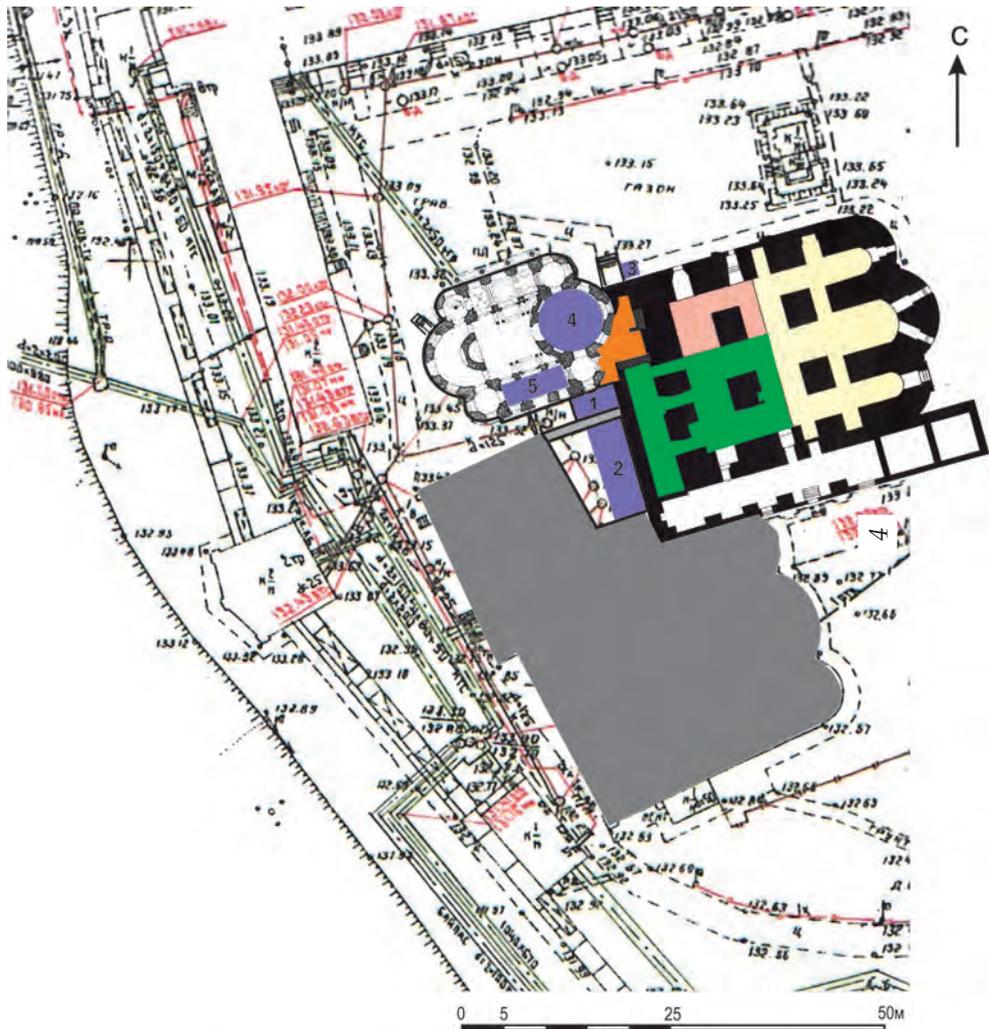

б

3. Надгробные надписи В.И. Ховриной:

а) на крышке саркофага (Усыпальница дома Романовых, 2005. Рис. 16);

б) на могильной плите https://ru.wikipedia.org/wiki/File:Romanovs27_crypt_by_shakko_12.jpg

Археологические исследования 1994-1999 гг.

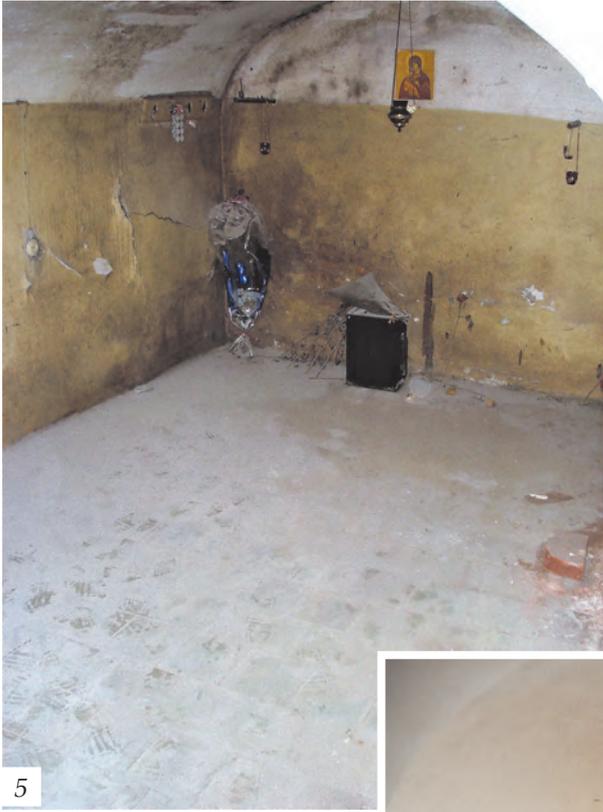
- Раскопки С.А. Беляева
- Раскопки монастыря
- Раскопки А.К. Станюковича

Археологические исследования

- группой ИА РАН под руководством Л.А. Беляева в 2014 г.

1 - номер раскопа

4. Фрагмент плана монастыря с указанием участков работы в подклете Преображенского собора (1994–1999 гг.) и научных исследований ИА РАН зоне церкви Знамения (2014 г.)

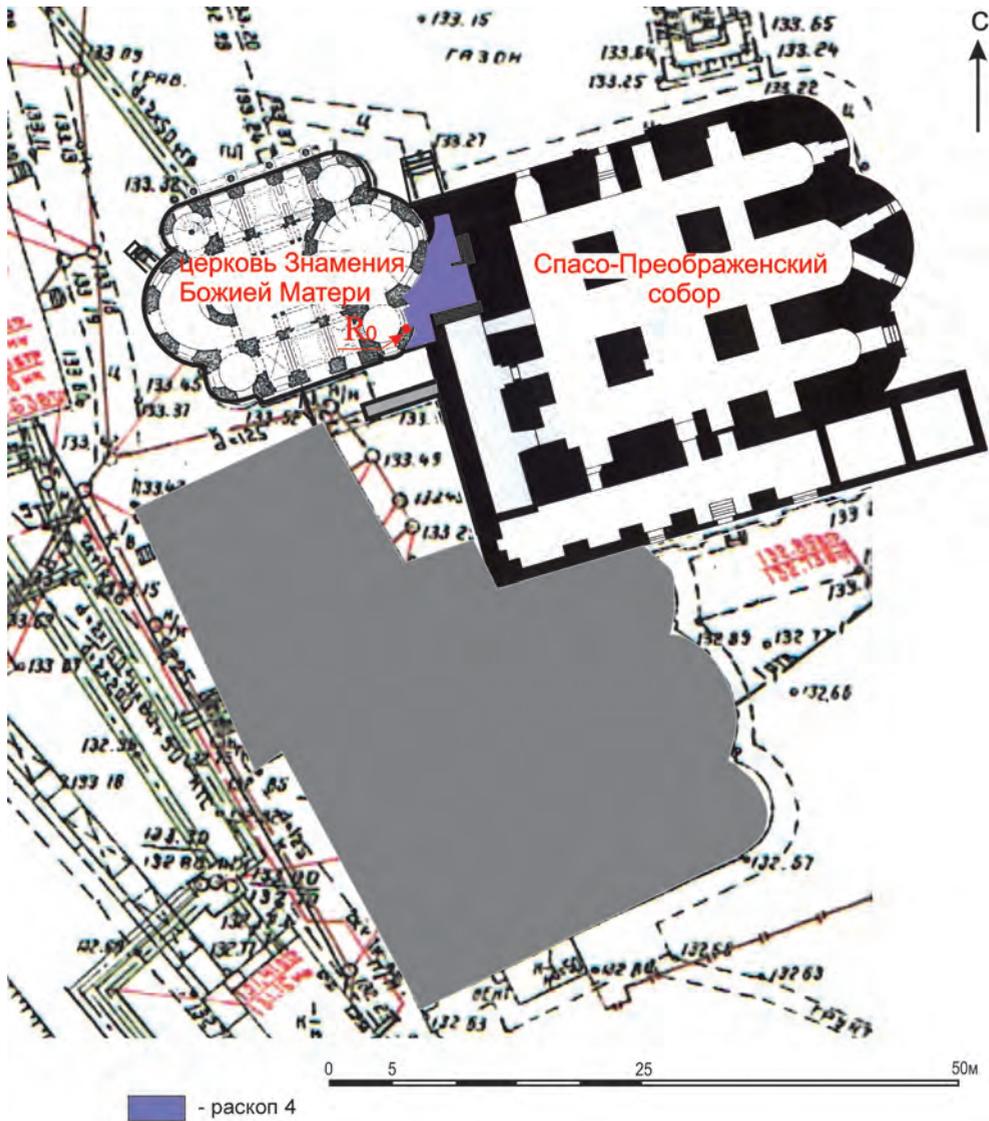
5

5. Юго-восточный притвор церкви Знамени до вскрытия полов. Фотография 2008 г. (из архива монастыря).

6

6. Участок Палатки Никитичей после вскрытия полов и расчистки погребальный сооружений. Вид с запада, от входа. Фото 2014 г.

7. Участок Палатки Никитичей (раскоп 4-2014 г.)
на плане монастыря.

8. Раскоп 4-2014 г. Общий план сооружений

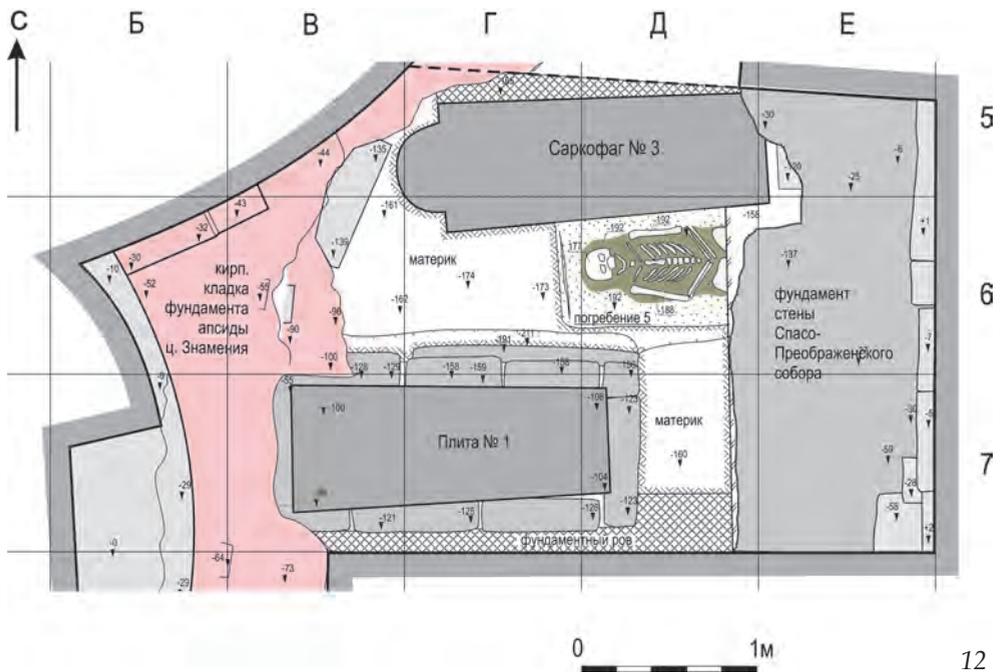

9

10

9. Раскоп 4–2014 г. Белокаменные погребальные сооружения после первичной расчистки, вид с юго-востока.
10. Раскоп 4–2014 г. Вид с запада после уборки детских саркофагов и зачистки. Видна часть восточного профиля с сохранившимся профилем материка, кладка западной стены Преображенского собора и подиума под памятные плиты XIX века

11. Раскоп 4-2014 г. Погребение № 5 в момент расчистки. Вид с юго-востока

12. Раскоп 4-2014 г. Погребение № 5 на плане с убранными детскими саркофагами

а

б

в

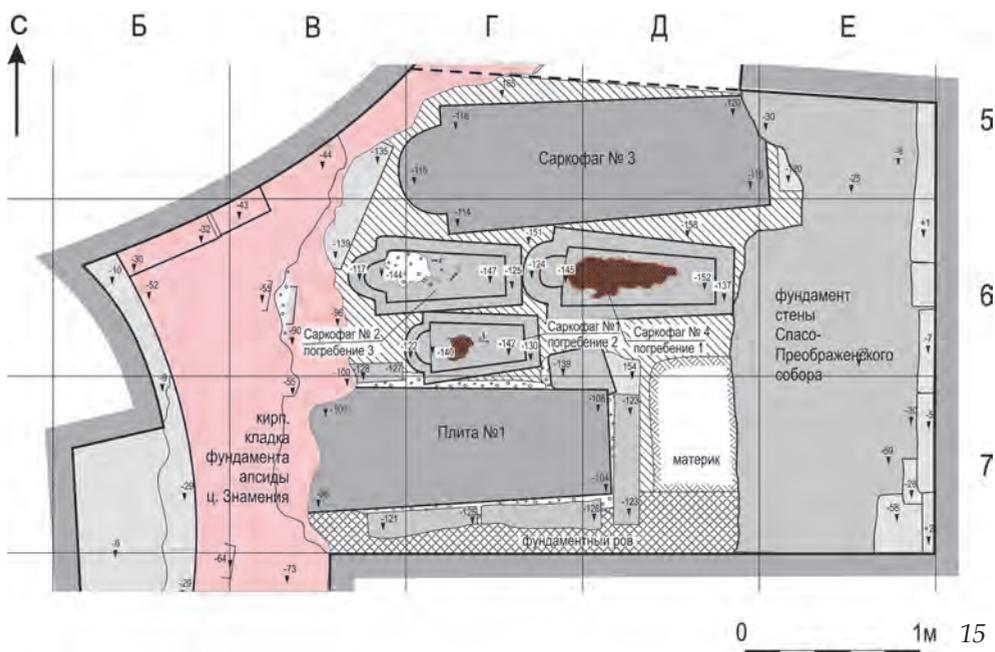

г

13. Находки, сделанные при переборке отвала верхних слоев раскопа 4-2014 г.:
а - фрагменты черноглазеной плоской черепицы;
б, в - крепежные материалы из черного металла (гвозди, костыли и др.);
г - фрагмент оконной слюды

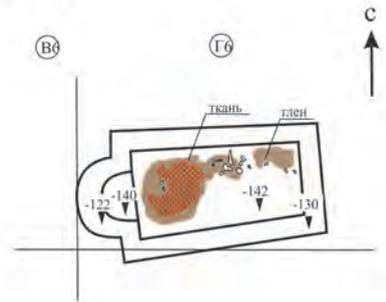
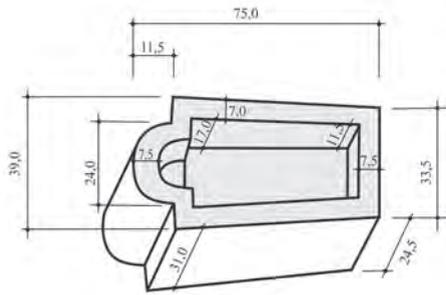

14. Находки, сделанные при переборке отвала верхних слоев раскопа 4-2014 г.:
а) блок известняка с профилировкой;
б) фрагмент изголовья антропоморфного саркофага

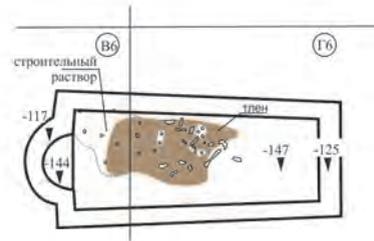
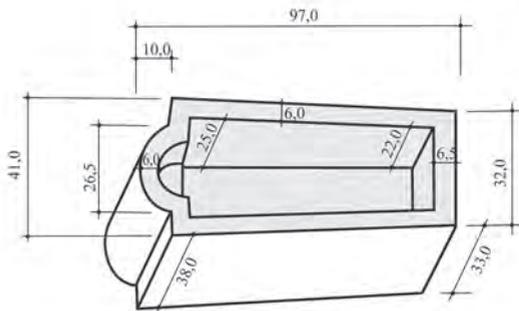

15. Раскоп 4-2014 г. План белокаменных погребальных сооружений после снятия крышек с детских саркофагов № 1, 2 и 4

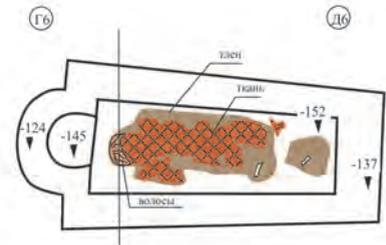
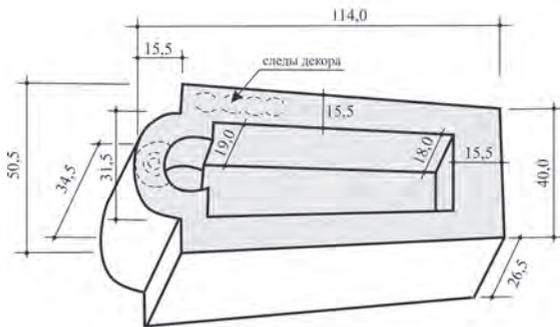
саркофаг № 1

саркофаг № 2

саркофаг № 4

16. Детские саркофаги № 1, 2 и 4. Обмеры

17

18

19

20

17. Саркофаг № 1 до вскрытия: вид с востока

18. Саркофаг № 2 до вскрытия: вид с востока

19. Саркофаг № 3 до вскрытия: вид с востока

20. Саркофаг № 3 до вскрытия: вид с севера на часть боковой грани

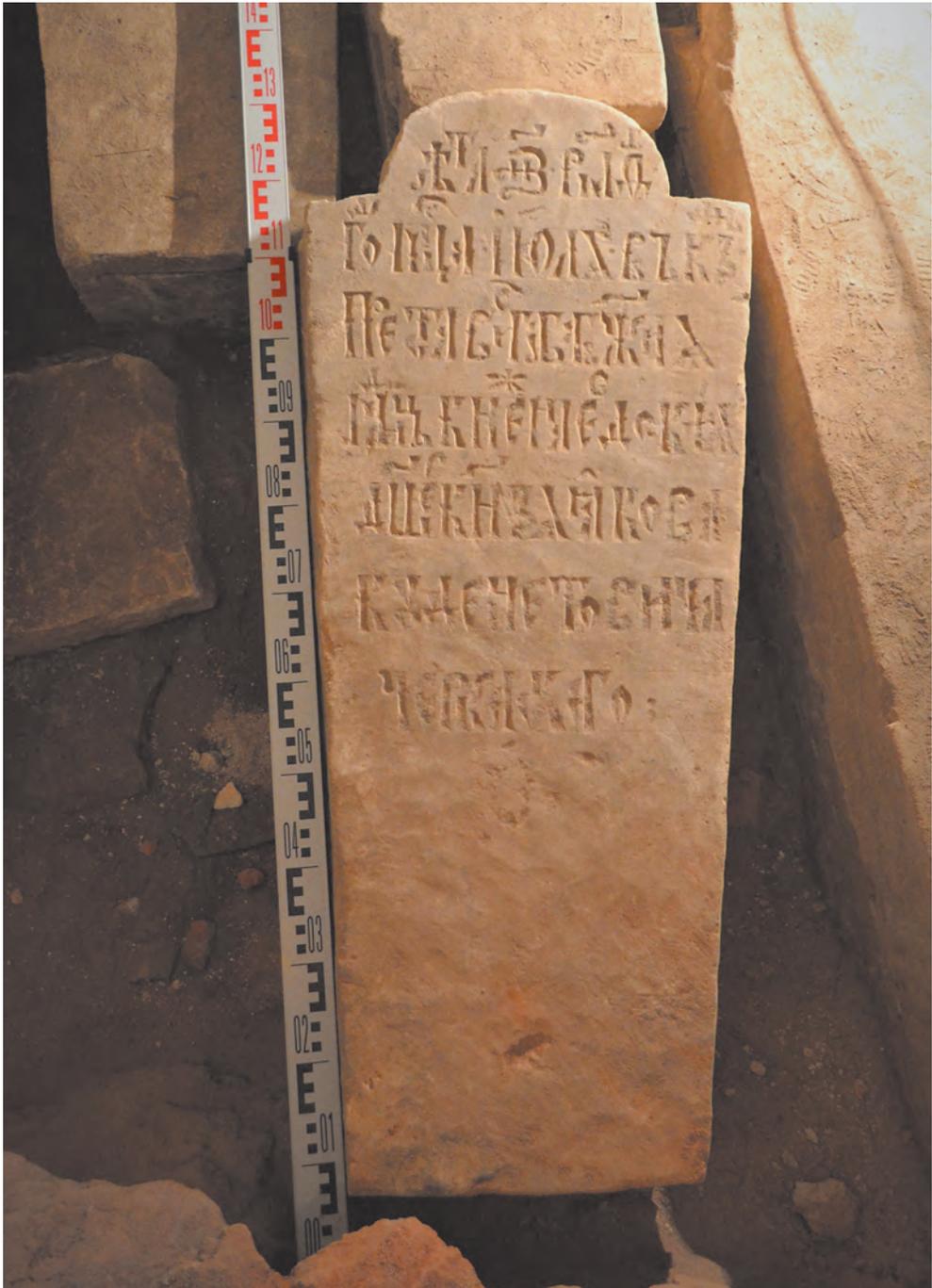

21

22

21. Саркофаг № 3 до вскрытия: вид с северной грани в приближении
22. Саркофаг № 3 до вскрытия: вид с юга

23. Саркофаг № 4 до вскрытия: вид с востока

а

б

в

г

24. Саркофаг № 4:

а - орнамент на крышке, правая грань;

б) орнамент на крышке, левая грань;

в) край блока с остатками жгутовой резьбы и верхнего клейма;

г) общий вид после извлечения остатков погребения.

25. Плита (№ 1) с надписью М. Н. Романовой/Черкасской.
Вид с востока на первой стадии расчистки

26

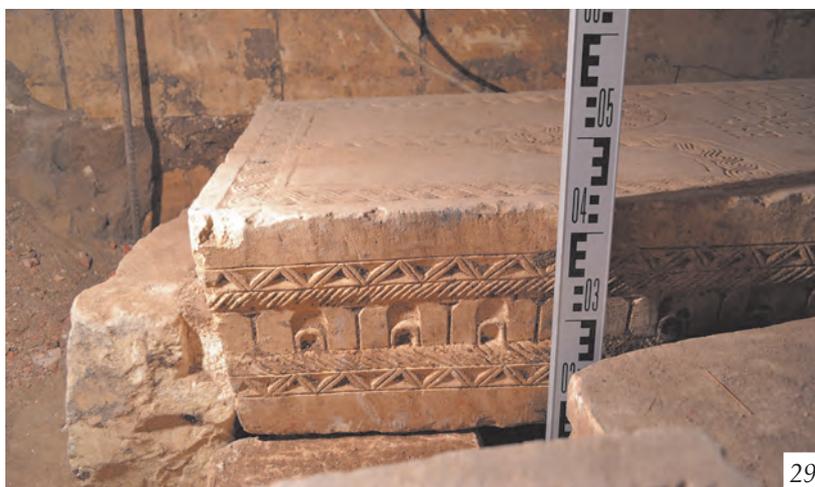

27

26. Плита (№ 1) и склеп М. Н. Романовой/Черкасской. Вид с северо-северо-востока после расчистки погребений
27. Северная грань плиты № 1 и белокаменного склепа, перекрытые фундаментом восточной стены церкви Знаменья. Вид с востока

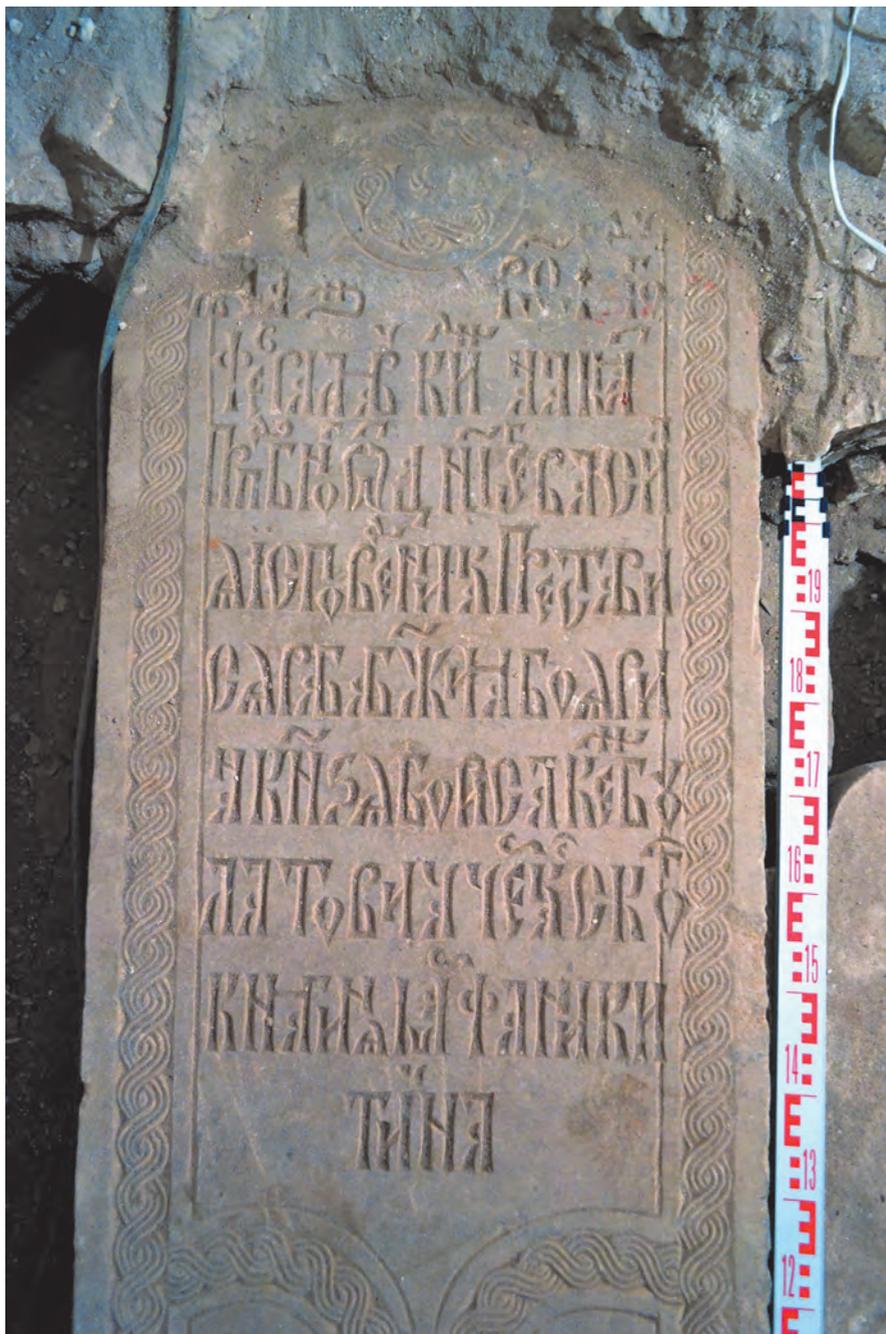
28

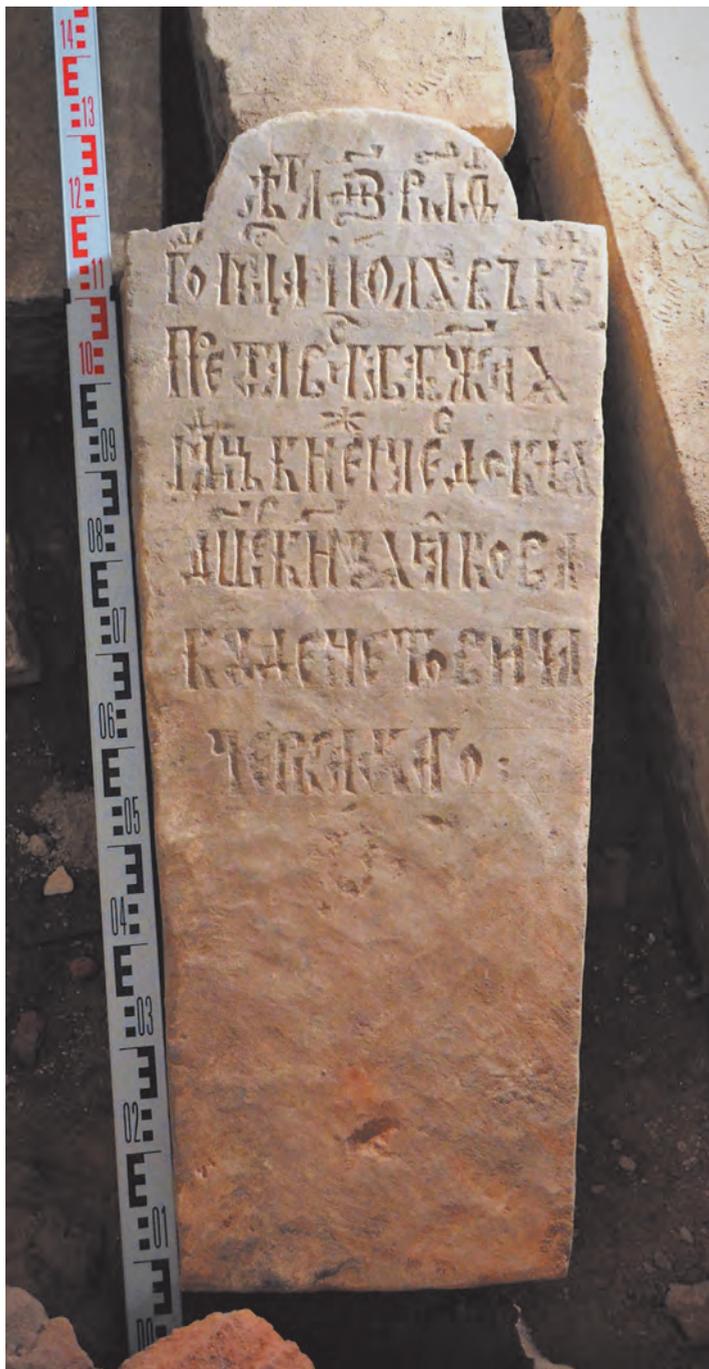
29

28. Плита (№ 1) и склеп М. Н. Романовой/Черкасской: часть орнамента боковой грани в изножи. Вид с севера

29. Плита (№ 1) и склеп М. Н. Романовой/Черкасской, вид с севера на боковую грань

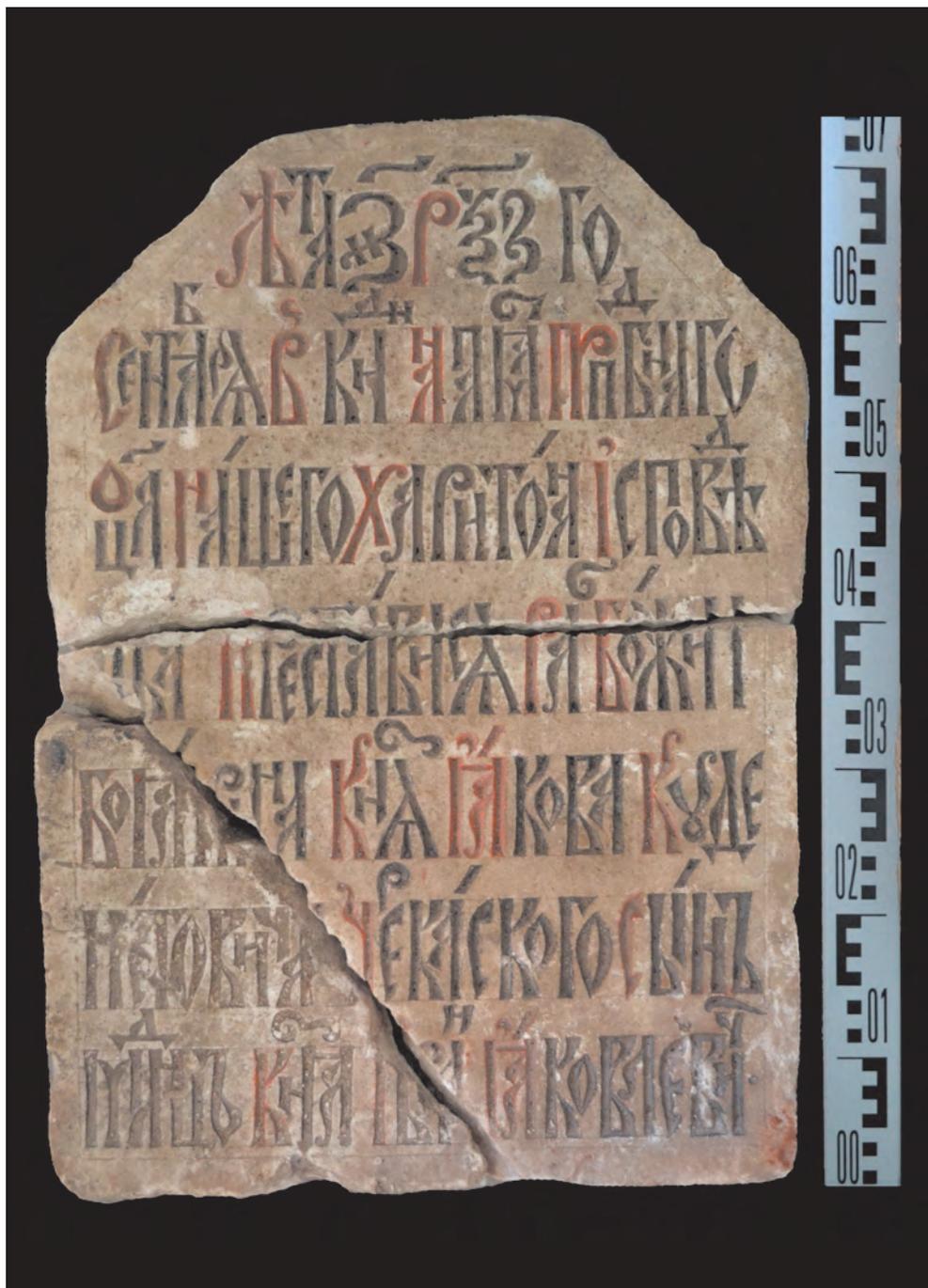
30. Надпись 1611 года на плите М. Н. Романовой/Черкасской

31. Надпись 1640 года на крышке саркофага (№ 4) Е. Я. Черкасской

32. Надпись 1644 года на крышке саркофага А. Ю. Сицкого
(найдена в переотложенном состоянии).

33. Надпись 1658 года на таблице надгробного памятника младенцу Я. К. Черкасскому (найдена в переотложенном состоянии)

34

35

34. Надпись 1701 года на настенной таблице А. М. Черкасского.

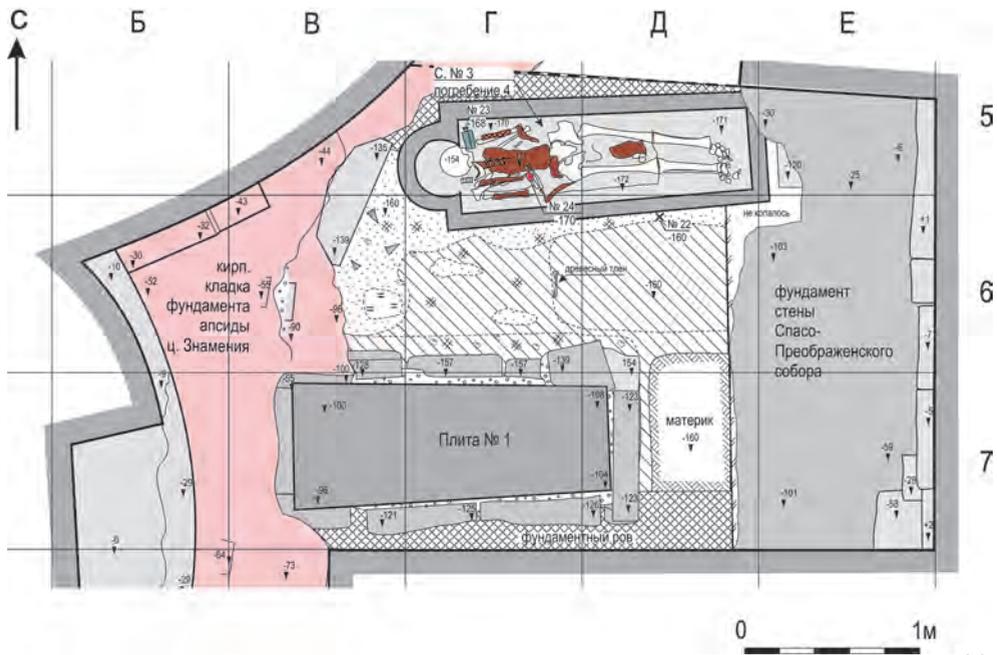
35. Саркофаг № 1 после вскрытия

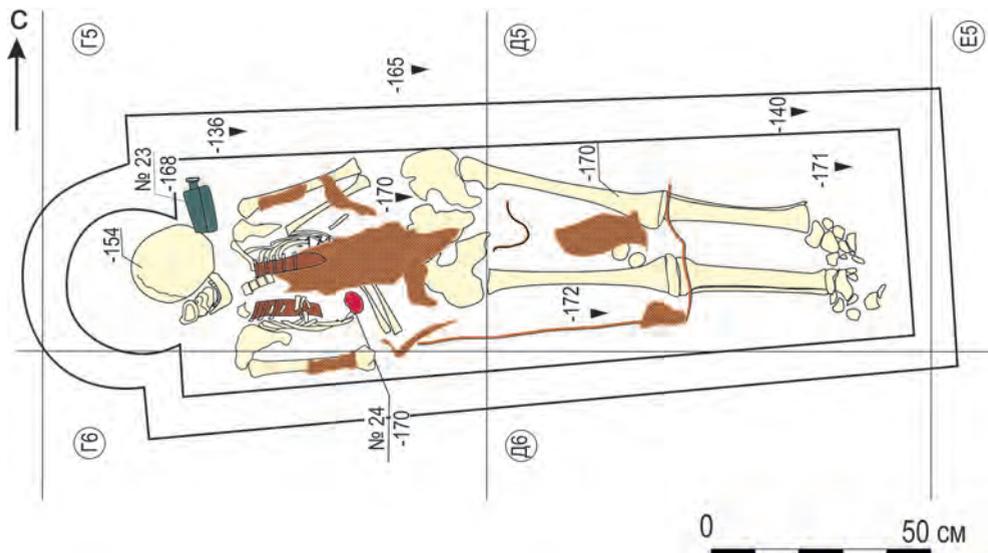
36. Саркофаг № 2 после вскрытия

37. Саркофаг № 4 после вскрытия:
а) общий вид;
б) остатки текстильного облачения

38

39

38. Саркофаг № 3 на общем плане раскопа 4-2014 г.

39. Саркофаг № 3, размещение останков и находок

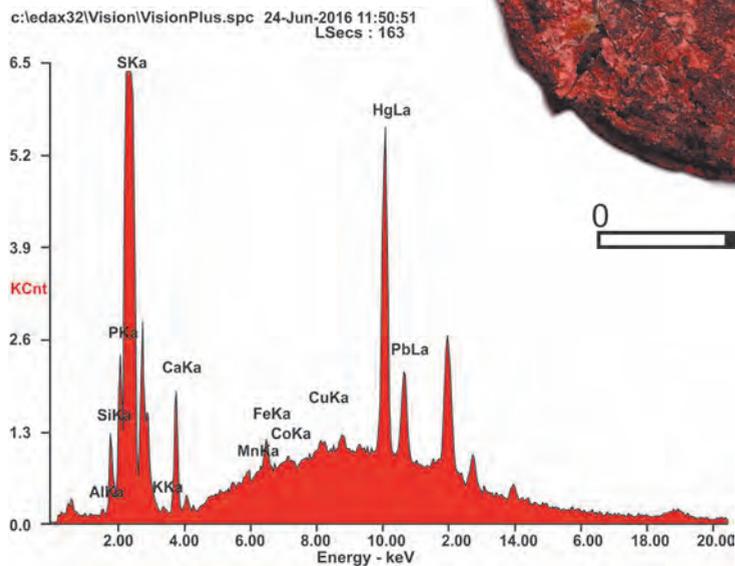

40. Саркофаг № 3, верхняя часть погребения после снятия крышки и удаления стеклянной елейницы

41. Восковая печать от грамоты
с разрешительной молитвой:
а) общий вид;
б) результаты рентгенофлуоресцентного
анализа состава

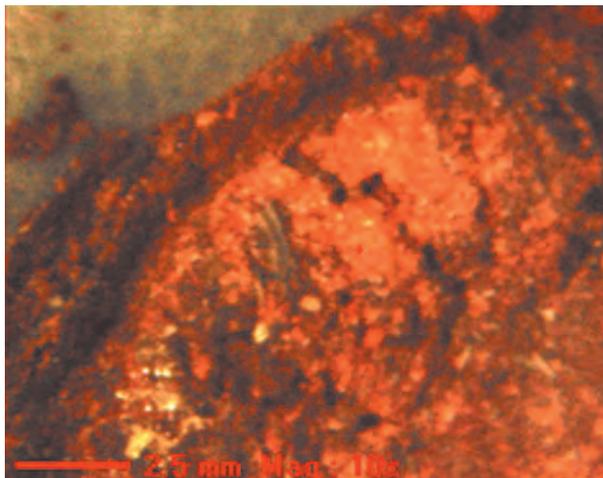

а

б

Element	Wt%	At%
ALK	0.29	0.89
SiK	2.04	6.08
P K	3.34	9.03
S K	17.38	45.34
K K	0.18	0.40
CaK	3.18	6.64
MnK	0.19	0.28
FeK	0.45	0.68
CoK	0.16	0.23
CuK	0.39	0.52
HgL	52.43	21.86
PbL	19.96	8.06

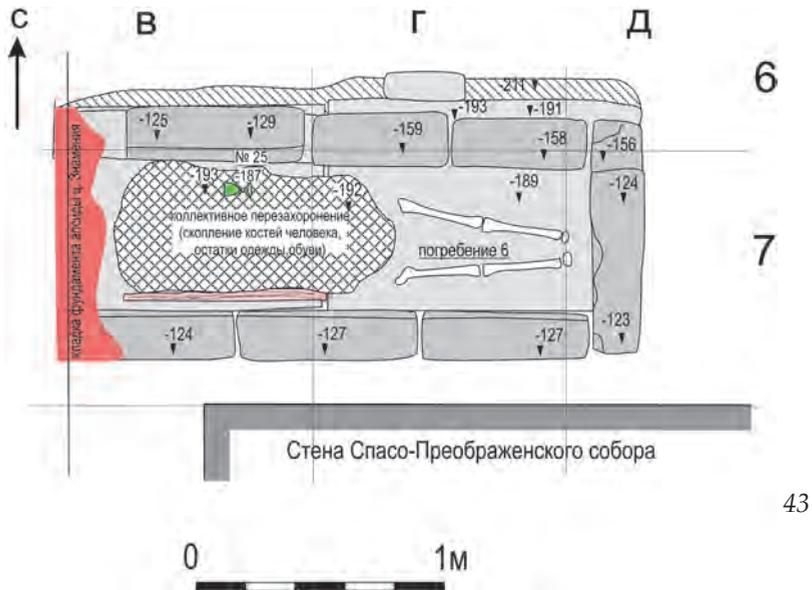

а

б

42. Штофы аптечные зеленоватого стекла:
а) из саркофага № 3
(использована как вместилище еля);
б) из собрания Музея Бойманса ван Бёнингена
(Роттердам) с датой 1500–1600 гг.

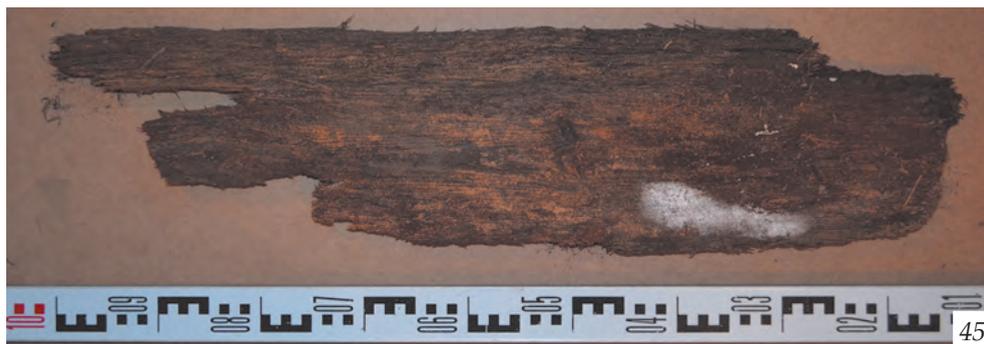

43. План склепа с погребениями под плитой № 1 (М. Н. Романовой/Черкасской)

44. Переотложенные останки в склепе под плитой М. Н. Романовой/Черкасской, вид с севера в момент подъема плиты

45. Фрагменты древесины от гроба из склепа под плитой № 1 М. Н. Романовой/Черкасской

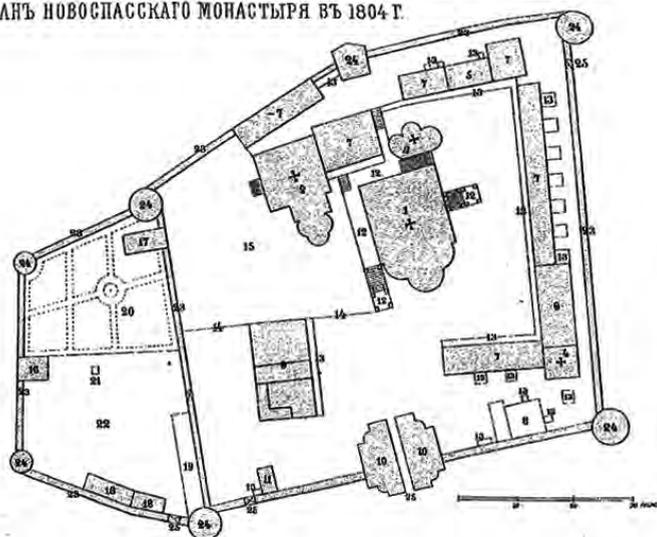
46. Стекланный бокал из погребения под плитой № 1 М. Н. Романовой/Черкасской

а

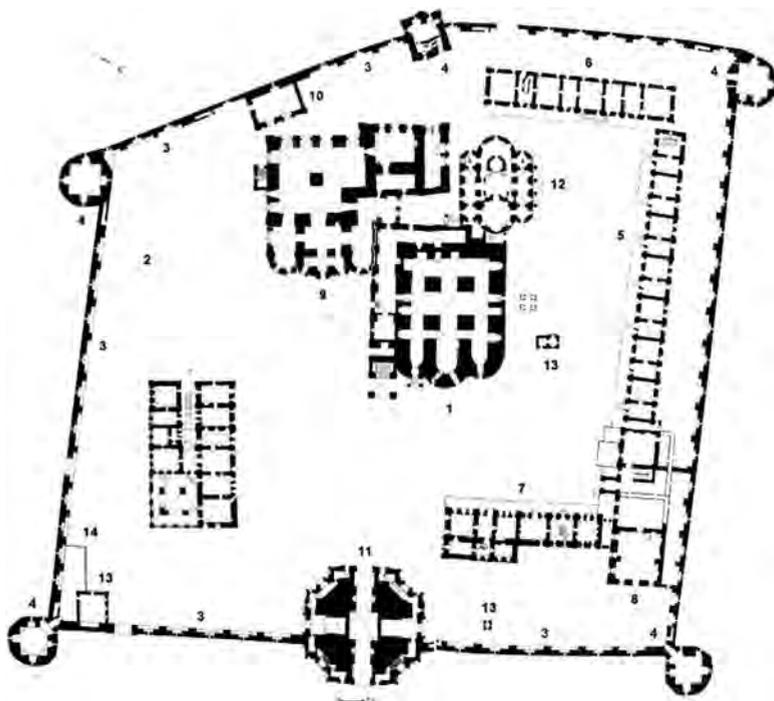
47. План Новоспасского монастыря и окружающей местности. 1751 г. ГНИМА им. А. В. Щусева:
 а) копия Р1-11117;
 б) копия Р1-11119
 (Фото А. Шароухова, 1992 г.)

ПЛАНЪ НОВОСПАСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ 1804 Г.

1. Церковь Спаса Преображенн. 2. Церковь. 3. Церковь Шереметевская. 4. Церковь для больных. 5. Трапеза для брати. 6. Архирейскій домъ. 7 и 8. Кельи. 9. Колокольня. 10. Колокольня и на оной церковь. 11. Сторожка. 12. Переходы и паперты. 13. Хоры и пристройки. 14. Заборъ. 15. Кладбище. 16. Присыпши. 17. Бани. 18. Кухонши. 19. Сарай. 20. Садъ. 21. Колодезь. 22. Конюшенный дворъ. 23. Стѣны. 24. Башни. 25. Ворота въ монастырь.

48

49

48. План Новоспасского монастыря. 1804 г.

49. План Новоспасского монастыря. НИПМ ВПНРК, 1970-1980-х гг.

51

52

53

54

55

51. Сохранность женского скелета под плитой 1
52. Женщина, погребенная под плитой 1. Остеохондроз и возрастные дегенеративно-дистрофические изменения в шейном отделе позвоночника
53. Сохранность жевательной поверхности зубов нижней челюсти у женщины, погребенной под плитой 1
54. Сильное развитие пришеечного зубного камня
55. Нижняя челюсть женщины, погребенной под плитой 1, с признаками пародонтопатии

56

57

58

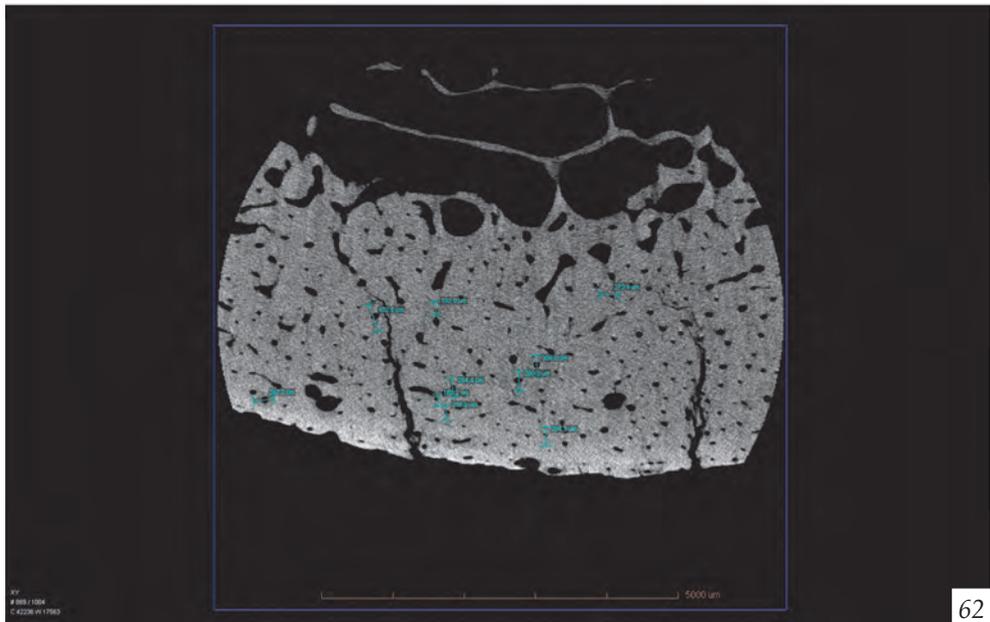
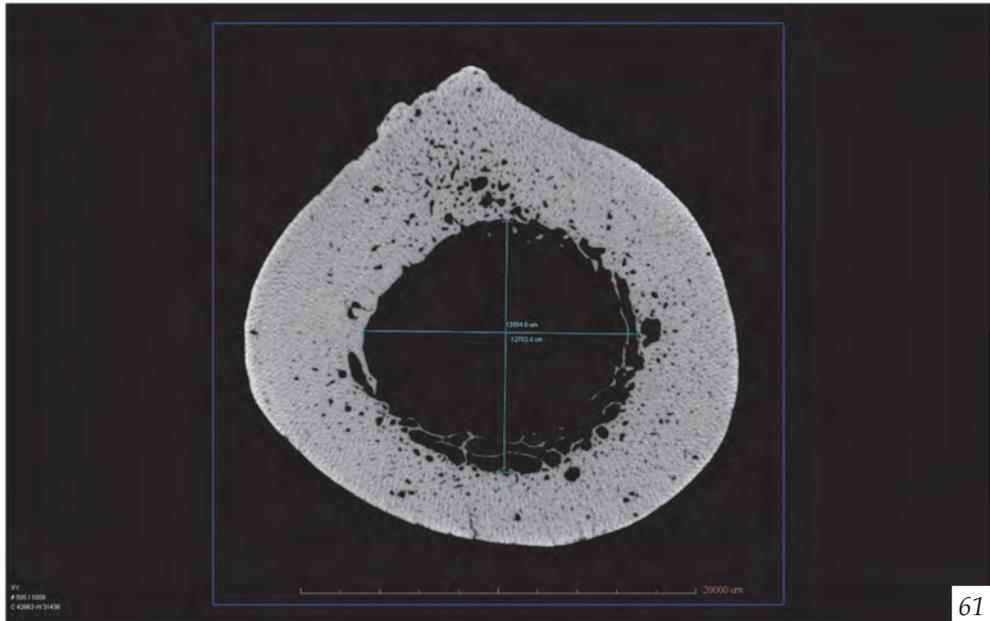

59

60

56. Сильная деформация краев суставной поверхности причиняла сильную боль в коленном суставе
57. Краевые разрастания суставной поверхности нижнего эпифиза бедренной кости
58. Верхняя часть правой бедренной кости без возрастных или патологических изменений
59. Функциональная гипертрофия малого бугорка на правой плечевой кости
60. Функциональные изменения левой локтевой кости: усиленный рельеф и частичная оссификация связки на задней поверхности локтевого отростка

61. Изображение поперечного сечения в середине правой бедренной кости, полученном при съемке в режиме микротомографии. Женщина под плитой 1. Увеличение в мкм
62. Структура дорзальной стенки правой бедренной кости в середине диафиза. Рентгеновская микроскопия. Увеличение в мкм

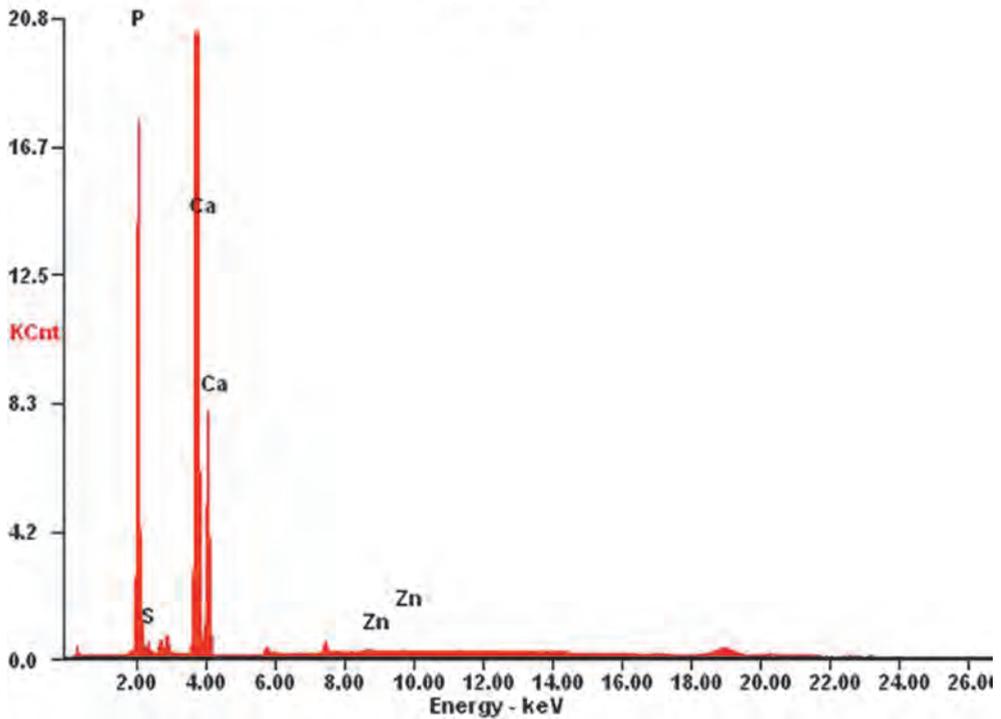
63

64

63. Микрофокусная рентгенограмма правой большеберцовой кости с множественными линиями Гарриса
64. Прижизненные периостальные и посмертные тафономические изменения в центральной части большеберцовой кости. Женщина под плитой 1

c:\edax32\Vision\VisionPlus.spc 13-Apr-2015 14:08:15
LSecs : 21

Element	Wt%	At%
P K	33.13	39.04
S K	0.59	0.68
CaK	66.07	60.17
ZnK	0.21	0.11

65

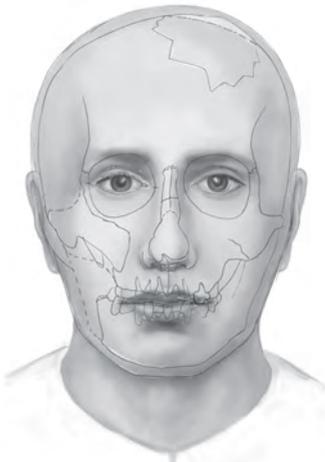
65. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа лобной кости (область, прилегающая к надбровью). Женица под плитой 1
66. а-е. Стадии реконструкции лица по черепу. Профиль и фас

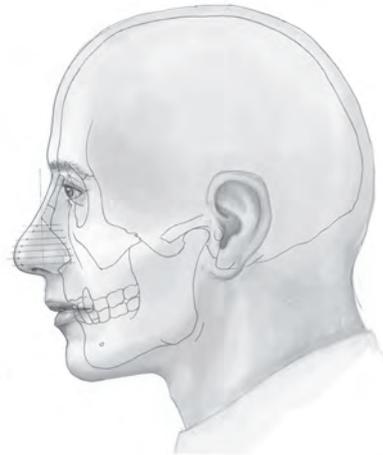
a

б

в

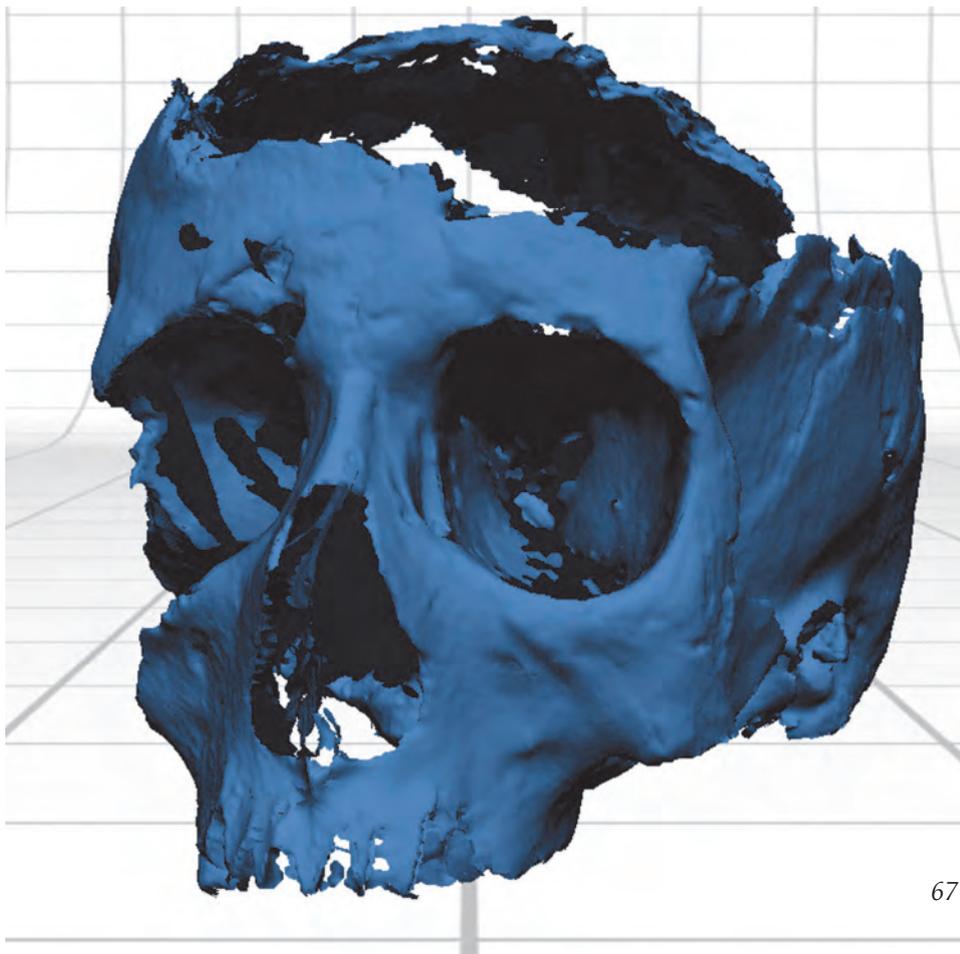
г

д

е

67

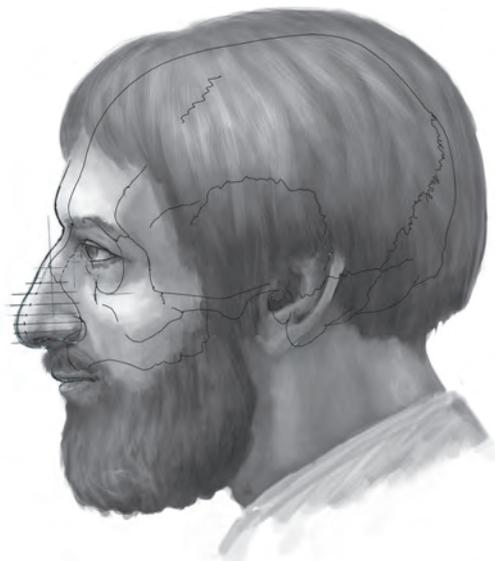
68

69

а

б

в

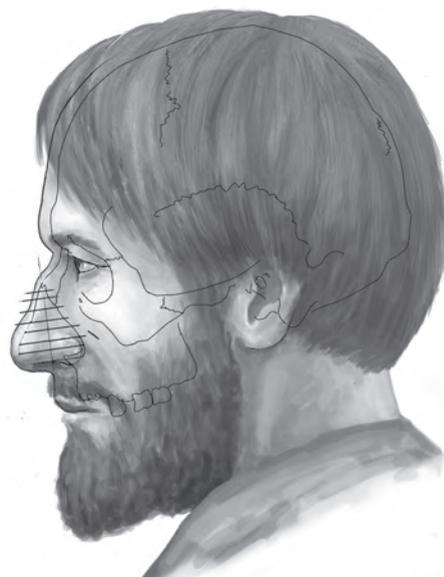
г

70

67. Трехмерная цифровая модель черепа погребенного, полученная путем лазерного сканирования
68. Эмалевая гипоплазия и пришеечный зубной камень на резце нижней челюсти
69. *Stria fetoris* и следы посмертной деструкции в области шейки бедренной кости
70. Стадии реконструкции внешности мужчины по черепу №1

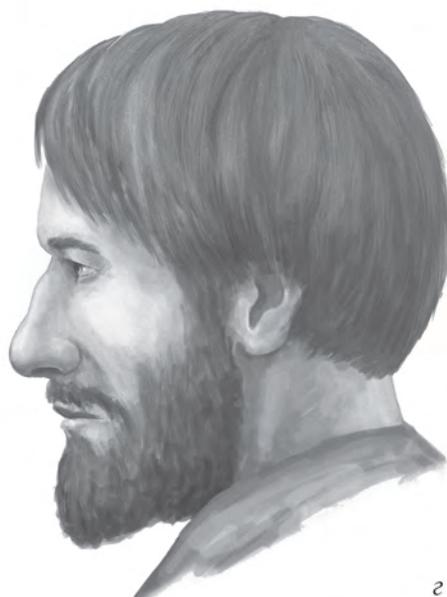
а

б

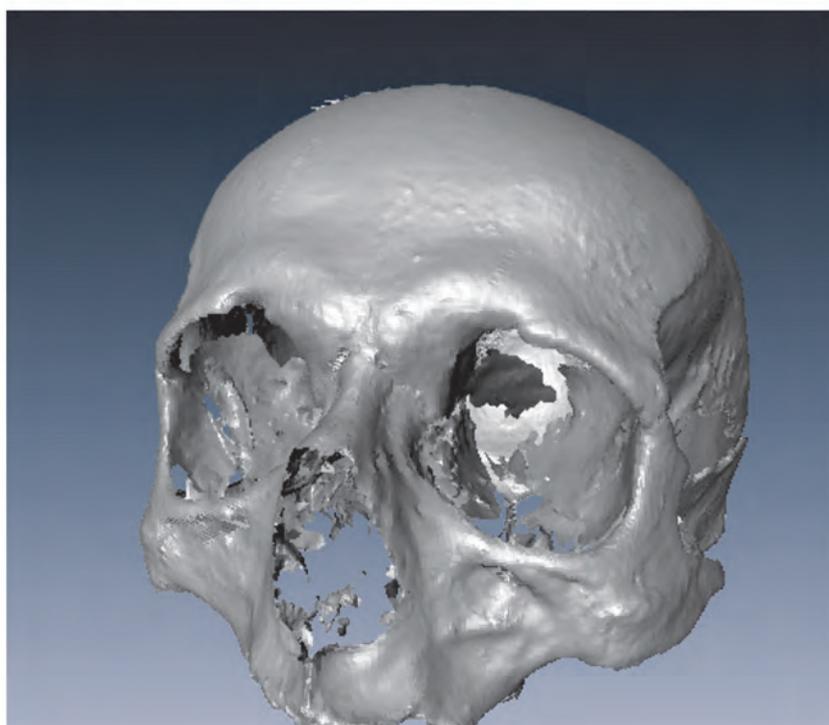
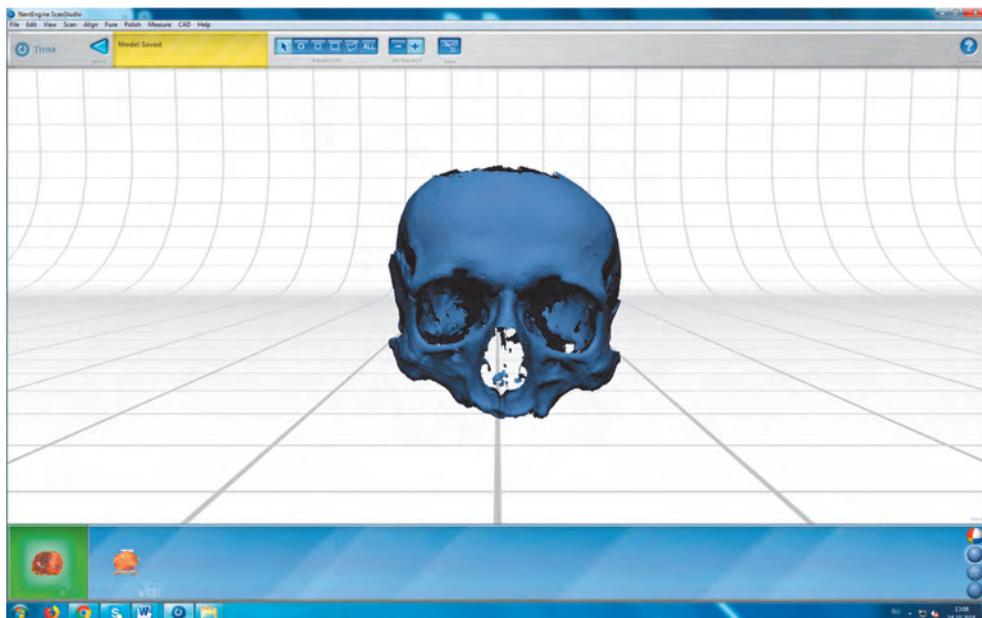

в

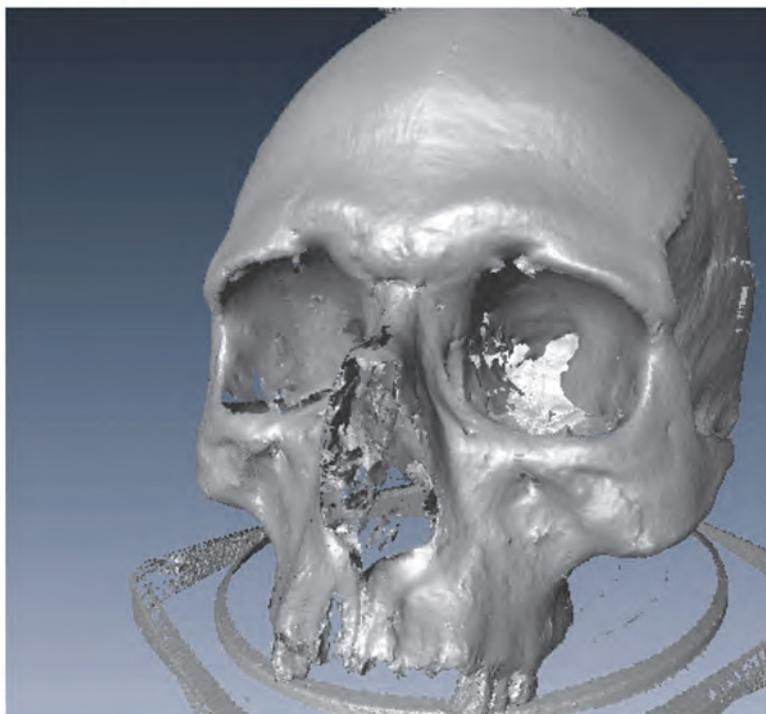
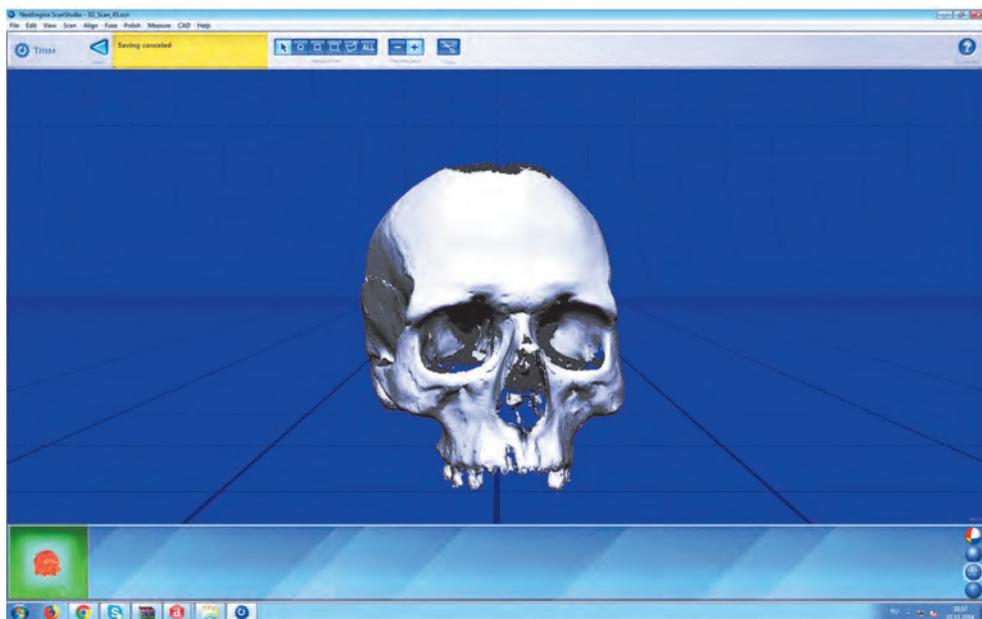

г

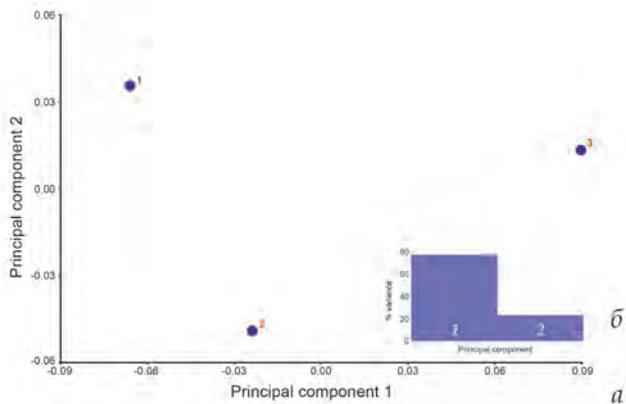
71. Стадии реконструкции внешности мужчины по черепу № 2

72. Цифровая трехмерная копия черепа 1 после сканирования лазерным сканером NextEngine

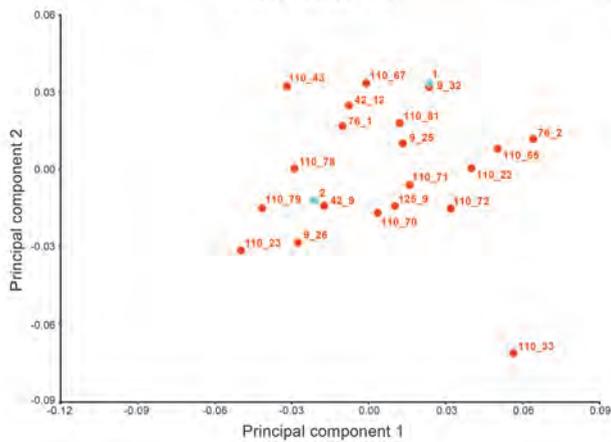

73. Цифровая трехмерная копия черепа 2 после сканирования лазерным сканером NextEngine

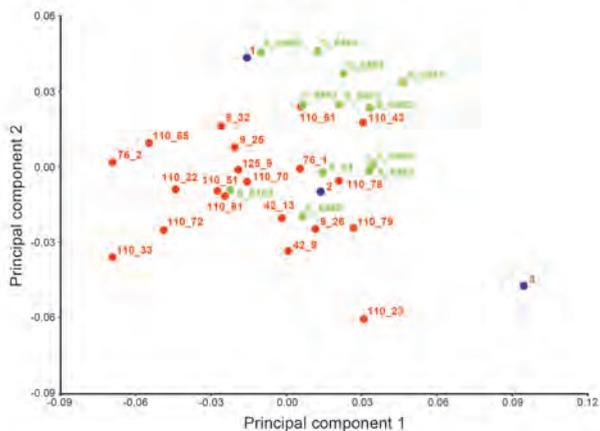

a

74

a

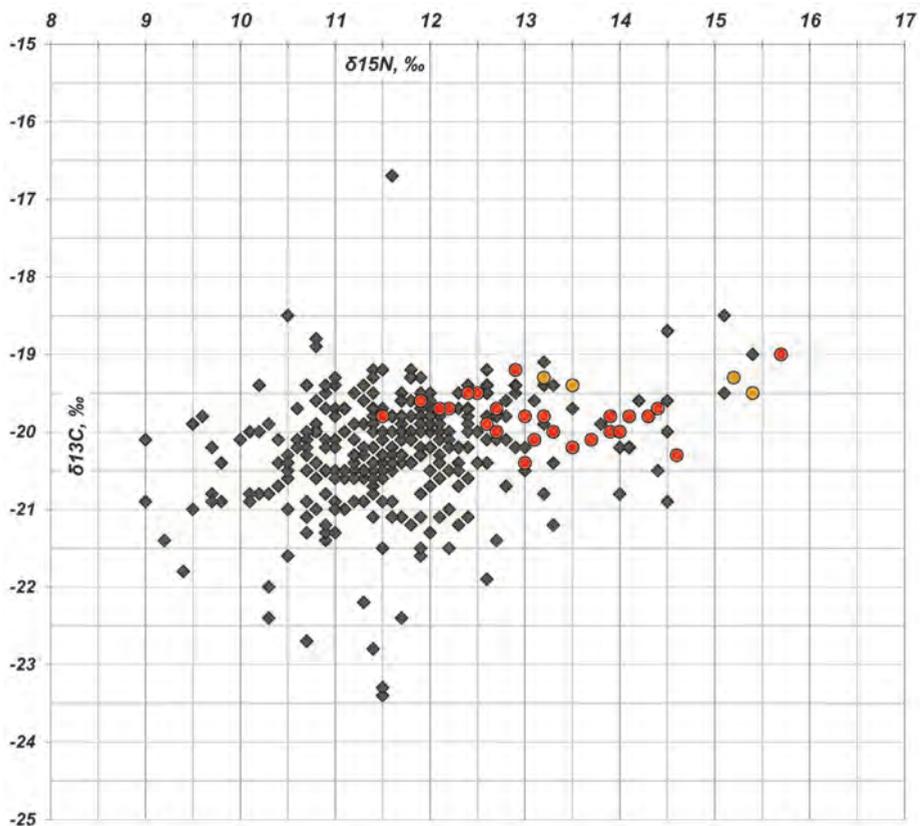
б

75

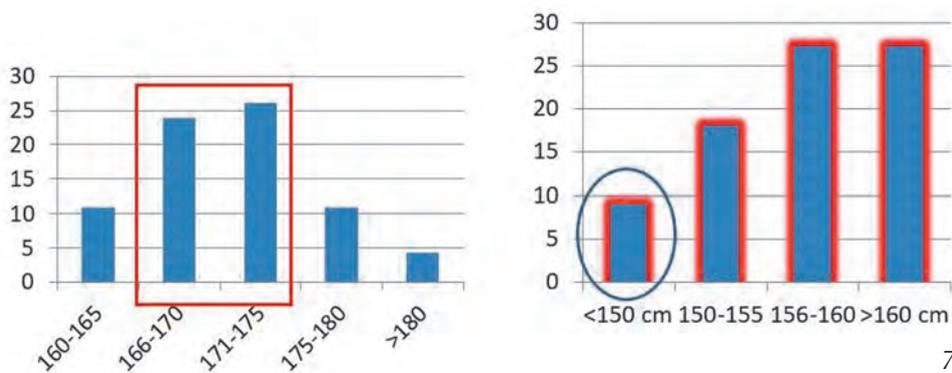
74. Оценка степени морфологического сходства черепов №№ 1, 2 под плитой 1 и черепа подростка из саркофага 3 методом геометрической морфометрии:

а) результаты анализа; б) нагрузка главных компонент

75. Морфологическое разнообразие мужских черепов из раскопок Новоспасского монастыря на фоне средневековых ярославцев (а) и ярославцев и норвежцев (б)

76

77

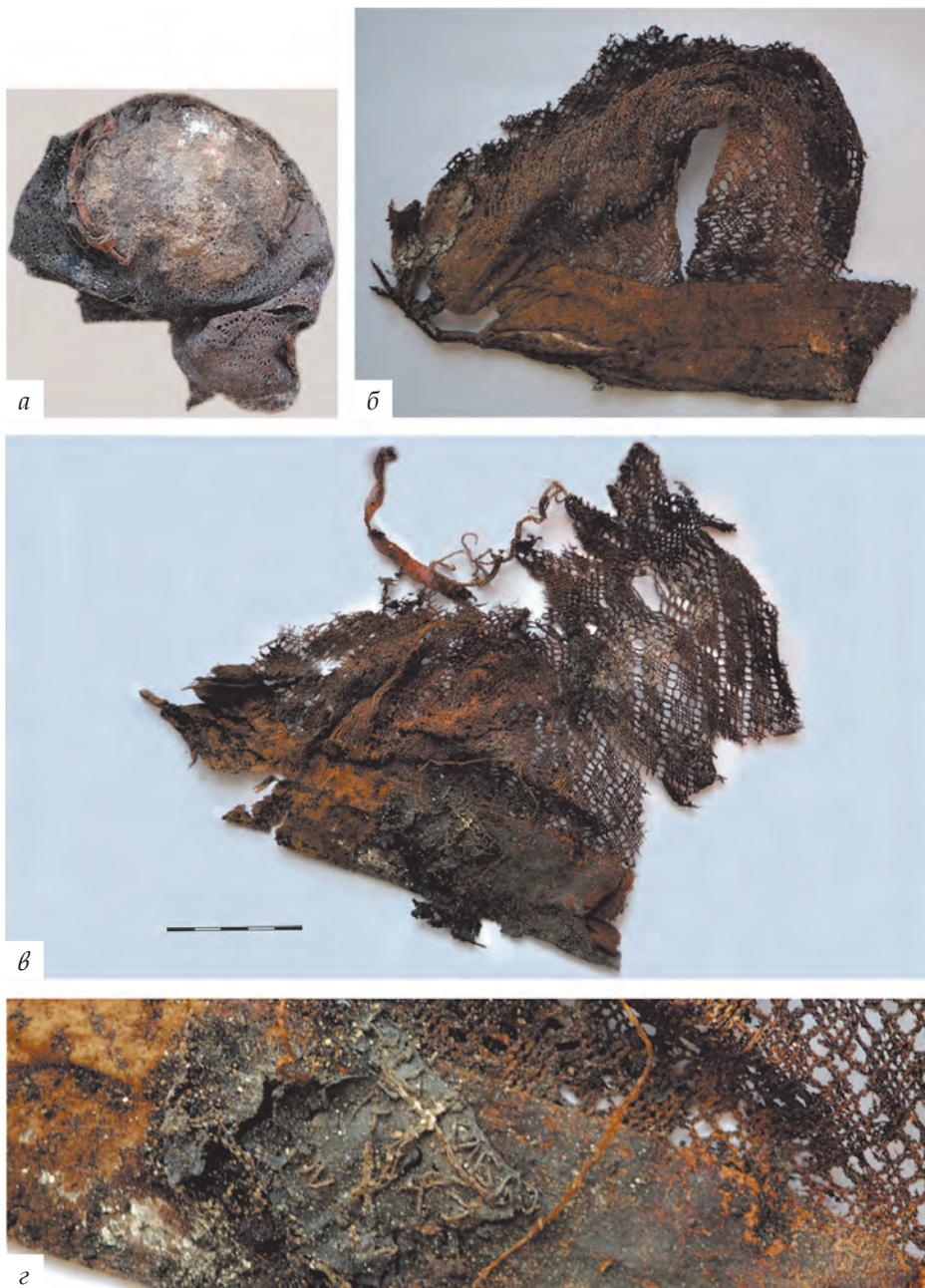
76. Характеристика питания погребенных в Новоспасском монастыре в сравнительном освещении. Желтый цвет – погребения в Новоспасском монастыре, красный цвет – в Троице-Сергиевской Лавре. Изотопные данные по средневековым русским городам и монастырям любезно представлены А. В. Энговатовой

77. Соотношение длины тела, реконструированной для погребенных под плитой 1, с данными по элитарным захоронениям из раскопок Чудова монастыря в московском Кремле. Слева: мужчины, справа: женщины

Иллюстрации к приложению 2

1. Текстиль из перезахоронения в склепе № 1.
Находился среди хаотичного нагромождения человеческих костей
2. Остатки сава́на(?) в детском саркофаге № 4

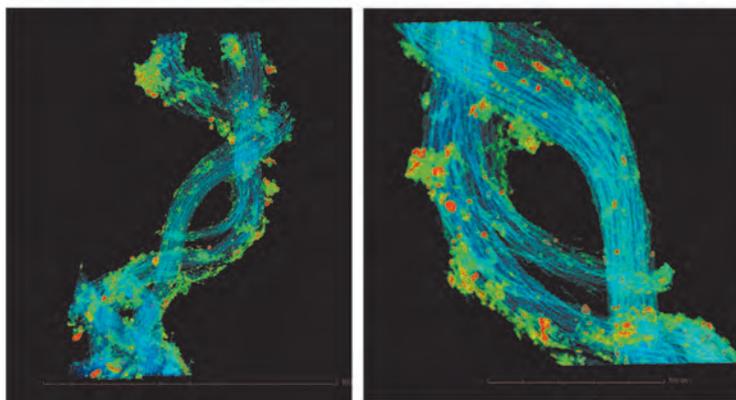

3. Волосник из склепа № 1 (погребение № 6):

- а) остатки волосника на фрагменте черепа;
- б) и в) фрагменты волосника после снятия и первичной очистки;
- г) остатки погребального налобного венчика на очелье волосника

а

б

4. Ажурный верх волосника:

а) фрагмент;

б) радиологическая микроскопия шелковых нитей плетения ажурного верха волосника

5. Рубаха 1. Ворот: общий вид и реконструкция

а

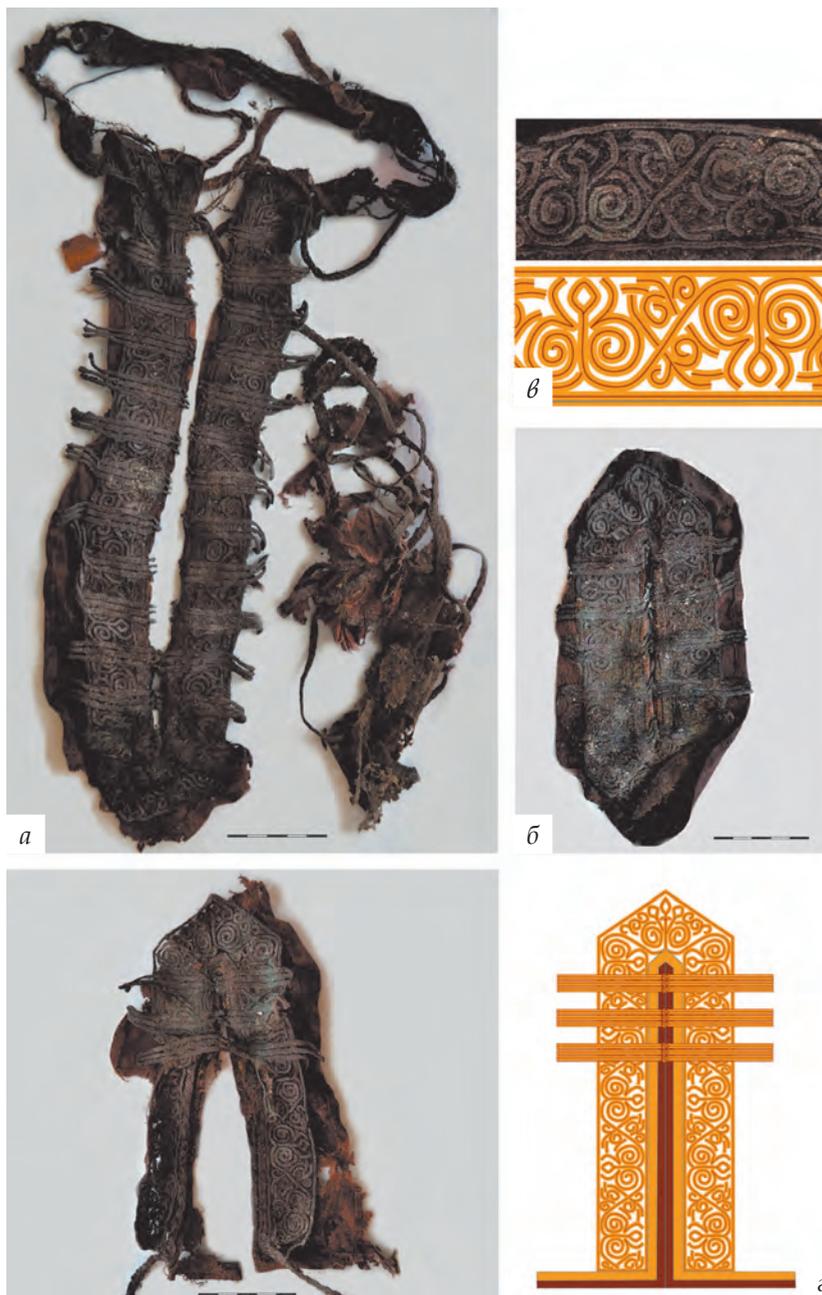
б

в

6. Рубаха 1:

- а) орнамент вышивки, реконструкция орнамента;
- б) плетеные петлицы, этапы изготовления;
- в) группа из трех плетеных петлиц на вороте рубахи

7. Рубаша 2:

- а) ворот и тесьма для оформления конструктивных швов;
- б) вошва;
- в) орнамент вышивки (реконструкция);
- г) шлица (общий вид и реконструкция)

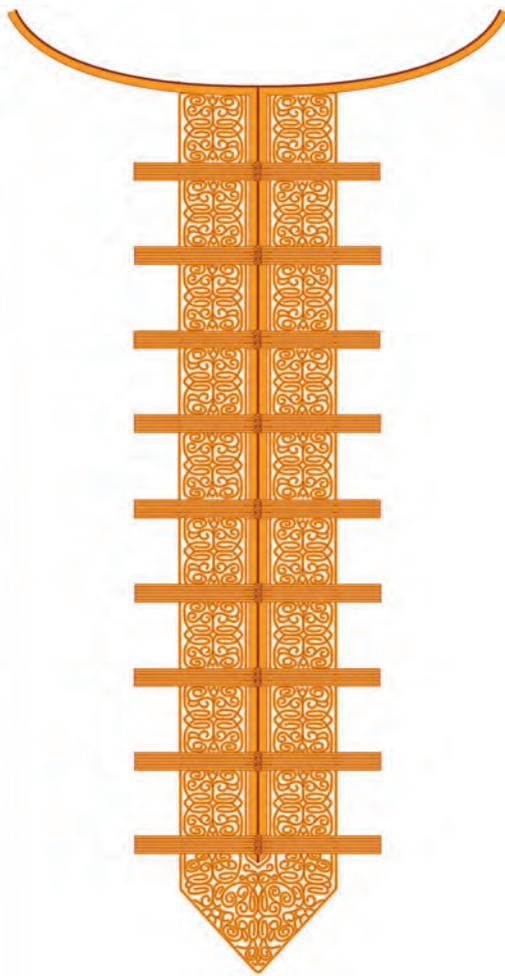

а

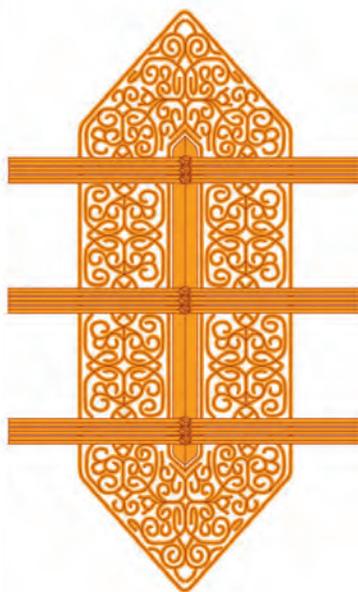

б

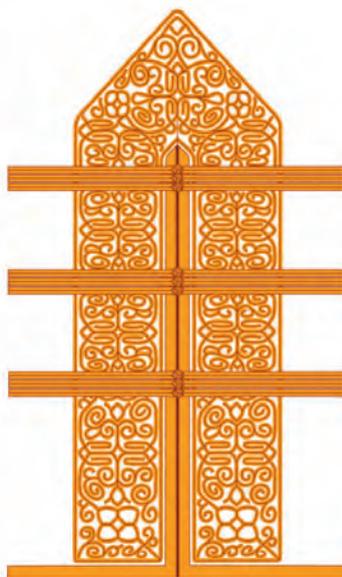
8. Погребение подростка 13-15 лет в белокаменном саркофаге № 4 с остатками текстиля:
а) общий вид захоронения;
б) расположение декоративных элементов рубахи 3 (выделено желтым цветом;
оранжевый цвет показывает расположение фрагментов покрыва)

9. Рубаха 3. Ворот. Общий вид и реконструкция

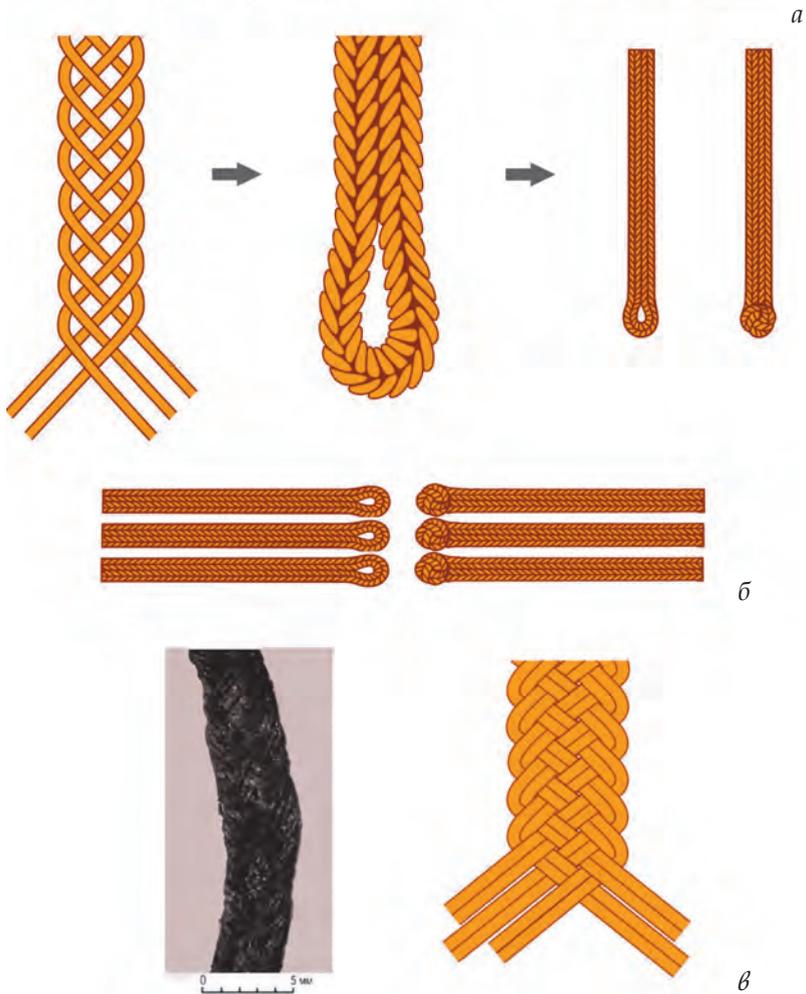
а

б

10. Рубаха 3:

а) вошва, общий вид и реконструкция;
б) шлица, общий вид и реконструкция

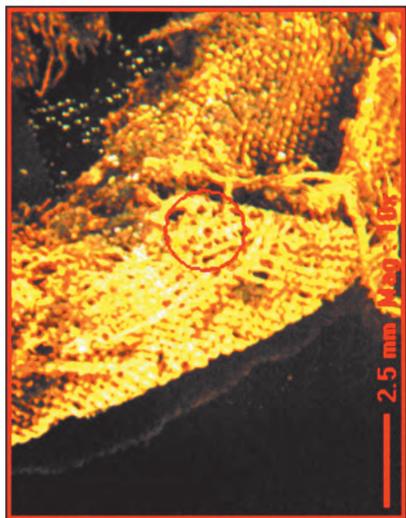
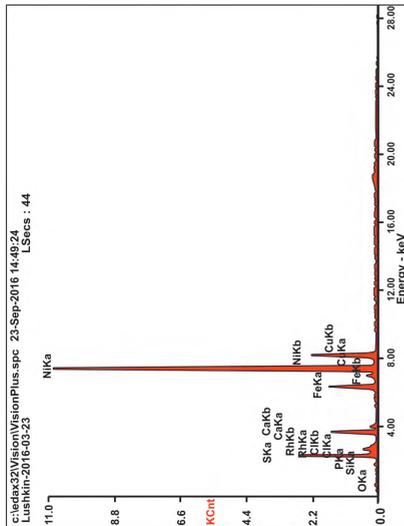
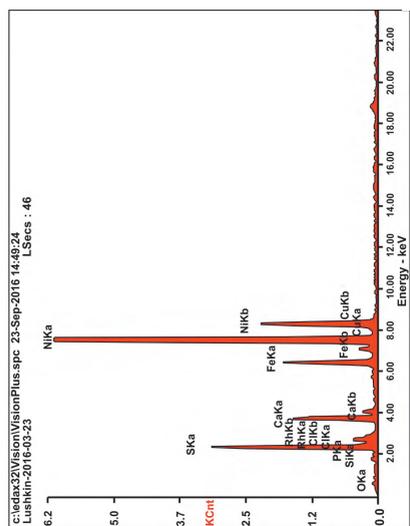

11. Рубаха 3:

- а) группа из трех плетеных петлиц на вороте рубахи;
- б) плетеные петлицы (этапы изготовления);
- в) тесьма для оформления конструктивных швов рубахи

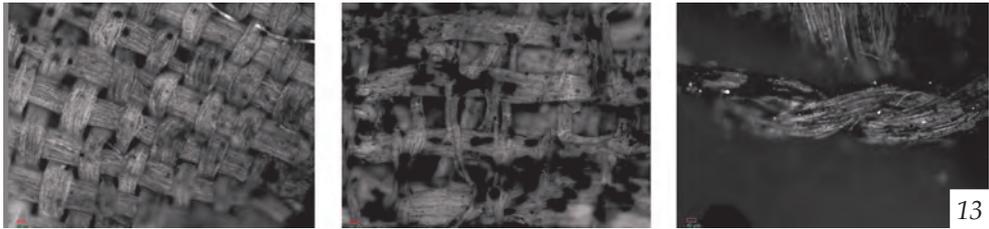
Element	Wt%	At%
ALK	2.93	4.42
SiK	6.37	9.25
PK	14.61	19.23
SK	11.30	14.37
RhL	0.00	0.00
AgL	11.27	4.26
CaK	34.49	35.09
TiK	0.47	0.40
FeK	12.20	8.90
CuK	6.36	4.08

Element	Wt%	At%
MgK	3.80	10.76
AlK	0.97	2.48
SiK	1.28	3.14
PK	0.83	1.85
SK	11.37	24.42
RhL	0.00	0.00
AgL	69.45	44.34
CaK	1.55	2.65
CrK	0.12	0.16
FeK	2.61	3.22
CuK	5.70	6.18
AuL	1.57	0.55
PbL	0.74	0.25
AgK	0.00	0.00

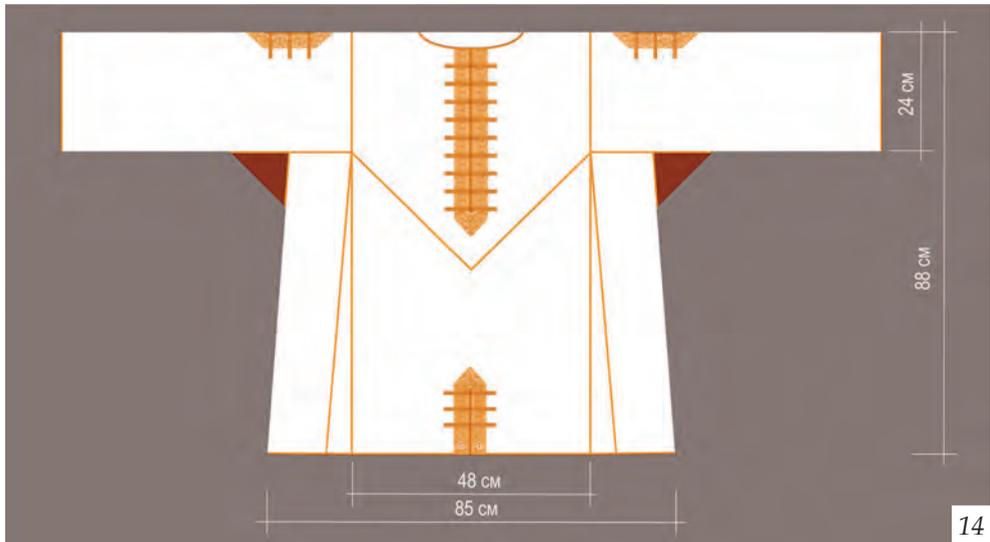

12. Рубаха 3. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) текстильных фрагментов (область исследования, графическое представление, весовые и атомарные коэффициенты):

- а) ткань;
- б) тесьма.

13

14

15

13. Изучение текстильных артефактов в свете конфокального флуоресцентного микроскопа:
 а) структура ткани подушки рубахи;
 б) структура ткани покрыва (?);
 в) структура сердечника золотной нити тесьмы.
14. Рубаха 3. Графическая реконструкция
15. Фрагмент покрыва из перезахоронения в склепе № 1. Находился среди хаотичного нагромождения человеческих костей.

16. Погребальные налобные венчики (общий вид фрагмента и реконструкция рисунка вышивки):
 а) погребальный венчик 1;
 б) погребальный венчик 2;
 в) погребальный венчик 3 (общий вид, фрагмент, реконструкция рисунка вышивки)

Иллюстрации к приложению 3

- 1. Голенище сапога. Задняя часть*
- 2. Голенище сапога. Передняя часть*

3. Верхняя часть голенища

4. Нижняя часть голенища. Берестяной задник

Научное издание

Л. А. Беляев, М. Б. Медникова

**В поисках бояр Романовых:
междисциплинарное исследование
усыпальницы XVI-XVIII вв.
в Знаменской церкви
Новоспасского монастыря в Москве**

Верстка: В. Б. Степанов
Художник: И. И. Елкина

Подписано в печать 17.12.2018
Формат 70×100/16. Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,9. Уч.-изд. л. 12,8
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ...

